

И. И. Мясницкій.

ЖЕНИТЬБА КРУТОЗОВОВА.

Юмористическое описаніе сватовства и женитьбы замоскво-
рѣцкаго лавочника

АРХИПА СЕМЕНОВА

КРУТОЗОВОВА.

Москва.

Изд. Д. П. Ефимова.

1895.

Москва. Университетская типогр., Страст. бульв. 1895.

ЖЕНИТЬБА КРУТОЗОВОВА.

I.

— Готовы, что ли, мраморныя? — кричала полная женщина, лѣтъ пятидесяти, входя въ квартиру лавочника Крутозובה, гдѣ изъ комнаты въ комнату бродилъ толстый благообразный хозяинъ безъ сюртука, который былъ бережно раскинутъ на постели.

— Авдоть Савишнѣ нижайшее-съ! — выскочилъ въ переднюю хозяинъ и хлопнулъ пухлою рукой по костлявой рукѣ пришедшей женщины.

— Здравствуй, отецъ родной, съ добрымъ вечеромъ, — поплыла та вслѣдъ за хозяиномъ въ залу. — Аль не готовы?

— Да сама у меня, вонъ, въ спальнѣ канителится! — махнулъ тотъ рукой. — Никакъ себя къ модѣ не подгонить: то широко, то узко... Мать, Гавриловна! — крикнулъ онъ, приотворяя дверь спальни. — Сваха пріѣхала!...

— Сичасъ выду, дай ты мнѣ образить себя какъ слѣдуетъ.

— Торопись, ѣхать пора.

— Поспѣешь. Не могу же я въ неглиже ѣхать.

— Никто тебя и не гонить, поторапливайся только. Авдотья Савишна, садись покуда. Чаю не желнешь-ли?

— А у невѣсты-то что дѣлать будемъ? Спасибо, мраморный. Раздуетъ тебя на манерь арбуза и на лѣстницу не взойдешь. А женишокъ-то нашъ игдѣ?

— Въ лавку пошелъ, сейчасъ прибудеть. Да, такъ ты говоришь, что десять тыщъ дадутъ?—справился хозяинъ, поглаживая свою лысину.

— Дадутъ, ежели женихъ пондравится.

— Пондравится долженъ. Можетъ, особыя какія претензіи заявятъ?

— Никакихъ притензій у ихъ нѣту. Совсѣмъ простые люди. Обхожденіе жениховское пондравится—и сейчасъ согласье дадутъ.

— Такъ. Люди они денежные, я знаю.

— Откуда-же ты ихъ знаешь, отецъ родной?

— Справочки наводилъ. Будущій свать-то мой братьевъ, вишь, долго опекалъ, черезъ это и капиталъ составилъ.

— И дѣло, по моему, дѣлалъ. Негодяями братья-то вышли и пьяницами горчайшими.

— Извѣстно, пропили бы все да промотали, а онъ соблюлъ,—согласился хозяинъ и хлопнулъ себя по колѣнамъ.—А, можетъ, прибавятъ на расходы-то свадебные?

— Ишь у тебя аппетитъ-то какъ разыгрался: десяти тыщъ тебѣ мало.. ну, кто за твоего Архипа такую прорву дастъ?

— За Архипа? Сколько хочешь!

— Не очень-то сколько хочешь. Нынче какъ на жениха то глядятъ: покажи сперва, что у тебя въ карманѣ есть, а потомъ ужъ и съ невѣсты спрашивай.

— Слава Богу, и у насъ достатокъ есть,—лавка въ два раствора.

— Да долги до сосѣдняго забора. Знаю, все знаю... А ты благодари меня, что я тебѣ такой кладъ нашла...

— Что-жъ, мы благодарить завсегда можемъ... и даже чувствуемъ, напримѣръ.

— Чувствуемъ, а на расходы натягиваешь. Акромя приданого, десять тыщъ отваливаютъ, а ты на свадьбу вызвонить хочешь.

— Да куда имъ деньги-то дѣвать? Одна вѣдь дочь у ихъ?

— Одна. А вотъ когда имъ Богъ по душу пошлетъ, въ тѣ поры и загребай, а до той поры и не заикайся. Я тебя имъ какъ аттестовала—и богатый-то человѣкъ, и на деньгу не жадный, одного только желаешь, чтобъ сыну своему изъ хорошаго дому счастье навѣки предоставить.

— Да ужъ ты раскрашивать мастерица. Любую вывѣску разрисуешь,—усмѣхнулся хозяинъ, хлопая самодовольно себя по брюшку.—Гавриловна, скоро, что-ль?

— Сичасъ,—донеслось изъ спальни,—авось безъ меня не состаришься, а станешь торопить, ничего у меня хорошаго не выйдетъ.

— Подождемъ, ничего. Пудры-то, главное, не жалѣй, а то у тебя на рождѣ какія-то коч-

ки пошли. За извозчиками, я думаю, Авдотья Савишна, послать?

— За извозчиками? А еще невѣсту съ десятию тыщами взять хочешь, нѣту у тебя сображенія, въ каретѣ надо ѣхать, а не на извозникѣ.

— Да я сроду въ каретахъ не ѣзжалъ.

— Приучайся.

— Да она что сичасъ стоитъ?

— Три цѣлковыхъ за весь вечеръ. Да ты не безпокойся, я ужъ ваяла на площади.

— Три цѣлковыхъ еще куда ни шли, за то шикую на цѣлую четвертную. У крыльца карета то?

— У крыльца.

— Поди, весь дворъ теперича на нее глазѣть собрался.

— Немудрая, каретишка, всѣ потроха въ ей ходуномъ ходять, ну, да вѣдь на три цѣлковыхъ бархатную ланду не купишь, и дѣло къ ночи, видать, что въ каретѣ пріѣхали, а въ какой каретѣ, можетъ, въ ей давнымъ-давно и покойниковъ перестали возить, ничего неизвѣстно.

— Да ужъ на площадь хорошій экипажъ не пошлютъ, это вѣрно. Ничего, доѣдемъ... Въ нутрѣ то ободранности нѣту?

— Сальности есть, а ободранія не видно. Кто-нибудь въ каретѣ закусывалъ, а потомъ взялъ, да руки объ обивку и вытеръ, платка своєю жалѣючи, и снаружи она ровно отъ обжоговъ взволдыряла вся, ну, да кто ночью обжоги-то разглядить.

— Не развалилась бы дорогой то.

— Кучеръ божился, что ежели потихоньку ѣхать, такъ въ полномъ благополучіи доѣдемъ.

— Гнать намъ некуда...

— И опоздаемъ на полчаса, — не бѣда, другіе нарочно запаздываютъ, чтобъ форсъ показать, да это ужъ кому какое счастье: иной и въ хорошей каретѣ провалится, а другой и въ рѣшетѣ сто верстъ безъ перекладныхъ проѣдетъ. Со мной въ третьемъ году, какая непріятность вышла: послалъ меня одинъ женишокъ къ невѣстѣ съ предложеніемъ: «не могу, говорить, я самъ ѣхать, Савишна, потому всѣми чувствами взволновался и къ тому же непріятно, ежели носъ натянуть, а ты человекъ посторонній, и черезъ тебя отказъ получить не такъ стыдно будетъ, только ты ступай сейчасъ на извозничій дворъ и возьми для полного близиру карету». Хорошо. Прилетѣла это я на извозничій дворъ и спрашиваю, что возьмете въ каретѣ свозить меня на Арбатъ, а оттуда на Полянку?—Десять цѣлковыхъ!.. А у меня жадность вдругъ; красную-то я хопша и получила отъ жениха на карету, а денегъ жаль, стала торговаться, не берутъ дешевле, хоть убей ихъ, каторжныхъ.

— Да вамъ, говорятъ, купчиха, чего не жаль?—Трехъ цѣлковыхъ, говорю не жаль.—Есть, говорятъ, и на эту цѣву экипажъ, да ужъ больно плохъ, вся краска съ него слѣзла, вотъ до чего оплошалъ.

— Да теперь, говорю, темъ, какой рожонъ твою краску увидить? Запрягай! Вывели они одровъ, мраморный, однѣ кости да кожа, го-

лодный татаринъ, и тотъ бы такую дохлятину жрать не сталъ.

— Подохнуть, говорю, они дорогой!—Онѣ? Вотъ какъ будутъ лупить, не остановишь,—отвѣчаемъ за это. Садись въ нутро, купчиха, да крѣпче держись. И точно что, мраморный, какъ взяли они вскачь съ мѣста, такъ и пошли лупить: и въ горку, и подъ горку, и черезъ рельцы, и черезъ ямы, а я сижу и радуюсь: за три цѣлковыхъ и вдругъ совсѣмъ купеческая ѣзда. Только, мраморный, на Пречистенскомъ бульварѣ трахнулъ кучеръ въ какую то ямку, да такъ трахнулъ, что головой меня объ крышку ударило, а полкареты, на мостовую провалилось; ухватилась я за какіе то ремешки и бѣгу въ каретѣ, сломя голову, ору и бѣгу, бѣгу и ору, а кучеръ то, за стукомъ, ничего, оглашенный, не слышать и лупить кнутомъ своихъ клячъ на всѣ корки, то есть, я тебѣ скажу, отродясь я такъ не бѣгала, какъ въ каретѣ этой дурацкой, да вѣдь какое разстояніе отжарила: съ бульвару то вплоть до Смоленскаго рынка съ лошадьми равнялась.

— Непріятная исторія-сь.

— Да ужъ на что хуже. Калоши потеряла, каблукъ у башмаковъ отбила, весь низъ платья изорвала и цѣльную недѣлю ногами двинуть не могла. Надорвалась, мраморный... А вотъ и сама выѣхала,—бросилась сваха на встрѣчу вышедшей изъ спальни хозяйкѣ и облобызалась съ ней троекратно.

— Хорошо платье то на мнѣ, Савишна?—справилась та у свахи.

— Хорошо. Вотъ только пудры ты безъ мѣры, мать моя, пересыпала. Всѣхъ испятнаешь, ежели цѣловаться станешь.

— Ничего, вѣтеркомъ еще обдуетъ.

— На вѣтерокъ не надѣйся, лучше платкомъ оботрись. У меня одна невѣста была, которая такъ же вотъ перепудриваться любила, такъ женихъ чуть не отказался отъ ей, мать моя: поцѣловать, говорить, ее нельзя, сичасъ же объ этомъ всѣмъ извѣстно станетъ... Съ носа то, съ носа то, мраморная, муку сыми, больше сымай, а то ты такихъ мороженныхъ пятенъ своимъ носомъ на щекахъ у сваты наставишь, что самой же опосля неприятно станетъ... Еще сыми, вотъ такъ, ну, теперича я васъ проикзименную и съ богомъ... Да гдѣ-жъ женихъ то?

— Сичасъ придетъ, выручку считаетъ.

— Скажите, какіе миллионы въ выручкѣ завели, викакъ счесть не можетъ!

— Дѣло мелочное, Савишна.

— А вотъ какъ жените своего Архипушку, такъ, можетъ, и оптовое заведете. Десять тыщъ они, на первый случай даютъ, а тамъ и въ кредитъ къ имъ залѣзть можно.

— Да ужъ на счетъ этого мы уповаемъ.

— Съ умомъ только надо, а то вѣдь вы не успѣете какъ слѣдуетъ породниться, сичасъ и въ карманъ къ имъ полѣзете... Съ политикой и въ карманъ то лазить надо, ежели выше себя дерево хотите срубить, съ однимъ топоромъ не ходите, надо и другой струментъ въ запасѣ имѣть... Ну, а теперича, какъ мы пріѣдемъ, о чемъ вы разговоръ начнете?

— Какъ о чемъ? Извѣстно, сперва: «оченно пріятно познакомиться», а потомъ—о погодѣ.

— Объ маслѣ съ квасомъ сужеть завести... Весь вѣкъ за приланкомъ простояли, а десять тыщъ за невѣстой взять хотите.

— Что-жъ, мы, кажется, ничего... о погодѣ разговоръ довольно вѣжливый!—замѣтилъ хозяинъ, поглядывая на жену.—Мать, ты какъ скажешь?

— Извѣстно, разговоръ хорошій,—поддержала та мужа,—опять же сичасъ гроза была съ ливнемъ, такъ что очень даже антересно объ этомъ поговорить.

— Ничего, антереснаго нѣту: невидаль какая, подумаешь, погода... Погоду ужъ таперича бросать стали, другой сужеть выискивають...

— А ты учи, Савишна...

— Да ужъ безъ ученья не обойдешься: отъ рукъ-то у тебя, керосиномъ не пахнетъ?

— Ну, вотъ! Три раза мыломъ ихъ заграничнымъ мыль, полтинникъ кусокъ стоитъ...

— Вотъ тоже онѣ у тебя красныя—это не хордшо. Ошпарилъ словно кто..

— Руку не перемѣнишь, какія ужъ есть.

— А ты, въ разговорѣ, на подагру упри—есть такая ристократическая болѣзнь—дескать, отъ подагры краснота пошла...

— Это ничего, можно...

— Безпремѣнно упри, чтобъ видѣли они, какая въ тебѣ благородная болѣзнь сидить... Упомнишь болѣзнь-то?

— Упомню. Какъ ее... агра... агра-номія?

— Да не агрономія, а подагра... затверди, а какъ взойдете и поздоровааетесь, сичасъ, первымъ долгомъ, хозяину просьбу: дескать, будьте на столько добры, позвольте нашей каретѣ на дворъ въѣхать...

— Это для чего же на дворъ-то, Савишна? Не великъ баринъ кучеръ, и на улицѣ постоитъ.

— Безъ тебя знаю, что постоитъ, да почему они узнаютъ, что вы въ каретѣ-то приѣхали? Ночью, чай, не видать... Сразу надо имъ носъ каретой утеретьъ.

— Что жъ, это ничего... утремъ!

— Не забудь только... а тамъ, сядемъ чай пить, можешь и о торговлѣ рѣчь завести... дескать, какъ сына женю, тотчасъ же торговлю расширю... вадо, дескать, ходъ молодому поколѣнію дать... понялъ?

— И это можно... ужъ будь покойна, такого браандера запущу — въ затылкѣ почешутъ.

— Зря, смотри, не пушай. Перебрандить ничего не стоитъ... вратъ ври, только чтобы складно было, чтобъ повѣрить могли... Прошлою зимой одинъ у меня началъ вратъ, да и заврался: я, говорить, перваго января двѣсти тыщъ выигралъ... а тѣ справились по газетамъ, хватъ, двѣсти-то тыщъ какой-то секретарь изъ Могилевской губерніи выигралъ... вратъ можно, только съ политикой.

— Да ужъ не подгажу, будь покойна, разные даже китайскія слова могу пустить: хинъ-лунъ-го, напрымѣръ, или хинъ хунъ-дзинъ, чай-ныя собственно слова, а мудренныя.

— Ничего, подпусти китайца. Которые своимъ капиталомъ чванятся, образованность любить.

— А то я еще могу на закуску винегрѣ туалетъ запустить, — разохотился хозяинъ, вспоминая названія своихъ товаровъ, — или этимъ, какъ его, лѣшаго, виолетъ де пармомъ ошарашить.

— Ну, вотъ видишь, отецъ родвой, сколько у тебя словъ для сурьезнаго разговору, а ты о погодѣ... Плюнь на погоду, и стращай ихъ китайскими словами; а ты, мать моя, объ хозяйствѣ можешь распространеніе пустить... Кушанья-то у васъ какія?

— Обнаковенно, щи да каша, картофель жареный.

— А въ праздники?

— Въ праздники — пироги, баранина жареная.

— А еще?

— Кисель когда клюквенный, панпушки съ яблоками.

— И жрать-то, какъ слѣдуетъ не умѣете, а за капиталомъ лѣзете. Измучаешься просто съ вами: «панпушки, ватрушки, щи да каша»... Трехсотрублевую вамъ невѣсту надо, а не десяти тысящную... Ну, кто вамъ на щи съ кашей, да на панпушки съ такимъ капиталомъ дочь отдастъ? Голову вы съ меня снять хотите... Ври!

— Да что же врать-то, Савишна?

— Ъду ври. Кухарка то у тебя сколько получаетъ?

— Три цѣлковыхъ.

— Дура! Положимъ щи да кашу переводить, а все дура, поломойка, и та за три цѣлковыхъ жить не станетъ, а у васъ кухарка за эту цѣнность. Повариха у васъ и десять цѣлковыхъ получаетъ. Поняла?

— Поняла.

— А ежели спросить тебя хозяйка: довольны ли вы ей?—Скажи: не оченно. Еще супъ потафю можетъ изготавить, а вотъ телятину подъ бешемелью дойти не можетъ. Поняла?

— Поняла. Супъ подфюфю можетъ, а телятину подъ шинелью не можетъ.

— Подъ бешемелью, а не подъ шинелью. Подъ шинель то всякая куфарка телятину можетъ, потому у каждой кумъ либо изъ пожарныхъ, либо изъ казармовъ.

— Это правильно... Подъ бешинелью, значить?

— Подъ бишемелью, а ежели вспомнишь какое мудреное кушанье—ври! Только политично ври. А то у меня одна дама разъ такое кушанье сказала, что и ѣсть его нельзя.

— Переврала?

— Не переврала, а безъ политики хватила. Слышала слово, думала, его ѣдятъ, анъ вышло совсѣмъ, напротивъ. А вотъ и мраморный явился! Здравствуй, отецъ родной, здравствуй! — говорила сваха, здороваясь съ вошедшимъ молодымъ человѣкомъ съ завитыми кудряшками на лбу и вискахъ.—Ну-ка, вертись. Завился, по моему, безо всякаго антиресу.

— Щипцы не берутъ-съ,—отвѣтилъ тотъ, вертясь передъ свахой, — парикмахеръ говорить, что у меня волосъ жестокий-съ, все одно,

что конскій, онъ его щипцами налѣво, а волосъ сейчасъ направо. Природа такая глупая-съ.

— Губы подрумянь; румяныя губы барышни любятъ.

— Сандалили уже достаточно-съ, до синяковъ даже, инда опухли всѣ.

— Перетеръ. Нужно вальготно румянить, а ты съ нажимомъ, ровно полотеръ щеткой натираль. Ума нѣту—у' родителей бы спросилъ. За десятитыщною невѣстой губы тянешь, а нарумянить ихъ подъ натуральный фасонъ не можешь. Руки мыль?

— Мыль-съ, я ихъ даже содой для мягкости, а потомъ черемушнымъ мыломъ прополоснулъ.

— А ногти траурные. Кто же это къ невѣстѣ въ трауръ ѣздитъ? Вычисти спичкой, отецъ родной, а то невѣсту испугаешь... Чистишь?

— Чищу-съ, въ одинъ моментъ.

— Поди сюда. А какъ къ невѣстѣ пріѣдешь, протянетъ она тебѣ ручку, и ты сейчасъ ее чмокъ. Понялъ?

— Это невѣсту-то? Слушаю-съ и даже съ удовольствіемъ, а ежели они вдругъ меня по мордѣ?

— Не невѣсту, а ручку невѣстину. Вотъ и сватай имъ десятитысячную... А потомъ разговоръ антиресный заведи.

— Ужъ это конечно-съ, барышни чесать языкъ любятъ. Вчера у насъ жулика поймали, такъ я ей про жулика... И ужъ и лупили его, страсть!

— Про жулика нельзя. Запугаешь невесту прежде времени, ни за что за тебя не пойдет. Ты лучше интересное что-нибудь расскажи.

— А то воть намеренны у насъ крысу поймали, облили ее керосиномъ, подожгли и пустили, что смѣху было-съ.

— Дикость это!... Ну, вотъ и сватай имъ десятитысячную! Голову сымутъ! Про чувства разговаривать можешь?

— Могу съ.

— Такъ ты, отецъ родной, про чувства лучше. Сдѣлай такай видъ глупый и вздохни. Она сичасъ: что съ вами? А ты.. ну, что ты на это долженъ?

— Я-съ? Изжога у меня-съ, маменька нонче столько въ кашу сала навалила...

— Ну, и дуракъ! Тьфу! Подымайтесь ужъ, дорогой его научу, какія слова дѣвицѣ говорить.

Всѣ встали, покрестились и стали одѣваться.

— Ну, дай Богъ часъ благополучный,—говорила сваха, выходя на крыльцо.—Садитесь.

Мать съ отцемъ и жевихомъ молча полѣзли въ «новое ковчегъ».

— А ты, осторожниѣе поѣзжай, крикнула сваха кучеру.—Не торопись, а то такая проваленція выдетъ, что безъ протоколу съ тобой не разстанешься. Ступай, отецъ родной!

Сваха вскочила въ карету и хлопнула дверцу. Кучеръ свистнулъ кнутомъ. Одры покачались на мѣстѣ, фыркнули и подъ хохотъ уличныхъ мальчишекъ вынесли рыдванъ со двора.

II.

У двухъ-этажнаго деревяннаго дома, стоявшаго въ одномъ изъ безчисленныхъ переулковъ Арбата, остановилась извозничья карета, изъ которой сперва выльзла сваха, а потомъ ужъ и женихъ съ родителями.

— Вотъ на это крылечко идите!—проговорила сваха и дернула за ручку звонка.

Двери отворились, и прїѣхавшіе гурьбой ввалились въ крошечную переднюю, съ закоптившимъ потолкомъ.

— Раздѣвай гостей-то, милая, — крикнула сваха суетившейся курносой горничной, которая скалила зубы на жениха, растерянно требившаго пуговицы на пальто, — раздѣвай, а я сама раздѣнусь... Дома ваши-то?

— Дома-съ, Арина Савишна, — отвѣтила та, чуть не силкомъ стаскивая пальто съ каменѣвшаго жениха. — Пожалуйте-съ.

— Оправьтесь, — шепнула сваха родителямъ и пихнула въ плечо жениха. — А ты что же это на манеръ замерзлой кочерыжки стоишь? Развинтись.

— Отъ кареты у меня очумленіе, — тряхнулъ тотъ головой, — растрясло-съ.

— Растрясло? Да ты рази въ деревенской телѣгѣ ѣхалъ? Отъ экипажу его развезло, чистый судакъ маринованный сталъ... встряхнись... вотъ такъ... еще... прошла чума-то?

— Теперь я въ себя, кажется, взошелъ достаточно, — отвѣтилъ тотъ и заглянулъ на себя въ маленькое зеркальце, висѣвшее въ передней.

— Ну, идите за мной... готовы?

— Готовы, — отвѣтила шепотомъ мать жениха, — иди впередъ-то, Савишна.

— А ты, меня, не учи, лучше васъ всякіе порядки знаю... Ну, кажется, все у васъ въ порядкѣ, — окинула она инспекторскимъ взглядомъ съезжившихся гостей, — улыбку только пошире пустите, а то у васъ такіе патреты, ровно вы за паннихидой стоите... Да помните, какъ я васъ учила.

— Ладно, иди ужь, — отвѣтилъ родитель, приглаживая бороду, — сейчасъ первое я на счетъ кареты.

— Вотъ, вотъ... ну, съ Богомъ.. трогай!

Сваха отворила дверь, ведущую изъ передней въ освѣщенную зальцу, и вошла, раскланиваясь съ хозяевами, шедшими къ нимъ на встрѣчу.

— Милости просимъ, пожалуйста, — говорилъ хозяинъ, высокій плотный старикъ, въ наглухо застегнутомъ черномъ сюртукѣ.

— Очень пріятно знакомство имѣть, — продолжала хозяйка, такая же плотная дама, лѣтъ сорока пяти съ завитою чолкой.

Гости молча пожали протянутыя руки и направились за хозяевами къ столу, на которомъ пыхтѣлъ ярко вычищенный ведерный самоваръ.

— Прошу покорно, гости дорогіе, — жестомъ пригласилъ хозяинъ. — Садитесь.

— Садись, Савишна, — обратилась хозяйка къ свахѣ, одергивавшей незамѣтно у матери жениха платье, которое отъ неизвѣстныхъ причинъ лѣзло кверху.

— Сяду, сяду, обо мнѣ не безпокойся, я свой человекъ. А гдѣ же лебедушка то наша бѣлая, Настасья Ивановна?

— Одѣвается, поди,—улыбнулась хозяйка.— Съ платьемъ портниха запоздала, ну, и вышла задержка. Придетъ сейчасъ. Садитесь, гости дорогіе.

Гости, откашливаясь, подѣли къ столу. Хозяйка сѣла разливать чай, а хозяинъ сталъ справляться, кто какъ чай пьетъ. Оказалось, что родители пьютъ въ «прикуску», а женихъ—«какъ вамъ угодно, можетъ на всякій манеръ».

— Такъ я вамъ въ накладку, въ такомъ случаѣ,—замѣтила хозяйка.

— Совсѣмъ ты у меня его зачастишь, мухи начнутъ липнуть,—отвѣтила сваха и потянула къ себѣ вазочку съ вишневымъ вареньемъ.

— Что-жъ, это ничего: чѣмъ слаще молодой человекъ, тѣмъ родителямъ пріятнѣе... Покорнѣйше прошу.

Наступило молчаніе. Родитель жениха посмотрѣлъ на потолокъ, затѣмъ на сваху. Сваха мигнула.

Родитель кашлянулъ и склонилъ голову на сторону хозяина.

— А какая у насъ стоитъ пакостная... началъ онъ и тутъ же почувствовалъ, какъ его сваха ударила ногой, — ка... карета, — спохватился онъ.

— Карета-съ?—съ недоумѣніемъ переспросилъ хозяинъ.—Какая карета?

— А въ которой мы пріѣхали съ къ вамъ.

— Плоха?

— Карета хорошая, вся на ватѣ даже. Я сперва думалъ, пенкой взбодрили, а нѣ, вытащилъ клокъ изъ дыры—гляжу, вата.

— Вы ужъ дозвольте,—перебила его сваха, бросая на него молниеносный взглядъ,—каретѣ на дворъ въѣхать, а то нонче порядки строгіе, того гляди карету въ участокъ заберутъ.

— Еще какъ заберутъ-то,—замѣтила мать жениха.—Отъ кучера винищемъ на сажень несеть. Онъ насъ съ пьяныхъ глазъ часа три по Москвѣ возилъ.

— Врешь, кучеръ трезвый, — моргала ей сваха.—А это тебя потому виннымъ духомъ ошибло, что карету-то спиртовымъ лакомъ крыли... А варенье вѣ васъ, мраморная, чудесное—и скусь, и аромать... Сами варить изволили?

— Нѣтъ, кухарка у меня мастерица хорошая.

— Повариха?

— Замѣсто повара.

— Вотъ у ихъ тоже повариха и чудесно стряпаетъ... Съ удовольствіемъ завсегда у ихъ кушаю.

— А вы сколько же своей платите?—спросила хозяйка.

— Три цѣлковыхъ.

— Двѣнадцать, мраморная... ишь у тебя какъ каретой память-то отшибло.

— Дѣйствительно, забыла я... двѣнадцать платимъ.

— А мы десять. Очень хорошая повари-
ха, ваша навѣрное лучше.

— Какъ вамъ сказать, не всегда тоже по-
трафить можетъ. Намедни эту, какъ ее...

— Мѣнять хотятъ, — вмѣшалась сваха, —
какъ говорятъ, молодую въ домъ возьмемъ,
такъ сичасъ новую ей подѣ вкусъ; пирожное
она еще туда-сюда, а на счетъ соусовъ не
всякій удастся.

— Солусы она не можетъ отчетливо, — про-
говорила мать жениха, — намедни такъ пере-
солила, какъ ее, вермишель... три самовара
выдули.

— Какой же это соусъ изъ вермишели?
Никогда не случалось ѣдать, — замѣтила хо-
зяйка.

— Нѣ вермишель, путаетъ она отъ карет-
наго путешествія названія.

— Мудреное названіе, нѣмецкое, попра-
вилась гостыя — и на языкѣ вертится, а не
вспомнишь.

— Не бешемель ли, мраморная? — подо-
спѣла на выручку сваха.

— Бешенель, бешенель, изъ ума просто
вонъ.

— А у васъ, бакалейная, кажется, торго-
вля? — спрашивалъ хозяинъ гостя.

— Такъ точно-съ. Думаю сейчасъ расши-
реніе сдѣлать. Вотъ женю Архипа и расши-
рю. Надо ходъ и Архипу дать. Авось жена-
тому-то въ голову дурь не полѣзетъ.

— Женатый, какъ можно: у женатаго мы-
сли совсѣмъ другія, — поддакнулъ хозяинъ.

— Совсѣмъ особенныя-съ. Сичасъ онъ до

глупости съ каждымъ покупателемъ зубы чешеть, безъ разбору, барыня пришла, али горничная, а женатый—сравненія нѣтъ. Сичасъ ему жена можетъ по мордѣ за такія женскія приключенія.

— Ну, какія у него могутъ приключенія быть,—вмѣшалась сваха,—просто отъ скуки въ лавкѣ себѣ развлеченіе изыскиваетъ; то газету почитаетъ, то про политику съ чиновникомъ.

— Вы и политикой занимаетесь?—обратился хозяинъ къ жениху.

— Какъ же-съ, иногда-съ, для близиру больше.

— Очень пріятно, я самъ, знаете ли, политику развести люблю. Какъ на вашъ взглядъ сичасъ Германія?

—Германія-съ?—заерзалъ тотъ на стулѣ.—Германія ничего-съ?

— А Франція?

— Франція? Вотъ Франція, такъ та... тоже ничего-съ.

— Синпатіи у ней къ намъ большія.

— Это дѣйствительно, французскій товаръ въ ходу-съ.

— Я не про товаръ говорю, а про синпатіи.

— И синпатія въ ходу-съ, французскіе фрукты сичасъ сушеные требуются.

— Австрія, по моему со всѣмъ плохо.

— Не могу знать-съ, мы изъ Австріи ничего не держимъ-съ. Кильки и то изъ Ревеля-съ. Намедни къ намъ господинъ съ собакой зашелъ, папиросъ купить-съ и при немъ собака-съ, вотъ этакая, махонькая... мразь...

такъ она кильки жретъ-съ... удивительная собака!

Въ залу вышла невѣста, бѣлая, пухлая дѣвица въ розовомъ платьѣ и съ какимъ-то отчаянно яркимъ цвѣткомъ въ волосахъ.

Всѣ шумно поднялись съ своихъ мѣстъ.

— А вотъ и наша единоутробная! улыбулся хозяинъ. — Прошу любить, да жаловать...

— Очинно пріятно-съ...

— Очень рада! — проговорила та, здороваясь съ гостями

— А со мной и поцѣловаться не грѣхъ! — впила въ нее сваха, — здравствуй, лебедь бѣлая, здравствуй, красавица... Бѣлѣшь ты у меня, да полнѣешь родителямъ на утѣшеніе, молодымъ кавалерамъ на зависть.

Невѣста сѣла. Всѣ усталились на нее кромѣ жениха, который смотрѣлъ на самоваръ.

— Еще чаю прикажете? Чашечку? Стаганчикъ? — упрасивала хозяйка.

— Не можемъ-съ... покорнѣйше благодаримъ.

— Чашечку?

— Не взойдетъ-съ, сверхъ мѣры даже пили-съ... премного благодарны и опять же теплынь у васъ, течетъ даже со всего.

— Въ такомъ случаѣ прошу въ гостиную пожаловать.

Родители жениха поднялись и пошли за хозяевами.

— Да что у тебя платье-то, все въ небо лѣзетъ? — шопотомъ говорила сваха, одергивая платье у матери жениха.

— И ума не приложу, что съ нимъ, каторжнымъ, подѣялось, а передъ внизъ ползеть, я подбираю, а онъ ползеть.

— Тьфу! Да ты юбку-то платья задомъ напередъ надѣла! Вотъ и сватай имъ десяти-тыщную!

— Ужли задомъ напередъ? Батюшки, перевернуть бы ее какъ!

— Это въ гостяхъ-то? Голову съ меня съмешь... поварихъ двѣнадцать иѣлковыхъ платишь, а платья надѣть не умѣешь... Придерживай ужъ передъ-то руками, а то наступишь и грохнешься... небель чужую перепортишь и хорошихъ людей въ убытокъ введешь. И ты тоже хороша, — перескочила сваха къ родителю жениха, — свое же добро, свой же экипажъ пакостнымъ обозвалъ.

— Да и про погоду началъ.

— Наказывала про погоду не говорить, нѣтъ-таки полѣзъ въ барометръ... ведите себя умственнѣе, да политичнѣе, не все говорить можно. А ты это куда? — оглянулась сваха назадъ на жениха, выступавшаго за ними.

— Куда вы-съ, туда и я-съ...

— Вотъ и жени его, дурака, на десяти-тыщной, ворочайся назадъ.

— Зачѣмъ-съ? — растопырилъ тотъ руки.

— Нарочно тебя съ невѣстой оставили, просторъ тебѣ дали, а ты тягу даешь...

— Да что-жь я буду съ ней дѣлать? Она чай пьетъ...

Тьфу!... для какого же рожна я тебя привезла сюда, а? Невѣсту смотрѣть, аль нѣтъ?

— Да я ихъ видѣлъ - съ... Ничего, солидная-съ...

— Иди и разговаривай съ ней, какъ я тебя въ каретѣ учила... Голову съ меня симутъ, ей-ей, симутъ... Женихъ вернулся къ невѣстѣ, пившей чай, и сѣлъ на кончикъ стула, стоявшаго у противоположнаго конца стола.

— Ахъ, это вы?—спросила невѣста, выглядывая изъ-за самовара.

— Я-съ... да вы не извольте беспокоиться, пейте-съ...

— Что-жь вы тамъ сѣли? садитесь ближе...

— Ничего - съ... такъ лучше - съ... вы пейте-съ...

— Можетъ быть вы выпьете чаю?

— Нѣтъ, зачѣмъ-же-съ... то-есть, покорнѣйше васъ благодарю-съ... пить-съ...

— Одинъ стаканъ...

— Не могу-съ, въ лавкѣ цѣлый день чай дуешь, такъ что... непріятно даже... испареніе начнется...

Наступило молчаніе.

Невѣста отодвинула самоваръ въ сторону и посмотрѣла на жениха, глядѣвшаго на нее исподлобья.

— А онъ очень недурень!—подумала она, опуская глазки.

«— Здоровенная дѣвка!—подумалъ женихъ, —тятенька такого сложенія уважаетъ, намереніе говорить: ты, говорить, Архипъ поплотнѣе которую выбирай, чтобъ на два вѣка хватило... а этой и на три вѣка хватитъ, ручищи-то какія по полѣну хорошему».

— Скажите, Архипъ Ивановичъ,—прервала невѣста молчаніе,—это у васъ волосы отъ природы вьются.

— Такъ точно-съ, отъ паликмахера... природа у меня такая, что даже щипцы не берутъ-съ, у васъ вотъ волосъ тонкій, его куда хочешь повернуть можно, а у меня—мученье, а не волосы, тростникъ-съ.

— Бываютъ такіе жесткіе волосы; говорятъ, у которыхъ жесткіе волосы, у тѣхъ характеръ непріятный.

— Нѣтъ, у меня характеръ ничего-съ, я въ маменьку характеромъ вышелъ.

— Она у васъ, должно быть, добрая?

— Маменька? Ни одного нищаго не пропустилъ-съ, нарочно ей въ Государственномъ Банкѣ грошей набираю; ужъ это такъ всѣмъ и извѣстно: гдѣ нищіе, тамъ и маменька.

— А вы добрый?

— Какъ вамъ сказать-съ? Надоѣдаетъ ужъ очень нищета. У тебя покупатели, а онъ лѣзетъ, кому подашь, а кого и въ шею... Вообще-съ я въ маменьку.

— А тیاتры вы любите?

— Не знаю-съ... объ масляницѣ я въ балаганы хожу-съ подъ Дѣвичье. По моему, глупость одна.

— Нѣтъ, я очень люблю тیاتры.

— Да это что же, съ деньгами и тیاتры можно любить-съ, а вотъ какъ дадутъ вамъ на гулянку трешникъ, такъ не больно расгуляешься. Извѣстно, какъ женюсь, такъ другая гулянка пойдетъ-съ. А вы бываете въ тیاتрахъ-то?

— Бываю.

— А въ «Московскомъ» подъ машиной были?

— Была.

— И я былъ-съ. Ботвинью тамъ хорошую дѣлають... ахъ!

— О чемъ вы вздохнули?

— Я-съ? Отъ чувствъ, чувствую, что въ носу что-то стрекочетъ, чихнуть бы надо для прочистки, а не чихается.

— Это ужасно неприятно.

— Ничего-съ, не извольте беспокоиться, настрекочетъ хорошенько и чихну. Ежели бы въ лавкѣ былъ, сейчасъ бы нюхательнаго табаку порцію запустилъ, а тутъ постоитъ, сейчасъ, кажется, начинается, идетъ, идетъ, а... а... апчхи! а... апчхи! Ловко! А!... апчхи... Виновать-съ, я сейчасъ!

Женихъ сорвался съ мѣста и полетѣлъ въ гостиную, гдѣ за столикомъ, уставленнымъ графинчиками и закуской, сидѣли старики.

— Тс... Авдотья Савишна!—поманилъ женихъ пальцемъ къ себѣ сваху.

— Чтò, тянетъ тебя къ графину-то?—подскочила къ нему сваха.

— Грѣхъ со мной случился.

— Невѣсту, чтò ль, поцаловалъ?

— Какое-съ рази я дозволю такое невѣжество? Нѣтъ-ли у васъ платка носоваго!

— Голову съ меня сыметь, ей-ей сыметь! Женихъ безъ носоваго платка къ невѣстѣ ѣдетъ, а еще десять тыщъ норовить слизнуть!

— Вышлите маменьку, можетъ у маменьки есть. Чихнулъ я, ну, и того-съ, сверхъ ожиданія-съ...

Сваха бросилась къ матери жениха и кив-

чула ей головой. Та поднялась, сдѣлала нѣсколько шаговъ и остановилась.

— Платокъ дай. И дуракъ же онъ у тебя, за невѣстой десять тыщъ, а онъ безъ платка. Иди къ нему.

— Не могу, Савишна, платье съ меня ползетъ, крючки каторжные, должно, отлетѣли, сижу и слышу: трыкъ, трыкъ, да трыкъ, думала небель, а это платье.

Сваха даже присѣла отъ ужаса.

— И дернула меня нелегкая съ мужичьемъ связаться. Повѣсить тебя мало, ѣдетъ невѣсту смотрѣть и крючки не ощупаетъ, держись руками-то, а то совсѣмъ ползетъ, тьфу! Голову съ меня сняли, иди въ переднюю, я тамъ зашпилю, да скорѣй, покуда не замѣтили...

Сваха, загораживая мать жениха, поплыла за ней въ переднюю...

III.

Было за полдень, когда въ квартиру, занимаемую лавочникомъ Крутозобовымъ, влетѣла сваха и, увидавъ хозяйку, подметавшую полъ вѣникомъ, всплеснула руками.

— Ты что же это дѣлаешь? — проговорила она, поднимая платье и перепрыгивая черезъ кучу сора.

— Здравствуй, Савишна, разогнулась хозяйка, потрясая вѣникомъ, — видишь, чай, полъ мету.

— Вижу, что метешь, да чѣмъ? Ужли щетку-то половую купить не въ состояніи?

— Все расходъ лишній. А я или отецъ какъ къ баню пойдемъ, такъ по вѣнику съ собой и притащимъ... даровое вѣдь.

— Ахъ вы, скареды! — покачала головой сваха и чихнула. — Экъ ты, пылицу-то разогнала... чхи...

— Будь здорова, Савишна.

— Покорнѣйше... чхи... благодаримъ... ну, какъ я за вашего лабардона возьму десяти-тысящную невѣсту, ежели у васъ даже половой щетки для благородства нѣту, а?

— Да долго-ли ее купить? Пойдетъ разнощикъ со щетками, вотъ тебѣ и благородство...

— Нонче же купи, потому вечеромъ къ вамъ отецъ невѣсты общался пріѣхать.

— Зачѣмъ?

— Вотъ-те и здравствуй! Да тебя, мраморная я вижу, отъ вѣника въ зеленую дурь ударило... нежелаешь, значить, чтобъ онъ къ вамъ пріѣхалъ?

— Очень пріятно будетъ, только мы его авчирась, кажется, въ гости не звали... будни нонче, такъ какіе ужъ это гости...

— А ты по праздникамъ двенадцатымъ привыкла гостей собирать? Ахъ, невѣжество замоскворѣцкое!... Да какой же это благородный гость въ праздникъ къ тебѣ въ гости поѣдетъ?

— Ужли не поѣдетъ? — заморгала хозяйка, утирая вспотѣвшее лицо.

— Въ праздникъ онъ въ кіатры поѣдетъ, въ концерту, а лѣтомъ въ рошу для прохлады ударится.

— Ты ужъ извини, Савишна, не знала я этого.

— А ты на усь мотай, ежели тебя учать.

— Я и то мотаю... замотаешь ты меня совсѣмъ... Авчирась съ эстимъ платьемъ вдо-
сталъ измучилась.

— И какъ тебя угораздило задомъ напе-
редъ надѣть?

— Спѣшила и перепутала. — Не замѣтили
они?

— И замѣтятъ, такъ виду не подадутъ, не
такіе они люди, милая... и Архипъ 'твой хо-
рошъ: ѣдетъ невѣсту глядѣть, а платка носо-
ваго не беретъ... въ ладонь было сморкаться
вздумалъ!

— Расчихался Савишна, отъ этого и про-
изошло.

— Дуракъ онъ у тебя! Знаетъ, вѣдь, что
платка нѣту, и чихать не долженъ.

— Забылся по молодости... и... Ну, чтò,
Савишна, отвѣту отъ ихъ никакого нѣту?

— Поскорѣ вамъ деньжищи заграбастать
хочется?

— Да оно, конечно, спокойнѣй, ежели они
въ дѣло пойдутъ.

— По твоему, это какъ въ сказкѣ выхо-
дить: тятъ, да лятъ и вышелъ корабль.., не
Иванъ-царевичъ твой Архипъ безплатошный,
чтобъ ему въ одну монументу и невѣсту, и
деньги дали... Отецъ вотъ пріѣдетъ къ вамъ,
поглядить, какъ вы живете, ну, и рѣшить въ
тѣ поры: отсыпать вамъ десять тыщъ, аль
не отсыпать...

— По моему, на нашу жизнь и глядѣть
нечего.

— Какъ нечего? Чай, онъ въ вашъ домъ дочь родную отдаетъ, а не собаку дворную.

— Не про то я... сужденія правильнаго составить не можетъ... Живемъ мы теперича сѣро, а вотъ какъ женимъ Архипушку и разбелѣтажмися.

— Не дуракъ онъ, мать моя, и всякую жизнь понимать можетъ... Что въ скученности вы живете, это не бѣда, потому не для чего шириться, да топыриться... для молодыхъ расширение нужно, а для васъ наплевать... принять его сумѣйте, лаской да обхожденіемъ обойдите, чтобъ онъ понималъ, какая въ васъ душа христіанская сидитъ и что безъ всякой опаски вручить вамъ свое сокровище можетъ...

— Вечеромъ, говоришь, пріѣдетъ?

— Вечеромъ обѣщался. Я нарочно загодя забѣжала, чтобъ вы приготовились такого гостя встрѣтить... а то встрѣтила бы его вѣникомъ, и все дѣло пропало бы.

— А какъ, Савишна, мы то имъ... пондравились.

— Не знаю. Только и извоилъ самъ сказать мнѣ: «Чудные, говорятъ, они у тебя, Савишна!»

— Что же въ насъ чуднаго онъ нашелъ?

— Въ разговоръ что-нибудь переврали, либо не доврали.

— Кажется, мы старались въ точку попадать... Просто насъ, Савишна, каретой затрясло.

— Вотъ тоже твой про карету съ большаго ума ляпнулъ. Хорошо, что я все

дѣло поправила, а то большой бы конфузъ вышелъ... а ты, не подумавши, про кучера ляпнула... пьяный вишь онъ... ну, какая ужъ это можетъ карета быть, ежели на ней пьяный кучеръ посаженъ? Ишафоть, а не ики-пажъ.

— Правду сказала: пьяный, пьяный и есть.

— Нельзя въ этакихъ серьезныхъ случаяхъ, мать моя, правду говорить... вратъ надо!

— Трудно ужъ очень это... не знаешь, гдѣ соврать, гдѣ правду сказать.

— Соображай. Для чего же у тебя голова на плечахъ мотается? Не для одной грёбенки, чай...

— Такъ-то, такъ, Савишна, только ужъ про кучера я стерпѣть не могла, потому по всей Москвѣ возилъ насъ показывать...

— Да кому вы ночью нужны-то? Ну, ежели бы еще днемъ ѣхали, такъ дѣйствительно для публики развлеченіе, а ночью всѣ кошки пестры, а кареты черны...

— А что онъ съ нами апосля-то сдѣлалъ, какъ мы домой со смотринъ поѣхали!...

— Ну? Я вѣдь на извозикѣ домой отправилась.

— Увѣрилъ меня самъ, что кучеръ протрезвился, сидя у ихъ на дворѣ, я и успокоилась. Поѣхали... Только отъ тряски, Савишна, да отъ угощенія ихняго мы съ отцомъ и задремли. Архипушка глядѣлъ, глядѣлъ на насъ и тоже носомъ заклевалъ, и такъ это мы, милая, всѣ здорово заснули, что даже удивительно.

— Ничего удивительнаго нѣту. Навалились на чужую мадеру-то, въ мертвый сонъ и вда-рило.

— Я сама такъ думаю, что отъ мадеры такое крѣпкое усненіе вышло... только вдругъ просыпаюсь я и толкаю самого: «Федорычъ, говорю, ужли мы не пріѣхали?» — «А что?» — «Да долго что-то очень ѣдемъ»... А Архипушка проснулся и говорить: «Маменька, да мы уже больше не ѣдемъ, а стоимъ, потому тряски никакой нѣту». — «И то, говорю, стоимъ, стало быть, пріѣхали... вылѣзайте... А темъ кругомъ такая, ну, просто глазъ выколи. Куда же это мы пріѣхали? — самъ спрашиваетъ. — Кучеръ! Эй, ты, гужеѣдь!...» Хоть бы кто... — Батюшки, думаю, ужь не провалились-ли мы въ какую нибудь трубу Неглинную?... Архипушка, нащупай ногой-то, игдѣ мы». — «А я, говоритъ, маменька, боюсь: вдругъ въ тартарары полечу!» Что дѣлать? «Спичку бы зажгли — спичекъ нѣту, потому мои мушкетеры что самъ, что Архипушка, народъ не курящій... Давай мы всѣ въ разъ орать: кучеръ! кучеръ!... Слышимъ только, игдѣ-то собака лаеетъ, и больше ничего. А самъ говоритъ: «Я вотъ что, мать, думаю... заѣхалъ нашъ кучеръ съ пьяныхъ глазъ въ лѣсъ... въ Сокольники, напрімѣръ, покуда мы спали-то, а тутъ напали на насъ жулики, лошадей увели, а въ карету поглядѣть не догадались». — «Все возможно, говорю, но вѣрнѣе всего, по моему, въ неглинную трубу мы провалились». — «Слышали бы, чай, паденіе свое... безпремѣнно, либо въ Сокольникахъ мы сидимъ,

либо въ Паркахъ.... надо ногой землю обшарить... ты, Архипъ, съ той стороны, а я съ этой».

— Скажи, какое приключеніе съ испугомъ! — покачала головой сваха.

— И не говори, Савишна, до того я перепугалась, что меня даже ознобомъ прохватило. Вылѣзъ самъ изъ кареты и говорить: «Земля, но только деревянная, на манеръ полу». — «Ну, говорю, отецъ, значить, безпремѣнны въ трубу вверзились... вода-то не бѣжитъ по полу?» — «Бѣжитъ не бѣжитъ, но только полъ сырой». — «Сырой? Въ Неглинкѣ, ей-Богу, милые, въ Неглинкѣ торчимъ... давайте караулъ орать». — «Погоди, говоритъ, надо сперва обшарить... Архипъ, шарь съ своей стороны, а я съ своей... что нашарилъ?» — «Стѣнку, тятенька, а вы-съ?» — «А я оглобли». — «Наши оглобли?» — «А чортъ ихъ разберетъ. Нѣтъ, кажется, отъ другаго икипажу, у нашего дышло было». — «Батюшки, — думаю, — не одни мы, значить, грѣшныя, вверзились, и компаньоны нашлись. Отецъ, Богомъ тебя прошу, кричи «караулъ!» — «Караулъ»-то я завсегда поспѣю. Чудно только, что лошадей нѣту». — «Да онѣ, можетъ, глубже еще провалились, старая труба-то. Икипажъ застрялъ, а лошади дальше уѣхали. Архипушка, что нашелъ?» — «Синякъ, — говоритъ, — маменька, нашелъ. Наткнулся на какого-то лѣшаго, инда искры изъ глазъ посыпались». — «Смотри, не на рѣшотку-ли ты это отъ водосточной трубы. Говорила я тебѣ, отецъ отпусти ты его, пьянаго, съ Богомъ, ну, вотъ теперь и вылѣзъ попробуй на свѣжій воздухъ. Орите

«карауль», можетъ, Богъ дастъ, насъ и вытащатъ». Начали мои мушны орать, и они орутъ, и я имъ помогаю. Только слышно, вдругъ, мужской разговоръ: «Это, — говорятъ, — жулики попались. Тащи, Матвѣй, фонарь скорѣй!» И что жъ бы ты, думала, Савишна, гдѣ мы очутились?

— Въ трубѣ.

— Просто, въ сараѣ, на извоищьемъ дворѣ.

— Ахъ, матушки! Да какъ же это такъ.

— Кучеръ привезъ. Налилъ глазищи винищемъ-то и забылъ совсѣмъ, что сѣдоки въ каретѣ сидятъ. Приѣхалъ прямо на дворъ, отпрегъ лошадей, заперъ сарай и ушелъ.

— Экъ, вѣдь, какимъ вы покойническимъ сномъ дрыхнете, ничего даже и не слышали.

— То-есть, какъ есть ничего. Умаешься за день-то, ну, и скончаешься. Да ежели бы я не проснулась, такъ мы бы такъ и ночевали въ сараѣ. Самъ у меня любить поспать, ну, и Архипушка тоже охулки на руку не положить. Не знаю, какъ теперича его и гостю казать: вотъ какой ананасъ подъ глазомъ виситъ...

— Вотъ грѣхъ-то! Арникой бы примочить его получку-то...

— До арники-ли, милая, тутъ было?... За жуликовъ насъ извоищики приняли и утѣжить было принялись... Унеси только Богъ ноги... Въ два часа ночи домой приѣхали и съ перепугу спать завалились. Лучше, по моему, Архипушку не показывать гостю. ♣

— По моему, тоже не показывать. Правду

разсказать про ваше извоищье приключе-
 ніе — осрамить только себя, а соврать, что,
 дескать, наткнулся на что въ лавкѣ — не по-
 вѣрять. Большой сюрпризъ-то у него?

— Весь глазъ закрыло.

— И нужно же было ему такую живопись
 подцанять... Къ невѣстѣ теперь его везти и
 думать нечего. Дѣвица она нѣжная и вдругъ
 такое звѣрство на рождѣ увидить... Скажемъ,
 гостю, что Архипушка въ тѣатръ поѣхалъ.

— Въ какой тѣатръ?

— Въ какой хочешь, мнѣ все равно.

— Сказать-то ничего не стоитъ, Савишна
 а какъ же апосля-то... вдругъ невѣста, уви-
 давшись съ Архипушкой, вопросъ задастъ: въ
 тѣатръ вы были, которое же представленіе ви-
 дѣли?

— Совреть.

— Не умѣетъ онъ у меня врать, милая.
 Другой и совреть, да такъ складно подведетъ,
 что комаръ носу не подточить, а мой Архипу-
 шка не умѣетъ... Авчерась спрашиваетъ
 его невѣста: «Отчего это у васъ сапоги скри-
 пятъ?» — а онъ для великатоности и хвати:
 «Оттого, говоритъ, и скрипятъ, что у Шу-
 махера сшиты», — а невѣста то сама обувь у
 его покупаетъ, ну и видитъ, что вретъ Ар-
 хипушка.

— А ты учи, на то ты и мать, чтобъ глу-
 пое дитя учить... и насчетъ представленія
 пуцай совреть... дескать очень было хорошее
 представленіе.

— Ты ужь, Савишна, поучи его.

— Поучу! — проговорила сваха и окинула

цензорскимъ взглядомъ комнаты.—Кажется, у васъ все въ порядкѣ... вотъ только двухспальная кровать все благородство портить... ну, кто нонче двухспальную небель обожаетъ?

— По старинѣ у насъ, Савишна.

— Десятитыщную невѣсту слопать хотите, а такое невѣжество въ квартирѣ допускаете... На этомъ столѣ чай то гостю предложите?

— На этомъ.

— Подъ образа не вздумай его посадить... по новѣйшимъ временамъ, да по образованности, почетное мѣсто у порога, а не подъ образами...

— Ужли правда? А не обидится онъ, ежели я его къ двери то на стулѣ припечатаю?

— Ну, вотъ! Слушай ужь меня... гдѣ захочетъ, тамъ и садится, а принужденія не дѣлай... у васъ вѣдь какой обычай: какъ почетный гость, такъ сейчасъ его въ уголъ, ровно гимназиста за единицу изъ ариметики... Скажи гостю: милости просимъ, и оставь его безъ всякаго вниманія... не загоняй, какъ лошадь въ стойло...

— Хорошо, Савишна, людей ты настоящихъ видѣла, оттого всякую образованность понять и можешь, а я гдѣ-жъ, акромѣ лавки да церкви бываю?...

— Неволить чаемъ тоже не смѣй... предложи разъ отъ усердія, другой для блезиру и отстань... а по вашему какъ дѣлается, переливаете вы въ человѣка всю воду изъ само-

вара до той поры, покуда онъ по шву не лопнетъ... Невѣжество это, мать моя...

— Отъ души мы это, Савишна.

— Надо знать, съ кѣмъ отъ вашей души дѣйствовать. Въ сосѣда, вотъ, вашего, который желѣзомъ торгуешь, ежели вы три самовара не вольете, такъ онъ васъ на всѣхъ перекресткахъ ругать станетъ, а въ моего гостя ежели только полсамовара перельете, такъ онъ къ вамъ до скончанія свѣта не придетъ... Надо соображать.

— Соображеніе то у насъ темное.

— А за десятью тыщами лѣзете... ума у васъ на триста цѣлковыхъ, а вы за капиталомъ тянетесь... Слушать должны, что вамъ говорить.

— Да я и то слушаю, Савишна, учи только.

— Учи! А какъ дойдешь до благословенія, такъ вы меня сейчасъ по шеѣ... росписку съ васъ надо...

— Чтѣ-жь, ежели не довѣряешь, мы и росписку дать можемъ.

— Съ роспиской и мнѣ развязка. А то вы, по своему невѣжеству, завсегда сваху обидѣть можете... Въ десять тыщъ я вамъ невѣсту отрыла, такъ должны вы чувствовать... Архипа-то на вечеръ ушли куда нибудь.

— Куда-жь я его ушлю, Савишна? Схоронить могу.

— Схорони... Только чтобъ глаза своимъ харьковымъ не мозолилъ. А, вотъ и самъ пожаловалъ!—привстала сваха и пошла навстрѣчу вошедшему хозяину. — Хорошъ! хорошъ!

И дернула это тебя нелегкая авчerasь про карету!

— Про погоду я началъ, ты меня сбила на карету-то! — улыбнулся хозяинъ. — Ну, какъ дѣла?

— Нонѣ вечеромъ отецъ невѣсты къ вамъ припожалуетъ... Принимай гостя.

— Чтѣ-жь, милости просимъ... А отвѣту отъ него никакого покедова?

— Можетъ, самъ вечеромъ скажетъ. Спрашивала я невѣсту-то на счетъ вашего Архи-пушки, отвѣту не даетъ, а только фыркаетъ... Надо полагать, въ совѣсть... Да! куфарку-то свою уберите, а то какъ увидить ее, ни въ жисть не повѣрить, что двѣнадцати-рублевая... мальчишечка у васъ въ лавкѣ есть лищенькій?

— Есть.

— Такъ вы его для услугъ гостю возьмите, а куфаркину рожу подъ двѣнадцать замковъ запряте... Слышите?

— Слышу, Савишна, слышу... чтѣ-жь, это можно... мальченка и самоваръ принесетъ, и все такое...

— И чудесно. Не осрамите мою лекемендацію-то... За хорошихъ людей я васъ выставляла, и вдругъ полныя свиньи... Угощать-то, гостя чѣмъ думаете?

— Найдѣмъ чѣмъ. Пошаримъ въ лавкѣ и того... Селедки королевскія первый сортъ, колбаса вареная, копченая, копчушки...

— Самъ-то ты копчушка! Десять тыщъ берете, а тестя колбасой, да копчушкой норовите начеMODанить. Семгу поставь, омара рас-тревожь...

— Можно. Сардинки Кано первый сортъ есть...

— И сардинку подсыпь... Жирную рыбуловишь, никакой приманки не жалѣй... Мадеру онъ пьетъ, только настоящую, не маргариновую... либо левевскую, либо арабажинскую... расейскую мадеру онъ не вкушаетъ, потому у него отъ расейской мадеры одинъ разъ голова цѣльныхъ три мѣсяца безъ мозговъ была...

— Поставимъ настоящую, будь покойна... для хорошаго гостя жалѣть не станемъ.

— Ну, вотъ. А къ вечеру я сама къ вамъ забѣгу и ревизію всего гостепріимства сдѣлаю, а сичасъ мнѣ некогда... чиновнику одному третью жену сватаю и никакъ его прищучить не могу... Колецкій регистраторъ онъ, ну, и ломаетъ изъ себя тютюлярнаго на всю Якиманку... До пріятнаго!

Сваха чмокнула въ щеку хозяйку, потрясла руку хозяина и стрѣлой вылетѣла изъ квартиры.

IV.

Не было еще и пяти часовъ, какъ сваха прилетѣла къ Крутозобовымъ. Вошла она въ ихъ квартиру, соединенную съ лавкой узенькимъ, темнымъ корридорчикомъ, не со двора, такъ сказать не съ «параднаго» входа, а черезъ лавку и тутъ же распушила мальчишку въ картузъ и при бѣломъ фартукѣ, который, присѣвъ на корточкахъ на полу, игралъ съ жирнымъ, сѣрымъ котомъ.

— Ты что же это, дѣлаешь? — накинулась она на мальчишку, — ты для чего тутъ находишься: торговать, али животной скотинѣ спину чесать, а?

— Да я... такъ-съ... отъ нечего дѣлать, — сконфузился тотъ.

— А коли нечего дѣлать, стань къ двери и дверь покупателю отворяй, а ты кошачьимъ удовольствіемъ пробавляешься... А ты чего, глядишь? — подошла она къ хозяину, сидѣвшему за ясеновой конторкой и пившему чай изъ стакана, — мальчишка у тебя во всемъ невѣжествѣ, а ты и ухомъ не ведешь...

— Рази за ними углядишь? — отвѣтилъ тотъ, пожимая руку свахѣ.

— Гляди! Вдругъ хорошій человекъ взойдетъ и такое развлеченіе увидить... Стань къ двери, крикнула она мальчишкѣ и повернулась къ хозяину, — а ты что-жь это чай то дуешь?

— А что-съ?

— Да вѣдь гость скоро пріѣдетъ...

— Ничего, и съ гостемъ сызнова потѣть начнемъ...

— Готово у васъ все?

— Хозяйка тамъ мечется, взгляни, взойди.

— Сейчасъ иду. Экъ, у васъ тутъ проходъ то какой ущемительный... Что ежели гость черезъ лавку пойдетъ...

— Бокомъ, напริมѣръ, ежели, такъ въ лучшемъ видѣ пройдетъ.

— И бокомъ застрянетъ, потому у него бока настоящіе купеческіе: пухлые да крутые... нѣтъ, ужъ ты его черезъ парадную проси, а то, помилуй Богъ, застрянетъ про-

межъ первачемъ съ грешневою, и большая неприятность произойти можетъ.

— Попрошу въ парадную.

— Попроси. Дескать у меня хотя и есть проходъ чрезъ лавку, но для такого почетнаго гостя его предложить не смѣю.

Сваха прошмыгнула корридорчикъ и очутилась въ квартирѣ Крутозобовыхъ.

— Мраморная, гдѣ ты?— крикнула сваха, входя въ первую комнату.

— Себя обряживаю—откликнулась та.

— Ну, обряжайай, обряжайай... задомъ напередъ только не надѣнь, по-вчерашнему. Лампадки то передъ всѣми образами затеплила?

— Передо всѣми.

— Это хорошо, мой гость благочестіе любить. А вотъ скатерть на столѣ у тебя грязная.

— И недѣли еще нѣту, какъ постелили, Савишна.

— Недѣли нѣту! Да чтóжь она у васъ отъ Рождества до Пасхи служить должна? Чистую стели.

— По моему, еще хороша.

— По вашему все хорошо, а по нашему, коли за десятицыщной невѣстой лѣзете, такъ пяточка за стирку скатерти жалѣть нечего, давай, я постелю!

— Сичасъ. А я думала—сойдетъ.

— Вотъ когда жените своего, мраморнаго, въ тѣ поры и думай, что хочешь, а до того времени команды слушай. А закуску отобрали?

— Да мы ее ужъ и нарѣзали, въ спальнѣ стоять.

— Да кто-жь закуску за пять часовъ рѣжетъ? Ее и въ ротъ не возьмешь.

— Сама же сказывала, приготовь.

— Готовятъ, какъ подавать надо, эхъ, деревня березовая! И потомъ я давеча просила, чтобы для услуги всякой въ передней мальченка болтался,—и пальто съ гостя снять и принести что.

— Сичасъ придетъ онъ, мальченка то, я его въ баню усала.

— Зачѣмъ?

— Наскрозъ масломъ коноплянымъ протушился, мажется онъ имъ, али лопаеть, шутъ его знаетъ, за сажень коноплей отъ него не сетъ.

— Вихры мажетъ.

— Думаю, что вихры, прошляется только, боюсь, долго.

— Я встрѣчу гостя, это не бѣда, а онъ тѣмъ временемъ подойдетъ. Ну, еще здравствуйте!—поднялась сваха и пошла на встрѣчу вышедшей хозяйкѣ.

— Здравствуй, Савишна, обгляди меня, сдѣлай милость, все ли у меня въ порядкѣ.

— Кажется, всякая вещь на своемъ мѣстѣ, да дома все сойдетъ, въ гости. ежели въ вывороченномъ платѣ ѣздила, такъ дома и вверхъ ногами надѣть можешь, и никто тебя за это не осудить.

— Все таки лучше, ежели все на своихъ мѣстахъ прилажено.

— Вотъ лобъ у тебя почему то въ пятнахъ, мраморная.

— Щипцами припекла, завивала букли и прижгла.

— Эхъ у тебя усердія то сколько, не по разуму даже, до волдырей даже достаралась!

— Щипцы ужъ очень горячіе, Савишна, а я не привыкши къ поликмахерскому дѣлу.

— А не привыкши не берись! И завила то ты бугли въ разныя стороны: однѣ кверху, другія книзу, ну, кто такъ себя портить, скажи пожалуста?

— А мнѣ какъ ловчѣе было, я такъ и завивала, нехорошо, рази?

— Срамота, по моему. Одна сторона ровно горохъ къ солнцу тянется, а другая въ глаза лѣзетъ.

— Перевиться, значить, надо?

— Не трогай ужъ лучше, а то начнешь перевивать и либо все волосы спалишь, либо такое завиве выдетъ, что гостя напугать до смерти можешь... Спросить ежели онъ на счетъ твоихъ волосъ, такъ ты на природу свали: отъ природы, молъ, у меня такой волосъ характерный, который къ потолку, который къ полу растетъ, примочила бы ты чѣмъ волдыри то, а то они у тебя на манеръ шишекъ стали,—видала, чай, какъ у телокъ рога расти начинаютъ?

— Видала.

— Такъ и у тебя. Эхъ, публика! Изъ телачьей породы и вдругъ за десятитыщной тянутъ, примочи рожки то!

— Пятаками мѣдными не приложить ли?

— Пятаками синяки облегчаютъ, а не обжоги: холодной водой, по моему, надо.

— Кудели отъ воды разовьются.

— Тыфу! Не трогай въ такомъ случаѣ, и съ обжогамъ сойдешь.

— А гость вдругъ спросить?

— Ну, станетъ такой гость про всякую дрянъ спрашивать, не видалъ онъ, чтоль, волдырей... ну-ка, гдѣ закуска то у васъ приготовлена?

— А вотъ на столѣ, въ спальнѣ, Савишна.

— И поставили же, природы, одно на другое, и хлѣбъ нарѣзали, да его и теперь ѣсть нельзя. Тащи хлѣбъ въ кухню, а я закуски уставляю. Вотъ это сюда, а это вотъ куда; а бутылка на заднюю линію, чтобы вся закуска на виду была, вино то не маргаритовое?

— Настоящее вино, Савишна... для такого гостя жалѣть ужъ нечего...

— А пожалѣешь, себѣ навредишь... надо такъ принять его, чтобъ по горло довольнымъ остался.

— Да ужъ мы его употчуемъ... Самъ у меня гораздо потчивать то...

— За горло только не брать... честью просить можете, а силкомъ не можете...

— Мы честью... зачѣмъ же такое невѣжество, чтобъ за горло...

— Кто васъ знаетъ, всякій, на свой ладъ угощаетъ, есть такія привычки дурацкія, чтобъ гость на четверенькахъ ушелъ безпремѣнно, а безъ четверенекъ и не выпускать.

— У насъ такой слабости въ угощеніи нѣту.

— И чудесно. Ну кажется, у васъ все тутъ

въ порядкѣ... вотъ только небель двухспальная мнѣ поперекъ горла стоитъ...

— Скажу ему, что, молъ, для тепла это и въ дровахъ экономія.

— Мало ли ты что скажешь, мраморная, да не всеговорить можно... можетъ и не спросить.

— А спросить, скажу, что такая небель нашими отцами и дѣдами заведена ..

— Невѣжество это, ахъ, какое невѣжество. Самоваръ-то вычищенъ?

— Говорила давеча кухаркѣ.

— Посмотри, поди. Осрамишься съ вами ей Богу, да посуду-то чайную хорошенько перемой, а то вѣдь у васъ на каждой посудинѣ грязи на вершокъ.

— И посуду кухаркѣ велѣла.

— И самоваръ чистъ, и посуду мой — да когда же она у тебя все сдѣлаетъ? Голову вы съ меня снимите. Поди, посмотри!

Хозяйка пошла въ кухню. Сваха переставила тарелки, одернула скатерть на столѣ, и, кивнувъ головой, сѣла на стулъ.

Кто то чихнулъ. Сваха посмотрѣла по сторонамъ. Никого не было. Гдѣ то снова чихнули и очевидно подъ «двухспальною небелью».

— Должно, мышей у ихъ много, — подумала она, — что двухъ кошекъ въ домѣ держутъ: одну въ лавкѣ, а другую въ комнатахъ. Ишь расчихалась, каторжная!

— Брысь! — крикнула она, заворачивая одѣяло.

— Мерси съ! — отвѣтилъ кто-то изъ подъ кровати.

Сваха взвизгнула не своимъ голосомъ и опрометью бросилась въ кухню.

— Подъ кроватью... подъ кроватью!—едва проговорила она изумленной хозяйкѣ, перетиравшей чашки.

— Что ты, Савишна! Господи Іисусе! Лица на тебѣ нѣтъ.

— Подъ кроватью... жуликъ! Разбойники сидятъ, я думала, кошка, а онъ какъ рывнетъ: «убью»... Ахъ! Какъ меня на мѣстѣ не разразило... бѣги, ступай за самимъ, дворника зови.

— Поймай, Савишна... взойди въ себя... Откуда къ намъ жулики... гдѣ же ихъ видѣла!

— Да подъ вашей кроватью сидятъ, мраморная... Бѣги скорѣй за мущинами, уйдетъ вѣдь...

— Не уйдетъ... и не жуликъ тамъ сидитъ, а Архипушка.

— Какой Архипушка?

— Да сынъ нашъ.

Сваха посмотрѣла на хозяйку и плюнула.

— Тьфу! Провалиться бы ему сквозь землю, напугалъ меня до смерти... охъ, просто въ себя никакъ не взойду... да что онъ тамъ дѣлаетъ то?

— Лежить, гляди.

— Да для какого лѣшаго его подъ кровать то родительскую завесло?

— Сама же велѣла его давеча спрятать. Объявляя, что онъ свой патреть, никому показаться невозможно.

— Тьфу! Ахъ, дубье нетесаное! Нашла тоже, куда его спрятать, подъ кровать! Ну гдѣ

это видано, гдѣ это слыхано, чтобъ роднаго сына подъ такую небель, а?

— Да куда-жъ его спрятать то, скажи?

— Ужли некуда?

— Некуда. Двѣ комнаты у насъ, а третья кухня, въ лавкѣ оставить его невозможно, потому гость можетъ черезъ лавку пройти, а отпустить мнѣ его—никакихъ такихъ мѣстовъ настоящихъ нѣту.

— Въ кухнѣ пусть посидить, пока гость у васъ пробудеть.

— Онъ сичасъ съ кухаркой такую возню подыметъ, что вся посуда разлетится. Возить-ся онъ у насъ ужъ очень гораздъ.

— Страсть, — подтвердила ухмыляясь кухарка, — на щетъ возни здоровенный чертище!

— Не угодно ли, какого дурака вырастили, — развела руками сваха: — въ кухню даже не годится, вотъ и сватай имъ благородную десятидесятую невѣсту. Осрамите вы меня, съ такимъ дурачищемъ. Тащи, поди, его изъ подъ кровати.

— Пушай лежить, Савишна, — говорила хозяйка, идя со свахой въ комнаты, — никого онъ тамъ не трогаетъ, и его никто не видитъ.

— Нельзя его, въ такомъ опасномъ мѣстѣ оставить. Эй, ты, мраморный! — нагнулась сваха снова подъ кровать, — красавецъ подпостельный!

— Вы меня-съ? — высунулъ тотъ изъ подъ кровати голову. — Мое почтеніе-съ.

— Тебя. Вылѣзай!

— Не безпокойтесь, мнѣ тутъ очень хорошо-съ: и подушка, и одѣяло-съ.

— Вылѣзай, коли тебѣ говорить.

— Маменька, вылѣзай-съ?

— Вылѣзъ, Архипушка,—разрѣшила хозяйка,—никого еще нѣту.

— Можетъ, еще онъ не до такихъ граду-совъ попорченъ, чтобы прятать... И напугалъ же ты меня, я чуть на мѣстѣ не умерла.

— Маменька, значить, васъ не упредили на счетъ моей квартиры?—вылѣзъ тотъ изъ подъ кровати.

— И забыла я про тебя совсѣмъ,—отозва-лась хозяйка.

— Ну-ка покажись. Ахъ, батюшки! На ка-кой же ты это рожонъ налетѣлъ, чтобъ такое украшеніе получить!

— Я такъ полагаю, что на дышло-съ.

— Глаза даже не видать, милые! Ну, что вотъ съ вами, съ идолами, подѣлаешь? Ему богатую невѣсту обстрипываешь, а онъ изъ морды битую кокету дѣлаешь!.. Пропадешь съ вами, мраморные!

— Я не нарочно-съ, въ темнотѣ такая оказія случилась.

— Въ темнотѣ, а вы не дрыхните въ ка-ретѣ! Спальная для васъ, что-ль, карета то? Въ благородномъ икипажѣ и дрыхнуть, какъ мужики, въ телѣгѣ.

— Грѣхъ такой ужъ, Савишна, вышелъ, и не желали, анъ вонъ что вышло.

— Съ вами и не то еще произойдетъ, ежели васъ не учить... Домой только безъ себя отпустила, и то доѣхать въ благополучіи не могли. Примачиваешь чѣмъ рожу то свою?

— Свинцовой примочкой опухоль гоню-съ, какъ будто лучше чувствую.

— Нѣтъ, казать его нельзя.

— По-моему тоже, Савишна, нельзя... Главное—морду раздуло.

— Раздуло не бѣда, раздуть и здоровье всякую рожу можетъ, а вотъ фонарище этотъ лестрический надъ глазомъ весь фасонъ портить! Нельзя казать... и недѣли двѣ казать не станемъ, потому зачѣмъ же хорошихъ людей такимъ безобразіемъ огорчать. Сдѣлаемъ его больнымъ на это время.

— Да ужъ приходится дѣлать, ничего не подѣлаешь, и нужно же грѣху такому быть, скажи, пожалуста?

— Отъ вашего же ума, вся эта порча произошла... Надо спрятать его!

— Такъ я, маменька, опять подъ кровать!

— Постой! Ишь какъ тебѣ нравится подкроватьное мѣстоположеніе, ужли никуда больше нельзя спрятать... Подумай, мать моя?

— Да некуда, сама видишь...

— Тьфу! А спать то онъ у васъ гдѣ?

— Въ залѣ, на диванѣ.

— Сѣрость дикая! Такому здоровенному парню, жениху настоящему, и вдругъ пріюту нигдѣ нѣту, за невѣстой десять тыщъ, а женихъ подъ кроватью спитъ!

— Женить его, Савишна, и квартиру новую возьмемъ, у насъ на дворѣ сейчасъ квартира хорошая отдается.

— Женить! А вотъ при такомъ серьезномъ случаѣ и спрятать его некуда... Гардерону у васъ нѣтъ ли?

— И въ заводѣ не было, а платье все и одежда которая, такъ вся на стѣнахъ виситъ,

простынями закрывши. Да чего ты опасаться, Савишна, пушай Архипушка, подъ кроватю лежить...

— Да по мнѣ хоть онъ на гвоздѣ виси, мнѣ все одно,—боюсь я, что онъ карантину не выдержать, либо чихнетъ, либо кашлянетъ, на смерть будущаго тестя перепугать можетъ...

— Я чихать не стану-сь, я засну-сь...

— И храпѣть вдругъ начнешь, еще лучше выйдетъ. Провалиться мнѣ тогда изъ-за вашего невѣжества прикажете?

— Онъ у насъ, Савишна, во снѣ не храпитъ, разговаривать, это дѣйствительно иногда разговариваетъ, а храпѣть не умѣетъ.

— Еще того превосходнѣе, сидитъ у тебя тутъ почетный гость, ѣсть семгу и вдругъ изъ подъ кровати дикія слова... Подавиться съ испугу можно... нѣтъ, куда хочешь его дѣвай, только изъ подъ кровати вонъ...

— Куды мнѣ его дѣвать, я и ума не приложу...

— Маменька-сь, я къ сосѣдямъ уйду, къ Агаѣоновымъ...

— И напьешься съ ними... не пушу!.. Лучше ужъ тебя въ кухню оставлю...

— Куда хочешь, дѣвай, только съ глазъ долой!.. Теперь онъ, того гляди, подкатитъ... побѣгу я въ лавку его встрѣтить, а то вѣдь вы и встрѣтить то по настоящему не можете... Тьфу! Сердце даже у меня, дубъ стоеросовый, испортилъ, съ роду не билось, а сейчасъ ровно маятникъ болтается... помрешь, съ вами, идолами!.. Я въ лавку, мраморная!

Сваха накинула на плечи платокъ и полетѣла въ лавку.

V.

На углу Косоглазаго переулка остановилась извозицья пролетка. Изъ пролетки вытѣзъ полный, благообразный купецъ въ цилиндрѣ и, расплатившись съ извозникомъ, обратился съ вопросомъ къ первой попавшейся бабѣ, которая шла въ развалочку съ кулькомъ въ рукахъ.

— Не знаете-ли, голубушка, гдѣ здѣсь лавка Крутозобова?

— Крутозобова? — переспросила та, — это который сына на богачихъ женилъ?

— На богачихъ? — удивленно уставился тотъ на бабу, — а не знаешь, какъ фамилія невѣсты?

— Не зваю... сказывали, ну, только я на хвामीліи не памятлива... не то Щеткина, не то Метелкина, а можетъ и Телкина, кто ее вѣдаетъ... но, слыхала, богатѣйшую невѣсту сцапать наровятъ.... однѣхъ платьевъ шелковыхъ дюжина, три шубы, три перины пуховыхъ... пера, сказываютъ, званія нѣтъ, одинъ пухъ... Счастье же, идоламъ!

— Да ты, матушка, хорошо-ли ихъ знаешь?

— Кого? Крутозобова? Третій годъ у ихъ всякую всячину забираемъ... Вдоль и поперекъ извѣстны. Женихъ-отъ сичасъ козломъ по лавкѣ скачетъ, потому деньжищъ, у кестя видимо-невидимо и помретъ, вишь, скоро, потому у него, у кестя-то, червякъ въ нутрѣ завелся.

— Какой червякъ?

— Кровопійственный. Какъ кровь всю выпьетъ, такъ кестю и капутъ... Крышка настоящая.

— Глупости ты городишь, голубушка.

— За что купила, господинъ, за то и продаю. Мнѣ что-жь, мнѣ кестя не жалко, потому пьяницъ жалѣть нечего.

— Такъ пьяница онъ?

— Кесть-то? Запоемъ пьетъ, оттого женихъ-отъ козломъ и прыгаетъ,—не долговѣченъ.

— Странно, очень странно!—пробормоталъ купецъ себѣ подъ носъ.—Должно быть, сваха имъ другую невѣсту сватаетъ... Такъ гдѣ ихъ лавка-то, милая?

— А вотъ сичасъ за зеленымъ заборчикомъ первая будетъ... на окнѣ еще арбузъ торчитъ, такъ ты прямо къ арбузу и при.

— Спасибо, голубушка, а что женихъ то самъ... какъ изъ себя?

— Архипъ Семенычъ? Здоровенный парнище... воду на немъ только возить.

— Я знаю, что онъ этакій... въ силѣ вообще... Поведенія какого?

— Поведенія веселаго... ни одну куфарку не пропуститъ, чтобъ зубы не почесать.

— А не пьетъ онъ?

— Этого не замѣтила, потому родители въ строгости содержать. Съ утра до ночи въ лавкѣ торчитъ и никуды безъ себя не пускаютъ.

— И зазнобы у него на сторонѣ никакой нѣту?

— Такъ думаю, что не обзавелся, потому родители чистые черти лѣсные, съ глазъ его не спускаютъ... Да тебѣ чего, господинъ, это знать нужно?

— Не для чего особенно, а такъ, сахаръ хочу имъ продать въ долгъ, такъ можно-ли повѣрить.

— Можно. Люди они сѣрые, но обстоятельны, лишней копѣйки не проживутъ, а ободрать покупателя — обдерутъ, и чай можешь довѣрить, не токмо что сахаръ.

— Спасибо за совѣтъ, — улыбнулся купецъ и, раскланявшись съ бабой съ кулькомъ, направился по указанію.

Спустя двѣ-три минуты, онъ вошелъ въ лавку и первое лицо, которое онъ встрѣтилъ, была сваха Савишна.

— А, мраморный, очень пріятно васъ встрѣтить! — бросилась она къ вошедшему. — Хозяинъ, принимай дорогаго гостя! — крикнула она лавочнику, торопливо выходявшему изъ-за прилавка.

Гость пожалъ руку свахѣ, хозяину и окинулъ взглядомъ лавку.

— Ну, какъ здоровье мраморныхъ-то? — справилась сваха.

— Покорнѣйше благодаримъ, всѣ здравствуютъ, — отвѣтилъ гость, садясь на стулъ съ продранною клеенкой, — ваши здоровы-ли? — обратился онъ къ хозяину.

— Благодареніе Создателю-съ, вотъ только Архипушка... — началъ хозяинъ и чуть не слетѣлъ отъ толчка свахи.

— Въ кіятры ушелъ. мраморный, въ кіят-

ры!—съ широкою улыбкой докончила сваха.— Любитель онъ у ихъ большой до представленийъ, авчирась еще у матери выпросился, такъ что просилъ извиниться передъ тобой, мраморный, что не можетъ нонче лицезрѣть тебя...

— Ничего, ничего... Это даже очень хорошо, что молодой человѣкъ къ развитію стремится, — успокоилъ сваху гость. — Моя дочь тоже тѣтры любить, такъ что иной разъ и не хочется, а ѣдешь, надо и молодому поколѣнію удовольствіе доставить.

— Правильное сужденіе, то-есть такое правильное, что всѣмъ отцамъ примѣръ.

— Ну, какъ торгуете? — обратился гость къ хозяину.

— Помаленьку-съ, покупатель у насъ ужь очинно мизерный, а то ничего-съ.

— Расширить дѣло надо.

— Выходить, что такъ-съ... Вотъ женю Архипа и того-съ, пуцай работаетъ. Милости просимъ къ намъ на квартиру-съ.

— Съ удовольствіемъ!—поднялся гость.— Куда прикажете?

— А вотъ сичасъ мы съ вами отправимся. Егоръ,—крикнулъ онъ мальчишкѣ, стоявшему въ углу,—я ухожу. Милости прошу, сичасъ изъ лавки направо въ ворота.

— А я здѣсь пройду,—проговорила сваха и шмыгнула за прилавокъ.

Гость и хозяинъ вышли на улицу и повернули направо къ калиткѣ.

— Прошу-съ!—проговорилъ хозяинъ, отворяя ударомъ кулака дверь.

— Вы прежде-съ, вы хозяинъ.

— Гостю почетъ съ, покорнѣйше прошу-съ.

— Нѣтъ, ужь вы-съ, хозяину дорога извѣстнѣе.

— Дорога у насъ простая-съ, всепокорнѣйше прошу-съ.

Гость шагнулъ въ калитку и схватился за голову.

— Треснулись?—справился хозяинъ, ловя цилиндръ гостя, катившійся по грязи. — Нагнуться слѣдовало бы.

— Никакъ я не ожидалъ этого,—пробормоталъ гость, принимая отъ хозяина шляпу и нахлобучивая ее на уши, — что это у васъ собаки, кажется?

— «Шарикъ» съ «Нормой»-съ. Вы не бойтесь, онѣ добрыя, не кусающія, онѣ только татаръ трепать, а православныхъ не трогаютъ, потому татары ходятъ съ шурумъ-бурумъ и палками завсегда дразнятъ. «Шарикъ!» «Норма!»—крикнулъ лавочникъ подлетѣвшимъ собакамъ,—ахъ вы, лѣшіе!

Лѣшіе таякнули и, радостно визжа, прыгнули на гостя одна спереди, а другая съ боку. Прыгнувшая спереди съ аппетитомъ лизнула губы гостя; гость инстинктивно откинулся назадъ и треснулся затылкомъ объ широкій лобъ хозяина.

Цилиндръ снова покатился на землю темнаго двора.

— «Шарикъ!» «Норма!» Я васъ, проклятыхъ!—прикрикнулъ на собакъ лавочникъ и взялъ подъ руку гостя.—Зашибить изволили затылочекъ-съ?

— Ничего, тьфу! — отплеывался тотъ. Этакая скверная собака, прямо въ губы лизнула, тьфу!

— Это ничего-съ, это она, глупая, отъ радости, что хорошій человѣкъ на дворъ зашелъ, потому у насъ тутъ больше нищета существуетъ... Держите правѣй-съ!

— Позвольте, моя шляпа упала съ головы отъ собачьей ласки...

— Опять свалилась? Не уважаю я за это шляпы-съ, то-ли дѣло картузъ, хоть вверхъ ногами тебя повѣсь, ни за что не свалится... погодите, я пошарю... Нѣту.

— Да ее собаки не подхватили-ли? — сдѣлалъ предположеніе гость. — Онѣ возятся тамъ въ углу съ чѣмъ-то.

— Мудренаго ничего нѣту, — бросился къ собакамъ лавочникъ, — «Шарикъ!» «Норма!» Иси! Ахъ, лѣшманы, и то вѣдь вашей шляпой забавляются! Вотъ я васъ! Всю въ грязи, черти, вывозили! Вы ужъ извините, сдѣлайте милость, песъ не человѣкъ, моды не понимаетъ.

— Вся мокрая стала.

— Это ничего-съ, мы сейчасъ ее въ куфѣ обсушимъ... Этакіе псы проклятые, что попадетъ въ зубы, сейчасъ рвать. Прошу налѣво-съ, нагните голову-съ. Нагнули-съ?

— Нагнулъ, только поздно, лбомъ хватился.

— Скажите, какая жалость! У насъ всѣ квартиры такія: какъ не нагнулся, такъ получай печать. Тутъ дверь-съ.

— Тоже нагибаться надо? — спросилъ гость.

— Покорнѣйше прошу-съ, потому у васъ

рость такой, что завсегда шишку получить можно.

Гость и хозяинъ очутились въ передней, въ углу которой, прислонясь къ стѣнѣ, клевалъ носомъ мальчишка съ намашеною головой.

— Гаврюшка!—крикнулъ хозяинъ мальчугану.—Раздѣвай гостя!

Мальчуганъ очнулся и бросился опрометью въ гостю, съ сожалѣніемъ смотрѣвшему на исковерканный и испачканный цилиндръ.

— Дозвольте вашу шляпу-съ,—съ любезною улыбкой взялъ у гостя хозяинъ шляпу.—Мы ее посушимъ. Гаврюшка, снеси шляпу въ кухню просушить... Милости просимъ!

Гость вошелъ въ комнату и поздоровался съ хозяйкой, позади которой стояла сваха и дѣлала какіе то знаки хозяину.

— Просимъ покорно!—запѣла хозяйка, раскланиваясь.—Ужъ извините, что у насъ такая тѣснота... вотъ женимъ, Богъ дастъ, Архипушку и въ ширь себя пустимъ...

— Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ,—отвѣтилъ гость, подсаживаясь къ столу, на которомъ кипѣлъ самоваръ.

— Правильно, мраморный, — поддакнула сваха.—Не красна, говорятъ, изба углами, а красна пирогами...

— Чайку съ ромкомъ позвольте вамъ предложить?

— Пилъ, но стаканъ, куда ни шло, дозвольте...

Хозяйка придвинула гостю стаканъ и взялась за графинчикъ.

— Прикажете ромку подлить?

— Подлейте, только немного... Достаточно, благодарю васъ!

— Кушайте на здоровье...

— А вы... не употребляете съ ромомъ?— обратился гость къ хозяину.

— Очень рѣдко-съ... для поту больше его пью-съ... покорнѣйше прошу-съ... послѣ бани тоже иногда...

— Странный запахъ у вашего рома!—поднесъ гость стаканъ къ носу.

— Самый лучший съ...

— Ананасный?

— По всей вѣроятности, потому первый сортъ-съ.

Гость хлѣбнулъ изъ стакана и разинулъ ротъ.

— Забористый, должно, ромъ, спросила сваха.—Настоящій ромъ завсегда духъ захватываетъ...

Ммм...—промычалъ гость, тряся головой.

— Перелила ты. Видишь, у него даже языкъ свело!—проговорила сваха, нагибаясь къ хозяйкѣ.—Замѣсто слоесъ одно мычаніе у него происходитъ...

— Фу-у! — отдулся гость, приходя въ себя.—Это не ромъ... Это я ужъ и не знаю что такое.

— Настоящій ромъ, только лишнюю порцію тебѣ въ стаканъ вбухали...

— Нѣтъ-съ, не ромъ... всего точно огнемъ спалило... и пахнетъ-то не ромомъ... вы понюхайте,—предложилъ онъ хозяину.

— Пахнетъ, по моему, отчетливо,—тряхнулъ головой хозяинъ.—Не всякому по душѣ

онѣй ромъ можетъ быть, но запахъ чувствительный.

— Какъ хотите, но только это не ромъ, не хотите ли изъ моего стакана попробовать?

— Съ удовольствіемъ-съ!

Хозяинъ хлебнулъ и тотчасъ же выплюнулъ.

— По моему, — проговорилъ онъ, болтая языкомъ, — это исенція совсѣмъ изъ другой оперы .. Гаврюшка! Гаврюшка! — крикнулъ онъ мальчишкѣ, торчавшему въ дверяхъ, — ты откуда этотъ ромъ досталъ?

— А изъ стекляннаго шкапу, — отвѣтилъ тотъ. Вы сказали, который съ бѣлымъ ярлыкомъ, я съ бѣлымъ и раскубрилъ.

— Скланку покажь.

— Вотъ она-съ... на окошкѣ.

— Жидкость для вывода пятенъ, — прочиталъ хозяинъ и швырнулъ склянкой въ мальчугана. — Ахъ ты, проклятый! Гдѣ у тебя глаза были, спрашивается? Вы ужъ извините, ради Бога, такой совсѣмъ неожиданный случай.

— Ничего, ничего-съ...

— Какое ничего! Съ такого рома подохнуть ничего не стоитъ... Грамотный, кажется, мальченка, а такую скверность произвелъ, пятновыводною жидкостью угостилъ. Хорошо еще, что онъ жидкость отъ елоповъ не откубрилъ. Дозволите новый стаканъ чаю налить?

— Нѣтъ благодарю васъ... и пилъ я, и...

— Въ такомъ случаѣ, покорнѣйше прошу закусить съ... Прошу въ сосѣдную комнату-съ.

— Ну, вотъ вамъ и сватай, лѣшимъ; де-

сятитыщную, прости, Господи! — накинута сваха на хозяйку. — Чуть было теста за мѣсто клопа со свѣта не вывели.

— Да почемъ же я знаю, Савишна, что мальченка не ту бутылку..

— А ты смотри, на то ты и хозяйка, чтобъ ромъ отъ клоповника отличить... вы бы гостя еще свипидаромъ угостили... хорошаго онъ объ васъ мнѣнія теперича будетъ...

— Не виноваты мы, Савишна... а перепутать ничего не значить... Я разъ въ гостяхъ, замѣсто сливочнаго масла, помаду ѣла и то никакого разстройства въ нервахъ не чувствовала.

— Да то ты, а то гость. Гостя такого, какъ мраморный, надо угостить всякою снѣдью, а вы его на тотъ свѣтъ норовите прежде времени... вотъ погодите, жените своего барабана, въ тѣ поры хоть ваксой корми—мнѣ наплевать. Поймать человѣка надо, а вы отъ себя клоповными жидкостями отпихиваете... иди ужь, угощай его... Закуска то вся настоящая?

— Первый сортъ, Савишна.

— То то, первый сортъ! Голову вы съ меня сымете... Придешь къ нему завтра за отвѣтомъ, а онъ меня въ три шеи... Тухлятины не ставила?

— Самая свѣжая закуска. Господи! Ужли, Савишна, я тебя обманывать стану?

— Помни, что онъ не покупатель и насморку у него нѣту... для сятитыщной невесты можно, кажется, и свѣжую закуску поставить.

— Все свѣжее поставила, ужь будь покойна, авось ужь, чай, знаемъ кого и какую закуску угощать...

— То то! Но не осрами ты меня, для васъ же я стараюсь, въ нитку тянусь, только чтобъ сокровище достать.

— Мы это чувствуемъ, Савишна.

— И должна чувствовать. Не какую-нибудь тебѣ вѣтряную мельницу сватаю, а ристократку десятитыщную.. Жениха то куда спрятала?

— Велѣла ему уходить съ глазъ долой... либо въ кухню сидить, либо къ сосѣдямъ ушелъ.

— Ну, ну, а мы ужь съ твоимъ сказали гостю, что онъ въ тѣатры пошелъ.

— Мамамы, что-жь вы тамъ прохлаждаетесь?—крикнулъ хозяинъ женѣ и свахѣ.—Пожалуйте сюда.

«Мамамы» вошли въ спальню, гдѣ за столомъ сидѣлъ гость съ хозяиномъ, и подсѣли къ собесѣдникамъ.

— Покорнѣйше просимъ выкушать,—сказала хозяйка, обращаясь къ гостю,—ужь будьте настолькоъ добрые.

— Съ вами, если позволите.

— И съ нами можно!—отозвалась сваха, хватая рюмку.—За ваше здоровье!

Гость выпилъ рюмку мадеры и проговорилъ, не закусывая:

— Очень пріятно, я люблю, главное, простоту... ежели вы отъ души и я отъ души.

— Мы отъ всѣхъ душъ къ тебѣ,—поторопилась сваха,—потому видимъ человѣка по-

литичнаго и ласку его чувствуемъ... Кушай, мраморный!

Наступило молчаніе. Гость намазаль на лопоть хлѣба икру, понесъ ее ко рту и остановился. Въ комнатѣ раздался легкій свистъ.

Хозяйка съ хозяиномъ переглянулись и испуганно уставились на гостя. Сваха каплянула и покосилась подъ кровать.

— У васъ, кажется... птица? — спросилъ гость, — ужь не соловей ли?

— Соловей, соловей, въ коридорѣ у ихъ онъ висить и всю ночь свистить.

— Ночью? Это очень рѣдкая птица, которая можетъ ночью пѣть.

— И у ихъ тоже рѣдкая... ты бы, еще рюмочку... Хозяинъ, угощай гостя дорогаго!..

— Покорнѣйше просимъ, не оставьте своей лаской! — говорилъ хозяинъ, наливая рюмки. — Будьте здоровы...

— Мраморная, — нагнулась сваха къ хозяйкѣ, — что же это обозначаетъ, скажи? Вѣдь это барабанъ твой подбитый... Гдѣ онъ?

— Охъ, Савишна! — отвѣтила та, со страхомъ смотря на гостя, — онъ это, онъ; подъ кровать опять забрался, каторжный, и дрыхнетъ.

— Подъ кровать? Голову вы съ меня сняли... Ахъ, лѣшіе!.. Говорила, вѣдь уברי подальше отъ грѣха, а онъ подъ самымъ носомъ тестя соловья пустилъ...

Сваха подвинулась со стула и осторожно запустила ногу подъ кровать.

— Оставьте... ну, васъ къ лѣшему, я спать хочу! — донеслось изъ подъ кровати.

И хозяева, и сваха превратились въ статуи, а гость чуть не подавился семгой, которую онъ только что отправилъ въ ротъ...

VI.

— Ахъ, кацапы проклятые, сердце мое чуяло, что безъ скандалу не обойдется...

— Тамъ... подъ кроватью... — проговорилъ гость, приходя въ себя отъ неожиданности и вытирая выступившія на глаза отъ испуга слезы, — есть кто-то.

— Кошка, мраморный, кошка! — поспѣшила на выручку сваха. — Сибирскій у ихъ этакой котище, ну, извѣстно, возится.

— Онъ... по человѣчьи говорить...

Коть-то? Да гдѣ же это ты видѣлъ, чтобъ такая тварь и вдругъ на православномъ языкѣ разговаривала?

— Но я слышалъ...

— И я слышала.. такъ это жильцы-сосѣди разговаривали.. перегородки у ихъ тутъ тонкія, ну, все и слышно...

— Да, вотъ оно что! А мнѣ показалось, что изъ-подъ постели вдругъ! — успокоился гость.

— Подъ постелью котъ... А ты выйди еще мадерки-то... хозяйка, что-жъ не угощаешь дорогого гостя?

— Больше не могу-съ.

— Нѣтъ, ужъ вы не обижайте насъ, — заговорила хозяйка, выходя изъ оцѣпенѣнія. — Никакъ этого невозможно... Пожалуйте!...

— Хозяинъ, займись съ гостемъ, — поднялась сваха, — а мнѣ съ хозяйкой по хозяйству надо переговорить.

Сваха мигнула лавочницѣ и вышла въ сосѣдную комнату.

— Ты что же это, мать, со мной дѣлаешь, а? — набросилась она на нее, — говорила тебѣ, убери свое подбитое дѣтище изъ подъ кровати?

— Да я, Савишна, приказала ему въ куфнѣ быть. И когда онъ только опять подъ кровать залѣзъ, ума не приложу.

— Глядѣть должна была за имъ... Черти деревенскіе! За десяти тыщной невѣстой лѣзутъ, а обращенія настоящаго не понимаютъ. Зарѣжете вы меня безъ ножа, ей Богу, зарѣжете!

— Ну, что-жъ мнѣ теперича дѣлать, если онъ безъ нашего вѣдома подъ кровать затесался? Если перенести закуску сюда и гостя перевести...

— Безъ всякаго предлогу нельзя, сичасъ въ подозрѣніе челоуѣка введешь. Ахъ, дуракъ расколоченный! И за какимъ лѣшимъ его опять подъ кровать занесло?

— Спать захотѣлось, видно, Савишна, ну и забрался.

— Да вѣдь сказано ему, чтобы не смѣлъ. Весь мой духъ, морда фонарная, испортилъ. Я теперь все одно, что на иголкахъ должна сидѣть. Вдругъ колѣно выкинетъ.

— Колѣна, Савишна, не видать будетъ, потому мѣсто просторное. Двухспальная кровать, чай.

— Да я не про его колѣнку говорю, а про колѣно: возьметъ, да и захрапѣтъ.

— Этой привычки у Архипушки нѣту.

— На зло мѣ захрапѣтъ. Сроду этого не дѣлывалъ, а тутъ возьметъ, да и распуститъ свой барабанъ. Положимъ, вѣты тоже храпятъ, на кота можно свалить.

— Не храпятъ Архипъ, говорю, не бойся этого, а вотъ разговариваетъ онъ иногда во снѣ, это точно, что случается.

— Еще того хуже! Вотъ идола-то! Кажется, всѣ бы ему волосья обтрепала.

— На сусѣдѣй жильцовъ свалить можно.

— Весь вѣкъ ты прожила, а ума не нажила. Ты думаешь, разъ изъ него дурака сыграли, такъ и во второй надуть можно? Сичасъ онъ, можетъ, изъ вѣжливости, а, можетъ, и съ перепугу повѣрилъ, а въ другой—возьметъ, да подъ кровать и заглянетъ, сраму не оберешься, и сичасъ же Архипу отъ воротъ поворотъ: за подпостельнаго дурака десяти-тыщныхъ невѣсть не выдають.

— Не трогать его, Савишна, по моему.

— Кого? Кота-то вашего?

— Да, можетъ, проспѣтъ смирнехонько.

— А вдругъ діалехтъ пуститъ? Да еще какія слова сонному взбредутъ. Хорошо, ежели лавочныя слова, а вдругъ приснятся ему извозчики, которые васъ въ каретномъ сараѣ заперли, и пустить ихнюю словесность, безъ огня сторишь!

— Онъ извозничьихъ словъ не понимаетъ, Савишна.

— Не понимаетъ! На грѣхъ и изъ архива

выстрѣлишь. У меня сичасъ сердце все одно, что овечій хвостъ дрожить: вдругъ пустить разговоръ!

— Архипъ больше въ полночь во снѣ разговариваетъ.

— Сонный время разбирать не станетъ. Вѣдь, меня они послѣ на порогъ не пустятъ. Какъ, вѣдь, просила: убери дурака, нѣтъ таки!

— И велѣла уйти, и видѣла, какъ выходилъ, а какъ сизнова подъ постель забрался,—и ума не приложу.

— Перенести ежели сюда закуску, не придумаешь почему...

— Сказать, что дуетъ отъ окна...

— Ежели бы дуло, гость давно бы объ этомъ сказалъ: онъ страсть, какъ простуды боится. Никакого предлогу нѣту. Ахъ, идолы! Связала меня съ вами нелегкая!

— Да чѣмъ же мы виноваты, Савишна?

— Я виновата, что такому дубью настоящую невѣсту сватаю.

— Ужь и задамъ я завтра Архипу...

— Онъ раньше намъ задастъ жару, вотъ помяни мое слово.

Авось Богъ дастъ въ тишинѣ проспитъ. Господи, помяни царя Давида и всю кротость его, помяни царя...

— А ты думай лучше, нельзя-ли его какъ вытащить оттуда?

— Мудрено, Савишна! Главное, разоспался человекъ. Чуть тронешь, онъ и почнетъ чертыхаться... ежели бы не спалъ, дѣло десятое... а то спитъ, дурашливый!

— Тьфу! Спровадить бы гостя поскорѣй, самое лучшее дѣло было бы, да какъ его спровадить? Насильно не погонишь...

— А ты придумай, Савишна!

— Придумай! Всякую думу у меня твой дуракъ отшибъ! Жениться, дубина стоеросовая, хочеть, а самъ подъ постель лѣзеть...

— На кота ужъ, видно, придется. Сибирскій, молъ, ты это хорошо придумала...

— Сибирскій! Да что-жь по твоему, сибирскіе коты во снѣ чертей поминаютъ? Въ Америкѣ такого кота не найдешь, не токмо что въ Сибири... Нѣтъ, ужъ ты кота оставь въ покоѣ... намъ котъ теперича не поможетъ, надо другое что-нибудь... Какъ ты думаешь, ежели его палкой побудить, въ себя не взойдетъ сразу? Въ чувствительное мѣсто, напри-
мѣръ?

— Не взойдетъ, Савишна, ужъ больно онъ съ отцомъ дрыхнуть здоровы. Все во снѣ дѣлаютъ: и ругаются, и дерутся, а до шести утра не проснутся!

— Тьфу! Ежели бы я знала напередъ, ни за что бы моей невѣстѣ не стала такого покойника сватать... Барышня она деликатная, а женихъ колода дубовая... Людямъ добра желаешь, стараешься, а они тебя же утопить норовятъ... ну, ты такъ и знай... ежели твой дурачина забормочеть подъ кроватью, только ты меня и видѣла... не токмо что десятитыщныхъ невѣстъ вамъ сватать, безо всякаго гардерону не сгану...

— Господи, да чѣмъ же я виновата?... Сама

же старалась, чтобы лучше было, анъ все хуже, да хуже... Глупъ еще Архипушка, свѣту не видалъ, оттого это все.

— Такъ показывай ему свѣтъ, коли за богатою невѣстой тянешься... щипи, да вашу жрутъ, рукавами обтираются, а за пирожнымъ губы тянутъ... Дегтемъ васъ, чертей, за мѣсто пирожного по губамъ помазать...

— Постой, Савишна, не серчай.

— Да какъ тутъ не серчать, мать моя! Ты человѣка подъ разстрѣлъ подводишь.

— Погоди горячиться, можетъ, и уладимъ все.

— И улаживай. Ты его допустила до подпостельной растяжки, ты его и разбуди

— Ротъ ему, по моему, надо завязать.

— Какъ завязать?

— Обнаковенно, платкомъ.

— Да для чего?

— А чтобъ не разговаривалъ. А ежели и будетъ говорить, такъ черезъ платокъ не такъ слышно, какъ будто это за стѣной.

— Первое умное слово отъ тебя за все наше знакомство слышю.

— Мы съ отцомъ прежде частенько съ Архипушкой такъ дѣлали: какъ онъ болтать примется, мы ему сейчасъ ротъ платкомъ...

— Отучали отъ разговору, значить?

— Не отучали, а сосѣдей будили.

— Это черезъ стѣнку-то?

— Черезъ стѣнку. Начнетъ кричать: «Ка-рауль! Жулики!» Ну, тѣ и проснутся... Мы то ничего, спимъ, а сосѣди ругаются.

— Чудесно, только какъ же ему ротъ за-

вязать? Самимъ подъ постель лѣзть нельзя,— гость сидить.

— Гаврюшку, Савишна, нешто послать?

— Это мальченку то вашего?

— Да. Гаврюшка, по моему, отлично можетъ скомандовать.

— Какимъ манеромъ?

— А дверь въ кухню то у насъ за кроватью. Я пойду въ кухню быдто за дѣломъ и впущу Гаврюшку.

— Увидить гость твоего Гаврюшку.

— Не увидить, онъ на четверенькахъ можетъ войти и прямо подъ кровать для операци.

— Умница! Вотъ поди-жь ты, иногда и дуракамъ хорошая дума въ голову приходитъ.

Гдѣ Гаврюшка то твой?

— Поди, въ передней торчитъ.

Дамы вышли въ переднюю и стали будить ставшаго въ уголку мальчугана.

— И что это у васъ за сонное царство, всякая дрянь спить... Очнись, мраморный! Да, ну же, очнись... За уши то его, за уши, мать моя!

Мальчуганъ проснулся и минуты двѣ хлопалъ глазами.

— Слушай, Гаврюшка, — заговорила хозяйка, — сейчасъ ты пройдеши въ кухню и жди меня, понялъ?

— Слушаю-съ.

— Вотъ тебѣ платокъ, и какъ я пойду изъ кухни, ты сейчасъ за мной на четверенькахъ.

— Я и такъ могу-съ.

— А такъ не надо,—замѣтила сваха,—ты ужь слушай, что тебѣ хозяйка говоритъ.

— На четверенькахъ иди и прямо подъ нашу постель, а подъ постелью сейчасъ Архипушка почиваетъ.

— Знаю-съ, онъ давеча при мнѣ залѣзъ.

— Ну, вотъ, только ты тише, смотри не топочи, потому у меня въ спальнѣ гость сидитъ.

— Слушаю-съ, я сапоги симу-съ.

— Сымай, что умно, то умно,—похвалила мальчугана сваха.

— Архипушка сейчасъ дрыхнетъ, такъ ты, Гаврюшенька, тихимъ манеромъ сложи платокъ вчетверо и завяжи ему ротъ.

— Трудно-съ.

— Ничего, дурачекъ, не трудно... Архипушка завсегда навзничъ спитъ, такъ ты продери ему подъ голову платокъ и завяжи.

— Трудно-съ, потому онъ сейчасъ меня за волосъ ухватитъ.

— Не ухватитъ... онъ и не услышитъ даже, какъ ему намордникъ надѣнешь, понялъ?

— Понять то я понялъ, только боязно-съ... голову со сна отвернуть.

— Не бойся, говорю, держи платокъ и иди въ кухню... только смотри, чтобъ безо всякаго шума.

Мальченка побѣжалъ кругомъ въ кухню.

Успокоенная хозяйка со свахой вошли къ гостю и застали его бесѣдующимъ съ хозяиномъ о торговыхъ дѣлахъ.

Хозяйка присѣла для приличія на минуту

и затѣмъ, замѣтивъ подмигиванья свахи, торопливо пошла въ кухню.

Когда она вернулась къ столу, сваха наливала новую рюмку мадеры гостю.

— Такъ вашъ молодой человѣкъ, говорилъ гость—въ театрѣ, это похвально, развлеченіе для молодаго человѣка самое настоящее... Въ какой же онъ отправился: въ Большой или Малый?

Хозяйка посмотрѣла вопросительно на мужа и заерзала на стулѣ.

— Въ средній-съ!—поторопился тотъ отвѣтить гостю.

— Въ средній?—удивился гость,—да такого театра у насъ и нѣту... на какой же онъ улицѣ-съ?

— Къ Коршѣ, мраморный, къ Коршѣ отправился,—поспѣшила на выручку сваха.

— Ахъ, къ Коршу!

— Такъ точно, потому Коршинъ кіятръ и не махонькій, и не большой, а средственный.

— Моя дочь тоже любитъ театръ. Вкусы, значить, у нихъ одинаковы!

— Да ужь будь покоенъ, вкусомъ онъ каждой барышнѣ можетъ потрафить... Просимъ покорно мадерки откусать! Хозяинъ, просите дорогаго гостя!

Хозяинъ принялся упрашивать отиѣживавшагося гостя, а сваха нагнулась къ хозяйкѣ и справилась шепотомъ:

— Подполозь Гаврюшка-то?

— Подполозь... Не слыхать было?

— Ничуть... по жульнически подполозь, только бы твой дуракъ не проснулся во время взнузданія.

— Не проснется. Савишна... ужь я, кажется, свое дите вдоль и поперекъ знаю.

— Смотри, проснется, да сгребетъ за овчину Гаврюшку, а Гаврюшка во всю пасть «караулъ» махнетъ... голову съ насъ сыметъ!

— Будь покойна... хоть свяжи Архипа, и то не услышитъ.

— А что ты наказала мальченокъ на счетъ обратнаго путешествія?

— Какого путешествія, Савишна?

— Ну, завяжетъ онъ пасть твоему дуралю, а потомъ, что? Велѣла ему подъ кроватью остаться?

— Батюшки, ничего не сказала!

— Ну, вотъ, я такъ и знала, что ты меня утопишь. Поползетъ твой Гаврюшка назадъ и отворить дверь.

— Ну, что-жь, это ничего.

— Какъ ничего? Отворилась дверь, а никого нѣтъ. Гость сичасъ обратитъ вниманіе.

— Отъ вѣтру дверь можетъ отво... отво...

Хозяйка не договорила и повернула голову назадъ.

Подъ кроватью раздалось пыхтѣнье, а затѣмъ сперва показалась голова Гаврюшки, а затѣмъ и весь онъ самъ.

— Завязалъ-сь!—доложилъ онъ, вытягиваясь во весь ростъ.

Гость вскочилъ съ мѣста и выронилъ изо рта рюмку.

Хозяинъ отъ неожиданности поперхнулся, а хозяйка чуть не упала въ обморокъ.

— Такъ вотъ кто сопитъ у васъ подъ кроватью,—не потерялась сваха.—Ахъ, ты, парпивецъ! Скажи, пожалуйста, куда дрыхнуть забрался! Я на кота все думала, а это онъ тамъ расположился... Дай-ка сюда уши! Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ! Пошелъ вонъ!—выпихнула она растерявшагося мальчишку.

— Скажите, какая... какой случай!—проговорилъ гость.—Я просто въ себя взойти не могу, страхъ какъ напугалъ. Это лавочный мальчишка?

— Лавочный. Хватила давича, а его нѣтъ, думала, въ погребъ ушелъ, а онъ вотъ куда забрался. Глупъ еще, ребенокъ.

— Вы ужъ извините, совсѣмъ непредвидѣнное, такъ сказать, происшествіе,—клапаясь хозяинъ гостю.

— Ничего-съ. Мальчишки — народъ ужъ такой. Однако, пора мнѣ и по домамъ. Милости просимъ къ намъ.

— Я завтра забѣгу къ тебѣ, мраморный.

— И отлично, очень радъ буду. Мы и кончимъ.

— Посидѣли-бы. — началъ было хозяинъ, но, почувствовавъ толчокъ отъ жены, добавилъ: — какъ-нибудь...

— Какъ-нибудь пріѣду, а теперь, извините, пора-съ... пора-съ...

Хозяйка бросилась въ кухню и принесла гостю шляпу.

— За шляпу прощенья просимъ. Велѣла куфаркѣ посушить, а она ее въ печку и сунъ... Совсѣмъ зажарилась...

— Ничего-съ, не беспокойтесь, у меня дома

другая есть... Такъ до свиданія... очень пріятно!—говорилъ гость, съ трудомъ напяливая на голову шляпу.

Гостя проводила до воротъ сваха. Вернувшись въ квартиру Крутозобовыхъ, она услышала неистовый крикъ: хозяинъ, вытащивъ изъ-подъ кровати жениха, пушилъ его на чемъ свѣтъ стоитъ, а хозяйка такъ и наѣла на кухарку за изжаренную шляпу.

— Вотъ и сватай такимъ лѣшимъ десяти-тыщную!—развела руками сваха и плюнула отъ негодованія.—Въ ковшъ утопять, ей-ей, утопять. Тьфу!..

VII.

На другой же день послѣ описанныхъ событій, по переулку, гдѣ жили Крутозобовы, пошли на счетъ жениха гулять анекдоты. Любопытныя кумушки, эти бродячія газеты Замоскворѣчья, пронюхавъ про сватовство, бѣгали нарочно въ лавку посмотрѣть на жениха и выспросить у глуповатаго лавочнаго мальчишки, Гаврюшки, разныя подробности. Къ тремъ часамъ этого дня всѣ уже обыватели переулка,—большинство изъ нихъ были покупателями у Крутозобова, — знали всѣ перипетіи сватовства со всѣми мельчайшими деталями, хотя и въ фантастической окраскѣ, благодаря пылкой фантазіи досужихъ кумушекъ.

— Видѣли, милая, женишка-то нашего?—кричала жена чиновника Турухалова, встрѣ-

чаясь на дворъ съ такою же чиновницей Трепыхаловой.—Милліонъ беретъ!

— Крутозобовъ?—остановилась та. — Сто тысячъ, я слышала...

— Милліонъ! Марья Андреевна у самого Крутозובה спрашивала... «Я, говорить, теперь весь переулокъ куплю и въ пять этажей дома построю, чтобы графы да князья жили, а не такая рвань коричневая»... А? Нѣтъ, какъ мужикъ, милая, вознестись можетъ, скажите на милость? На копѣйку луку отпускалъ и чуть не въ поясъ кланялся, а сичасъ ужъ мы для его рванью стали.

— Сто тысячъ, я слышала, — стояла на своемъ Трепыхалова. — Да за этакого дурака и сто тысячъ капиталъ громаднѣй, не стоитъ дуракъ такого капитала.

— И гдѣ глаза у невѣстинныхъ родителей, милая? За этакого лѣшаго дочь отдають, да еще въ придачу деньжищъ прорву.

— Не безъ грѣха тутъ, я думаю

— Это вы про Крутозובה?— подошла къ чиновницамъ старушка, несшая въ курятникъ кормъ курамъ.

— Про него. Курочекъ своихъ кормить идете?

— Курочекъ. Скажите, какое вдругъ счастье человѣку, пятьдесятъ тысячъ беретъ!

— Сто, говорятъ.

— Милліонъ, я слышала.

— Пятьдесятъ, — затрясла головой старушка.—Мнѣ Анна Семеновна говорила, а она отъ самой Крутозобихи слышала.

— Крутозобиха и совратъ можетъ.

— А что ей врать-то, милая? Денегъ ей въ руки не дадутъ.

— Какъ не дадутъ? Самъ, вишь, весь переулокъ скупить хочетъ и домами застроить.

— Не дадутъ, да и дать нельзя, потому они въ банку положены графомъ, который съ этою невѣстой въ пріятныхъ амурахъ время проводилъ.

— Скажите, какая новости! Такъ она въ лѣтахъ уже?

— Тридцать второй, милья, съ Евдокеи поѣхалъ... И положилъ графъ эти деньги на ея имя въ банку до смерти. Проценту она брать можетъ, а капиталу тронуть не моги...

— Да этотъ дуракъ, милая, никакого проценту не стоитъ.

— По этому случаю Крутозобовы и прельстились. Ежели и проторгуются, такъ завсегда графскій процентъ есть.

— А билъ-то жениха тестъ за что, не слышали?

— Ужли билъ? Да когда же они успѣли это, милая... третеводни только смотрины были.

— На смотринахъ и отлупилъ.

— И знгете за что? За невѣжество! — замѣтила Турухаева. — Оедосья Максимовна отъ ихняго мальчишки узнала: сталъ онъ прощаться съ невѣстой, возьми, да ее и облащъ...

— Ахъ, дуракъ!

— Невѣста ничего, потому къ этому приучена, а тестъ не стерпѣлъ, да и наставилъ ему гостинцевъ... Я нонѣ была въ лавочкѣ и видѣла его: вся морда обвязана...

— А подь кровать-то какъ вчера отъ своего тестя спрятался,—слышали?

— Нѣтъ...

— Какъ же! Насилу вытащили: и мать тащила, и отецъ тащилъ, и мальчишка... ужъ сосѣда позвали для помощи...

— Да съ чего же это онъ схоронился?

— Сдуру.

— А можетъ и со страху, милая. Думалъ, и у нихъ тесть тоже бить будетъ...

— А слышала, какъ они своего свата приняли? Вчера вѣдь онъ въ гостяхъ у нихъ былъ..

— Былъ. Я нарочно мимо окошка ходила, да ничего не видать было... занавѣски, знаете, у нихъ такія плотныя, никакихъ подробностей не видать.

— Я тоже ходила... какъ мы не встрѣтились, удивляюсь... Анну Семеновну я видѣла, Аграфену Петровну, Меланью Ивановну, а васъ нѣтъ...

— И я весь переулокъ видѣла, а васъ не встрѣтила... въ темнотѣ, знаете, трудно разглядѣть... Такъ вы не знаете, чѣмъ они своего свата угостили?

— Нѣтъ, милая, это очень любопытно... семгу мы видѣли и колбасу видѣли, потому занавѣска не плотно до подоконника доходила...

— Жареной шляпой, милая...

— Шляпой?

— И его же шляпу зажарили. Такъ вмѣстѣ съ гусемъ подь капустой и подали..

— Да какъ же это вышло, милая?

— И сама не понимаю, думаю, что кухарка у нихъ пьяная...

— Скажите, какія новости! Впрочемъ, милыя, что-жъ отъ мужиковъ и ждать?

И кумушки разлетѣлись по переулку распространять новость про жареную шляпу.

Въ этотъ день въ лавкѣ Крутозобова покупателей было больше обыкновеннаго и въ особенности дамъ, которыя лѣзли прямо къ жениху съ требованіями и съ милою улыбкой разсматривали его фizioномію.

Многія любопытствовали у самого, стараясь вывѣдать отъ него подробности, но самъ на всѣ вопросы отвѣчалъ только: «Пустяки-съ!... Ничего нѣтъ-съ!... Женить его еще рано-съ!»...

Дамы поняли, что отъ самого толку добиться трудно, и поэтому налегли на Гаврюшку, который и вралъ имъ, что Богъ на душу пошлетъ.

Женихъ не показывался на улицу, потому что при первомъ его появленіи уличные мальчишки, строя ему носы и корча гримасы, принялись орать хоромъ: «Невѣсту поцаловалъ! Невѣсту поцаловалъ!»

— Тятенька, — пожаловался онъ отцу, — тамъ мальчишки дразнятся!

— Сиди въ лавкѣ, дуракъ! — крикнулъ тотъ на него. — Что ты свою битую морду на улицу носишь? Нашелъ тоже вывѣску!...

VIII.

А сваха между тѣмъ работала. Бывши на другой день два десятка апельсиновъ, она

отправилась съ этимъ презентомъ отъ жениха къ невѣстѣ, гдѣ и пробыла часа три. Къ Крутозобовымъ она пріѣхала часа въ три. Въ лавку она не заходила во избѣжаніе встрѣчъ съ покупателями, а прошла прямо на квартиру, гдѣ и застала старшихъ Крутозобовыхъ за самоваромъ.

Сама, увидавъ сваху, бросилась къ ней навстрѣчу и, обლობызавъ по обычаю ее троекратно въ губы, которыя сильно отдавали мадерой, справилась шепомъ: «Ну, что Богъ далъ, Савишна?»

Савишна ничего не отвѣчала. Не торопясь сняла она съ себя «дипломатъ», повѣсила его бережно на гвоздикъ и немедленно сдѣлала хозяйкѣ выговоръ.

— Вѣшалку не заведете... десятитыщную невѣсту вамъ сватаю, а вы будущаго свата на гвоздь вѣшаете! Въ Муромскихъ лѣсахъ вы живете аль въ Москвѣ?

— Вѣшалку точно что надоть, — проговорила хозяйка, — да такъ какъ-то все... то нынче, то завтра... никакъ купить и не соберешься...

— Надоть! — передразнила ее сваха. — Все надоть, а ничего нѣтъ, лѣшіе вы муромскіе, вотъ что!

— Купимъ.

— Чтобы завтрашняго же числа вѣшалка была! — погрозила сваха хозяйкѣ пальцемъ. — Вдругъ сватъ пріѣдетъ, на что ты ее, умная голова, повѣсишь? А?

— Завтра же куплю.

— Терпѣть не могу этого безпорядку. Ну,

свать туда-сюда, онъ мужчина и на гвоздѣ повисить, а сватья — дама деликатная и всѣ манты у ей съ вартепруфами бархатныя. Да ты гвоздемъ то ей весь фасонъ испортишь!

— Безпремѣнно, Савишна, завтра въшалку куплю.

— Не забудь. Ты меня знаешь, я десять разъ одно и то же говорить не люблю.

Сваха передернула накинутый на плечи платокъ, вошла въ комнаты и стала креститься на образа.

Хозяинъ всталъ изъ-за самовара и, смотря то на образа, то на сваху, вздыхалъ съ большимъ умилениемъ.

— Добрый день, мраморный! — протянула ему сваха руку и, не дожидаясь приглашенія, подвинула стулъ къ столу и спросила себѣ чаю.

Наступило молчаніе. Сваха подвинула къ себѣ чашку чаю, попробовала пастилу и проворчала сквозь зубы: «Даже свѣжей поставить не могли, скареды»!

— Что хорошаго? Савишна, слышала? — проговорилъ хозяинъ, пропустивъ мимо ушей замѣчаніе свахи о пастилѣ.

— Что хорошаго, Чай, читаешь газеты, меня спрашивать нечего...

— Да я не про политику, а вобще... про дѣла то есть...

— То то дѣла! Старайся для васъ, а вы вонъ какія штуки выкидываете! То жениха дурака подъ постель запрятали, то шляпу свату зажарили... двѣнадцати-рублевая кухарка, а шляпу за телятину приняла... бить васъ надо!

— Что съ дуры возьмешь, — замѣтилъ самъ. — Приказали посушить, а она жарить надумала.

— Такъ гляди за дурой, коли берешь десятитыщную. Съ пустымъ гардеропомъ возьмешь—хоть невѣсту жарь, слова не скажу, а за капиталомъ ежели лѣзешь, соображеніе въ умѣ держи... Кланяются вамъ!

— Была у ихъ, значить, Савишна? — съ улыбкой заговорила сама.

— Значить, была.

— Ну, что?

— Чего что? Приняли, какъ слѣдуетъ, потому люди деликатнаго сложенія и всякое обращеніе повимають... столько сортовъ варенья къ чаю наставили, что я всего даже и не перепробовала... а вы пастилу засушеную, точно въ насмѣшку...

— Да это мы для себя.. не ждали тебя, ну, и... Сходи-ка въ лавку, да принеси свѣжей, — сказалъ самъ.

— Не надо, я пошутила! — остановила хозяйку сваха. — Къ слову пришлось, я и сказала... А женишокъ гдѣ?

— Въ лавкѣ, Савишна.

— Опала у него рожь то?

— Совсѣмъ, только что желтяки остались, а опуха никакого.

— Такъ. Ну, теперича, я могу васъ поздравить съ окончаніемъ дѣла: и вы старикамъ пондравились, и дуракъ вашъ по сердцу невѣстѣ пришелся.

— Ну, слава тебѣ, Господи! — перекрестилась сама и бросилась цѣловать сваху.

— Спасибо, Савишна,—протянулъ руку ей Крутозобовъ.—А ужъ я съ тобой рассчитаюсь какъ слѣдуетъ.

— Это само собой. А ужъ и досталось мнѣ уломать ихъ!—качнула головой сваха и, поворотясь къ хозяйкѣ, спросила:—абрикосовое варенье есть?

— Есть, Савишна.

— Тащи. Съ абрикосовымъ я тамъ пила, такъ не хочу скуса портить.

— Чѣмъ же мы не угодили, что уламывала ты ихъ?—справился хозяинъ.

— И то, и се... и квартира у ихъ мала, и за перегородкой разговоры, и мальченка, который подъ кроватью очутился. Сама ничего, а самъ въ большомъ междометіи находился.

— А ты имъ что?

— Резоны! Квартиру, говорю, для молодыхъ они другую возьмутъ, а ежели мальченка тебя перепугалъ, такъ это не ихняя вина, баловники вездѣ есть, во всякой фамиліи.

— Только, значить, противъ этого они?

— Ну, и противъ разнаго другого, сѣрость, говорятъ, въ ихъ дикая сидить, обращенія настоящаго не понимаютъ.

— А ты бы имъ сказала, Савишна...

— Что?

— Что, дескать, того, душа, молъ, у ихъ чудесная.

— Да что они къ тебѣ въ душу то лазили? Видятъ ваше обращеніе и сужетъ производить. Душа дѣло темное, другую душу то и со свѣчкой не разглядишь: не то душа, не то рогожка, а каждый человѣкъ собою человѣкъ

по паружности судить. Извѣстно, ужь я за васъ можетъ разовъ десять вспотѣла, ну, и увѣрила.

— Кушай, Савишна,—явилась хозяйка съ банкой варенья.

— Спасибо, мраморная.

— Такъ ты что же, Савишна, полное согласіе отъ ихъ получила?

— Совсѣмъ полное, мать моя. По рукамъ даже ударили, что мать, что отецъ.

— А невѣста?

— Невѣста, извѣстно, краснѣетъ, какъ піонъ. Забралась я къ ей въ спальню и приперла къ стѣнкѣ: сказывай, въ совѣсть женихъ, али не въ совѣсть?

— Что-жь она, Савишна? Архипушка нашъ кажется, парень видный.

— Видомъ только и взялъ! Ежели бы у него умъ перемѣнить, жениху цѣны нѣтъ. Сичасъ бы ему стотыщную высватала.

— Ужъ что Богъ далъ!—со вздохомъ замѣтила хозяйка.

— Извѣстно, все отъ Бога. Чего за кожей нѣтъ, къ кожѣ не пришьешь. А съ другой стороны, ежели разсудить, такъ съ дуракомъ мужикомъ въ тыщу разъ легче жить, ничѣмъ съ умнымъ. Что ни-сдѣлай умно, все для мужа хорошо, а съ умнымъ поди-ка, не больно то свою дурь распустишь.

— Значить, ндравится ей Архипъ?—перебилъ сваху хозяйнѣ.

— Ндравится. Ежели-бъ, говоритъ, ему носъ перемѣнить, подбородокъ подтесать, да глаза къ носу поближе придвинуть, совсѣмъ бы

душка вышелъ; робокъ, говорить, онъ только оченно, скажетъ слово и сичасъ кашлянетъ, словно боится, что его за это слово сичасъ по затылку огрѣютъ.

— Конфузливъ онъ у насъ,—замѣтила хозяйка.

— И я то же ей говорю. Съ дѣвицами, моль, мало бывалъ и поэтому обращенія съ ними пужливаго, надсмѣшекъ боится!

— Что-жь она на это, Савишна?

— Ничего. Извѣстно, барышня не можетъ высказать всего, что она объ жизни думаетъ...

— Ужь это конечно...

— Ну, только выйти за вашего дурака не прочь...

— Обижаешь ты его, Савишна.—проговорила хозяйка,—все дуракъ, да дуракъ... совѣмъ онъ не такой дуракъ...

— Дуракъ! Ты ужъ со мной не спорь. Я, можетъ, на своемъ вѣку паръ пятьсотъ обкрутила, такъ всякихъ, кажется, жениховъ видѣла... Ну, какой это умный женихъ подъ постель залѣзетъ, скажи, пожалуйста?

— Я ужъ его билъ за это, — замѣтилъ самъ.

— Чуть было всего дѣла не испортилъ. Ну, узнай гость, что подъ кроватью Архипъ, ни за что бы дочь за него не отдалъ.

— Теперь умнѣ станетъ... учить надо, Савишна. Ни свѣту, ни жизни не видать...

— Учить! Покуда его женишь-то, такъ онъ изъ меня всѣ жилы вытянетъ... на минуту спокойна не будешь; онъ только ротъ разинетъ, а у тебя сердце на манеръ хвоста

овечьяго: вдругъ дурость бухнетъ?.. Изведетъ онъ меня!..

— Не бойся, Савишна. Ежели невѣстъ онъ вдравится, такъ та дурость не замѣтитъ... дѣвицы на этотъ счетъ глупы...

— А отецъ-то съ матерью на что? Дрессировать его надо безъ устали, а то и дѣло все испортить, и мнѣ голову сыметь.

— Мадерки, Савишна, не выпьешь ли?

— Выпью. За совершение дѣла завсегда выпить слѣдуетъ. Только вотъ что: невѣста безпремѣнно желаетъ, чтобъ онъ завтра вечеромъ къ нимъ запросто пріѣхалъ..

— Съ битой мордой то? Ты бы сказала, что нездоровъ, молъ...

— Говорила... лихорадить, говорю, его, мраморная, а она свое: «Это, говорить, пустяки, пуцай на ночь приметь трихнину и все какъ рукой сыметь»...

— Какъ же быть, Савишна? А?

— Не безпокойтесь, я все дорогой обдумала. Перечить невѣстъ, по моему, никакъ нельзя, ежели она сичасъ распалилась...

— Да синяки-то у него ужъ очинно возмутительные... совсѣмъ не жениховскіе...

— Да вѣдь опуху, говоришь, нѣту?

— Опуху нѣтъ, сползъ опухъ-то...

— Ну, а синяки мы замажемъ... у моей двоюродной сестры есть художникъ знакомый, который изъ любой хари картину написать можетъ.

— Есть такіе, я слыхивалъ!—подтвердилъ хозяинъ.

— Ну, вотъ мы поѣдемъ съ вашимъ ду-

ракомъ сперва къ художнику, а потомъ къ невѣстѣ... Согласны?

— Сдѣлай милость, Савишна. Будь какъ дома... возьми его въ свое распоряженіе.

— Ну, вотъ и чудесно! Пошли-ка мнѣ его, я его патреть освидѣтельствую.

Хозяйка бросилась въ лавку, а хозяинъ подвинулъ свахѣ бутылку съ мадерой.

IX.

— А ну-ка, поди сюда,—говорила сваха вошедшему жениху,—покажи мнѣ свое зеркало.

Женихъ поклонился свахѣ и подошелъ къ самому ея носу.

— М-м м!—протянула она,—покачивая головой.—Тьфу! Даже вся политура сошла! Радуга, а не морда

— Опуху то нѣтъ, Савишна,—замѣтила мать жениха.

— По моему, мать моя, въ такомъ разѣ лучше ужъ опухъ бы былъ, на хлюсь можно своротить: надуло, дескать, и скосоротило, а сейчасъ, смотри, какая живопись по всему его зеркалу пущена: не то зебра американская, не то свинья полосатая: полоса желтая, полоса коричневая, полоса черная... И угораздитъ же человѣка до такихъ колеровъ дойти!

— Налетѣлъ на дышло, стало, быть, съ усердіемъ,—вдохнулъ отецъ жениха.

— Какъ ты черепъ себѣ не раскроилъ... Ежели тебя сейчасъ въ натуральномъ видѣ не-

вѣстѣ показать — въ обморокъ хлопнется, съ испугу помереть можетъ!

— А развѣ надо ѣхать къ нимъ-съ?—спросилъ женихъ.

— Требуешь, чтобъ завтрашняго числа явился. Пондравился ты ей очень.

— Съ такимъ патретомъ неловко-съ.

— Да уже извѣстно, съ такою кокеткой не поѣдешь, видала. чай, она биштексы то.

— А ты къ живописцу, Савишна, хотѣла съ имъ поѣхать,—замѣтила хозяйка.

— Поѣхать то я поѣду, только переписать ли онъ его набѣло—ручаться не могу.

— Ежели хорошій да настоящій художникъ; онъ всякую выѣску можетъ,—заговорила хозяйка, —хочешь фрукту, хочешь колбасу—въ натуральности изобразить.

— Извѣстно, къ хорошему поѣдемъ, къ плохому съ такою рожей и соваться нечего: еще хуже напортить. Ну, и хорошій то, боюсь, за такую модель не возьмется.

— Синякъ, вѣдь, Савишна, отчего же и не взяться? Мы за цѣной не постоимъ.

— Синякъ синяку розь. У одного синякъ благородный, а у вашего во всю палестину разѣхался. Много возни съ твоей рожей будетъ!

— Ничего-съ, я терпѣливый, посижу-съ.

— Пораньше намъ надо завтра къ художнику забраться, чтобы не на спѣхъ тебя отработалъ.

— Да ужъ ты, Савишна, за деньгами не стой. Пушай подороже возьметъ, только чтобы изъ Архипушки картина вышла.

— Извѣстно, въ такихъ случаяхъ лишней зелененькой жалѣть не слѣдъ. Намъ главное теперь, чтобъ невѣста осталась довольна, а потомъ, какъ образомъ ихъ благословимъ, такъ онъ хоть безъ головы приди—не замѣтитъ.

— Вотъ это такъ, это я и сама, Савишна, такъ думала.

— Много вы думаете, а путнаго у васъ ничего не выходитъ. Вы лучше бы меньше думали, да больше за женихомъ глядѣли, а то онъ ровно у васъ дитя грудное; то на дышло наскочить, то подъ постель при гостяхъ залѣзетъ.

— А какъ ты полагаешь, Савишна, что возьметъ твой художникъ за перелицовку то?

— Да вѣдь какой фасонъ выберешь.

— Какой же тутъ фасонъ? Синяки только закрасить и подогнать подъ колеръ.

— Какими красками тушь пустить: простыми али заграничными? У художниковъ на все своя цѣна.

— На красненькую пуцай ужъ его, дурака, мажетъ.

— За красную, думаю, онъ въ лучшемъ видѣ вашего Архипа перефасонить, а тамъ увидимъ. И поторговаться можно, ежели черезъ чуръ цѣну заломить. Такъ я завтра забѣгу за нимъ часа въ два, мы и отправимся. А отъ художника прямо къ невѣстѣ, покада краски не слиняли. Такъ?

— Такъ, Савишна. Тебя не учить, дѣлай какъ лучше!

И хозяйинъ съ хозяйкой поднялись съ своихъ мѣстъ проводить сваху.

X.

А на другой день, часовъ около трехъ, въ одномъ изъ пустынныхъ переулковъ Замоскворѣчья, у воротъ небольшого деревяннаго дома, сваха дергала за ручку звонка и ругала дворника, который не шелъ отпирать калитку. Сзади свахи стоялъ женихъ, съ завязанною платкомъ правою стороною лица, и съ любопытствомъ смотрѣлъ въ окна домика, изъ которыхъ выглядывала женская головка.

— Да что же это за дворникъ здѣсь?—сердилась сваха, чуть не вися на звонкѣ.— Или дуракъ, или спитъ. Постой, шлепаетъ словно кто то.

— Идутъ-съ—подтвердилъ женихъ.

— Кто тамъ?—крикнула сваха.—Отпирай скорѣй!

— А вы къ кому?—справился кто то, обладавшій визгливымъ сопрано.

— Къ художнику Палитрину, дома онъ?

— Дома. Писаться пришли?

— Писаться, писаться, отпирай знай.

Загремѣла щеколда и, минутою спустя, передъ свахой выросла нечесаная баба въ накинutoй на плечи кофть.

— А ты чего же это, мать моя, до сей поры не отпирала? Я, можетъ, съ полчаса звонила.

— Стирка новѣ у меня, тороплюсь, подождать, думаю.

— Ты дворничиха?

— Дворничиха, а дворника въ участокъ потребовали.

— Гдѣ же господинъ Палитринъ живетъ?

— А вотъ сейчасъ налѣво крылечко будетъ. Звонка у нихъ нѣту, оборвалъ намеренно кто то, а мужу новый сдѣлать недосугъ: то одно дѣло, то другое. Постучите въ дверь, только со всей силы стучите, потому у нихъ кухарка глухая.

— Всѣ вы здѣсь, я вижу, глухіе,—проговорила сваха и юркнула съ женихомъ въ крылечко.

— Стучи, у тебя кулаки то много моихъ ядовитѣе будутъ.

Женихъ размахнулся и забарабанилъ въ дверь.

Откуда то посыпалась штукатурка и полетѣли куски дерева.

— Тише, идола!—остановила его сваха.— Экъ тебѣ кулачище то какой Богъ далъ, весь домъ обрушить можешь.

— Лучше услышать-сь.

— За твое лучше то, того гляди, въ участокъ попадешь! Этакимъ тебя несладнымъ Богъ уродилъ: за что ни возьмешься, въ одну минуту испортишь!

— Щекатурка здѣсь старая-сь, оттого и сыпется, и при томъ не слышутъ, видите, никого нѣтъ-сь...

— Съ этакого стуку, кажется, мертвый вскочить. Долби еще, только съ деликатностью, чтобы домъ не завалить; вотъ такъ, долбни еще разокъ, припусти, мраморный, вотъ такъ... Что? Идутъ?

— Не слышать-съ.

— Глуха, стало быть, куфарка до сверхъ всякой степени; и художникъ, должно, тоже глухой. Сторона глухая и жители глухіе, каковъ попъ, таковъ и приходъ. Долби, мраморный.

«Мраморный» задолбилъ, и на сей разъ съ успѣхомъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ дверь отворилась и впустила гостей въ узенькую переднюю съ окошкомъ, выходящимъ на дворъ.

— Вамъ кого?—справилась у свахи старая баба въ засаленномъ фартукѣ и съ засученными рукавами.

— Хозяина твоего...

— Ась? Ты въ ухо мнѣ, милая, въ ухо, а то я, бываетъ, не дослышу иной разъ чего.

— Хозяина твоего!—крикнула та въ ухо бабы.

— Хозяина мово?—удивилась та,—да онъ померъ давно, милая.

— Какъ померъ?—всполошилась сваха.—Слышь, мраморный, ловко насъ подкузьмилъ покойникъ. Что же намъ теперь дѣлать?

— Другого художника искать-съ..

— Поди ищи ихъ по Москвѣ, а намъ вѣчеромъ къ невѣстѣ надо. Ахъ, ты, несуразный! Ну, чтобы пожить еще маленько! Давно онъ померъ то?—снова крикнула сваха въ ухо бабы.

— Давно, милая, годовъ тридцать тому.

— Тьфу! Всу дура то! Да ты про кого говоришь то?

— А про хозяина свово, про Еремѣя Маркелыча.

— Про мужа, что-ль?

— Про мужа, про мужа.

— Царство ему небесное, но только онъ намъ ни для какой операціи не годится. Намъ хозяинъ твой, художникъ, нуженъ.

— Такъ бы и говорила, что баринъ, молъ, нуженъ, а ты вдругъ хозяина спрашиваешь. Для натуры, что-ль, пришли?

— Для натуры, мраморная, натуру подвести. Докладывай иди... завячь онъ?

— Ну, какое у его занятіе? Сидить, чай, да краски портить. Обождите, я сейчасъ.

Баба скрылась и минуту спустя за затворенными дверями раздался ея скрипучій голосъ.

— Натурщики тамъ къ тебѣ пришли,—докладывала она барину.

— Отъ кого? — справился кто-то отстоявшимся басомъ.

— А кто ихъ знаетъ, пришли, я и докладываю.

— Должна была спроситься, можетъ быть, дрянъ какая нибудь.

— Гляди самъ. На то у тебя и глаза, чтобы смотрѣть.

— Сейчасъ выду.

— А сердитый-съ, повидимости! — прошепталъ женихъ свахѣ.

— Пуцай. За свои деньги мы тоже сердиться можемъ, мраморный.

За дверями кашлянули и, спустя нѣсколько секундъ, передъ глазами свахи и жениха выросла неуклюжая фигура нечесаннаго художника.

Онъ окинулъ быстрымъ взглядомъ гостей и издалъ радостное восклицаніе.

— Кто прислалъ? — спросилъ онъ.

— Анна Петровна лекемендовала, — отвѣтила сваха, раскланиваясь.

— Не знаю такой. Но это все равно. Снимите платокъ, — приказалъ онъ жениху.

Тотъ снялъ и робко посмотрѣлъ на художника.

— Великолѣпный типъ! — проговорилъ художникъ, потирая руки. — Какъ разъ для моей картины «Послѣ загула» подойдетъ.

— Ну, какой у него типъ, просто синячище отъ оглобли, — замѣтила сваха.

— Великолѣпный синякъ, матушка.

— Да ужъ такихъ я сроду и не видывала... Во всю рожу постарался.

— Это хорошо. Прошу раздѣться и пожаловать въ мою мастерскую.

— А какъ цѣна-то будетъ?

— Въ цѣнѣ, матушка, мы сойдемся. Сынокъ твой?

— Ошалѣлъ, отецъ родной, да я сроду изъ дѣвицъ не выходила.

— Тоже типъ! Мнѣ положительно все равно, родственникъ онъ тебѣ или нѣтъ, дѣло въ томъ, что онъ мнѣ нравится... Раздѣвайтесь!

— Сейчасъ, мраморный!

Гости раздѣлись и вошли въ мастерскую, сплошь увѣшанную разными этюдами и эскизами. На мольбертѣ, стоявшемъ посреди комнаты, красовалось большихъ размѣровъ загрунтованное полотно.

— Садитесь, молодой человѣкъ.

— Красокъ-то ты не жалѣй... хорошія пусти... заграничныя которыя.

— Не безпокойся, матушка, живой у меня выйдетъ!.. Покутили, молодой человекъ, а?

— Я-съ?—приподнялся женихъ со стула.

— Вы сидите, сидите... До безчувствія, надо полагать, допились?

— Я-съ? Я... не пью-съ...

— Въ ротъ капли вина не беретъ, — проговорила сваха.

— Толкуйте!—мотнулъ головой художникъ и схватилъ палитру.—У него такое лицо, какъ будто онъ пилъ мѣсяца три безъ всякихъ антрактовъ.

«Цѣну, мазилка, набить хочетъ!»—подумала сваха и стала божиться, что Архипушка никакими художествами отродясь не занимался.

— На дышло, вишь, наткнулся, былъ-такъ и ночной грѣхъ, а винища и не пробовалъ.

— Мнѣ, матушка, положительно все равно,—говорилъ художникъ, составляя на палитрѣ нужную краску, — пьетъ-ли онъ, или нѣтъ, но какъ типъ...

— Типунъ тебѣ на языкъ! Синякъ, говорю, а не типъ, лошадиную болѣзнь ему навязываетъ!

— Лошадиная болѣзнь сапъ-съ, а не типъ-съ,—замѣтилъ женихъ свахѣ

— Все одно, и типъ скотская болѣзнь. Не учи меня, молоко на губахъ не обсохло, а учить лѣзешь, я и съ полковниками умный разговоръ вела, а на художниковъ наплевать хотѣла, я больше ихняго въ порченомъ патрѣтѣ смыслю... Составилъ краску-то?

— Составилъ,—усмѣхнулся художникъ.

— Ну, и мажь.

— Сейчасъ и стану. Держитесь прямо, молодой человекъ.

— Постой, ты прежде цѣну объяви, а то оцекатуришь его рыло, да такую апосля цѣну заломишь, что я всю краску назадъ сотру.

— Какую цѣну, матушка? — остановился художникъ.

— Какъ какую? Говори прямо, что его морда стоитъ?

— Я обыкновенно плачу по цѣлковому за сеансъ, но ему, въ видѣ исключенія, заплачу полтора.

— Какъ-съ! — пробормоталъ женихъ, вставая и смотря на сваху, — Савишна, онѣ намъ-съ хотять, а не мы имъ-съ.

— Выпилъ, должно, за обѣдомъ лишняго разсолу, вотъ и мелеть несуразное. Ты, мраморный, прямо скажи, что съ насъ возьмешь?

— Съ васъ? За что же?—удивился художникъ.

— А за замазку.

— Какую замазку?

— Выпилъ и есть! Навяжется же этакій женишокъ счастливый, куда съ нимъ ни попадешь — пропадешь. За подмазку патрета что возьмешь?

— Позвольте, — поднялся художникъ, вѣдь вы — натурщики?

— Натурщики. Финякъ подправить къ тебѣ пришли, подъ натуру подогнать.

— Да вы кто такіе?

— Я — мѣщанская дѣвица, а онъ сынъ лавочника. Къ невѣстѣ намъ надо ѣхать, а па-третъ у него дышломъ попорченъ, вотъ мнѣ сестра и указала на тебя, что ты тунбу, и ту можешь подъ человѣка раздѣлать.

— Да, вотъ оно что! — протянулъ художникъ разочарованно, — а я васъ принялъ за натурщиковъ, за модель для моей картины.

— Это бываетъ, мраморный; я разъ одного хорошаго купца за жулика приняла.

— Ахъ, какая досада!... Послушайте, молодой человѣкъ, и на кой чортъ вы хотите синякъ замазывать? Да это прелесть что такое! Цѣны вашей рождѣ нѣтъ!

— Какъ зачѣмъ? Къ невѣстѣ мы съ нимъ ѣдемъ.

— Плюньте на невѣсту... Два-три сеанса, и я васъ увѣковѣчу на картинѣ.

— И безъ тебя, отецъ родной, его ужъ изувѣчили. Закрашивай дышловую порчу.

— Вы, матушка, ничего не понимаете...

— Какъ не понимаю? Я ему невѣсту сватаю... Что возмешь за колерь?

— Ничего не возьму и портить такой чудный типъ не стану...

— Тьфу! Съ выпившимъ человѣкомъ, видно, не скоро сговоришь. Наѣхалъ онъ на скотскій типъ и никакъ съ него не съѣдетъ... Замажь, потому съ такимъ безобразіемъ не токмо что отъ невѣсты, — изъ участка выгонять... Можешь, аль нѣтъ? Не можешь, — къ другому рыльному художнику уйду...

— Извольте, замажу, только съ условіемъ:

завтра ко мнѣ придти на часъ; понимаете, матушка, онъ мнѣ для картины нуженъ...

— Это можно... и завтра мы къ невѣстѣ поѣдемъ, такъ чтобъ и завтра подмазать.

— Отлично! А сейчасъ вамъ часокъ посидѣть некогда?

— Сейчасъ время нѣту, потому мнѣ его еще надо въ цирюльню свезти, да перчатки купить, да за конфетами невѣстѣ... Завтра ужъ мы лучше пораньше къ тебѣ... Рисуй!

Художникъ подсѣлъ къ жениху и принялся замазывать «дышловую» порчу.

— Піёны по щекѣ-то пусти, мраморный, — говорила сваха, стоя сзади художника, — чтобы невѣсту-то въ дрожь бросило.

— Можно. Только и на другой щекѣ нужно розы подрисовать, — смѣялся художникъ, загрунтовывая синякъ.

— Рисуй, мраморный, не жалѣй краски. Много, поди, тебѣ такой работы по Замоскворѣчью-то?

— Въ первый разъ пришлось гримировкой заняться.

— Врешь! Охъ, врешь, мраморный! Ишь какъ натурально выходитъ, Архипушка: узнать тебя даже нельзя... чистый купидонъ!

— Хорошо-съ?

— То-есть такъ чудесно, мраморный, отецъ родной не узнаетъ... а ты пусти баконцу-то... красноты то-есть... его дѣло жениховское: пуцай пылаетъ...

— Перерумянилъ, кажись.

— Ничего, мраморный, кашу масломъ не испортишь! Ужли совсѣмъ?

— Готово,—проговорилъ художникъ вставая.—Хорошъ?

— Мраморъ, а не мужчина! — всплеснула руками сваха, любуясь женихомъ, который конфузливо вертѣлся передъ свахой. — Ежели тебя теперъ завить, да духу въ тебя заграничнаго пустить—совсѣмъ женскихъ сердець погубитель выйдешь! Спасибо, то-есть такъ ты моего дурака отполировалъ, что никакому столыару до этого не дойти!

Сваха потянулась къ художнику и чмокнула его отъ всего чувствія въ губы.

— То-есть такого ты мнѣ изъ него купидона обработалъ, что сичасъ любая на него двадцатитыщная невѣста польстится!—разсыпалась сваха передъ художникомъ, любуясь его произведеніемъ. — Въ Третьяковской галдарей такой красоты нѣту, сичасъ провалиться!

— Да ужъ разукрасилъ на совѣсть!—смѣялся художникъ.

— Вѣрно, мраморный, вѣрно. Со стороны даже видно, что у тебя совѣсть настоящая... Къ свѣту то стань, Архипъ Семенычъ, къ свѣту то,—пихнула сваха жениха къ окошку,—хорошъ! То-есть такого акварельнаго мужчины во всей Москвѣ не найдешь... Чистая архитектура, ей-ей!... Носъ только, мраморный, по моему, бѣльцей тронуть бы надо...

— Зачѣмъ?

— А для полного блеску. Вечеромъ то, при огнѣ, отъ бѣлизны сичасъ лучъ пойдетъ, на манеръ электричества... невѣста хоть глаза зажмуривай!

— И такъ хорошъ...

— Хорошъ то хорошъ, а все таки съ бѣлымъ носомъ онъ много пронизительнѣе бы сталъ.

— Перекрасишь—замѣтно будетъ...

— Этого не надо. Такъ носъ, по твоему, и безъ бѣлой краски хорошъ?

— По моему, больше вашего пациента подкрашивать не надо.

— Тебѣ видишь; на то ты и художникъ, мраморный, чтобъ всякую красоту въ мѣру наводить... глаза вотъ тоже, я слышала, подводятъ великолѣпно... у иного, али у иной въ глаза плюнуть хочется, а какъ подведутъ подъ черное дерево—не налюбишься...

— Глаза у него и такъ очень хороши.

— Глупые глаза, телячьяго происхожденія. Духу мужчинскаго въ ихъ нѣту... ты всмотришься внимательно... Архипъ Семенычъ, прицѣлся лупоглазыми то въ господина художника... Видишь? Такой въ ихъ видъ, какъ быдто его или въ участокъ ведутъ или плетью дерутъ.

—Выраженіе глазъ измѣнить нельзя...

— А, можетъ, такая краска есть: какъ мажешь, такъ сичасъ тебѣ веселость во всемъ взглядѣ.

— Краски такой нѣтъ.

— Жаль, ну, да вѣдь и дѣвицы разныя бываютъ: кому что нравится.

— А вы развѣ съ нимъ въ первый разъ къ невѣстѣ ѣдете?

— Во второй.

— Такъ для чего же вамъ глаза то мѣнять? Не нравятся, значить, невѣстѣ его глаза?

— Ндравятся. Да такъ ужь, кстати хотѣла его подъякварелить, чтобъ вся морда была въ полномъ възыграніи... Спасибо, мраморный, за услугу... Архипъ Семенычъ, какъ ты себя съ новою вывѣской то чувствуешь?—спросила сваха у жениха, переминавшагося съ ноги на ногу.

— Ничего-съ... слава Богу-съ...

— Знаю, что слава Богу. Этакую картину не всякому тоже мужичиѣ Богъ даетъ... Не ѣсть краска то, не щиплетъ?

— Щипанія нѣту-съ и деру этого тоже не чувствую, а только какъ будто кожу стягиваетъ, на манеръ пластырю...

— Стягиваетъ? Мраморный, видно, ты въ свой баканъ то купоросу подпустилъ?

— Никакого купоросу въ краскѣ нѣтъ.

— Ой, врешь! Испортишь ты жениха прежде времени, всю мнѣ музыку разстроишь.

— Чѣмъ?—расхохотался художникъ.

— А тѣмъ, что возьметъ его морда, да и треснетъ вся по швамъ

— Не безпокойтесь, невредимой останется.

— Не лопнетъ? Ты мнѣ слово дай, а то я за него родителямъ отвѣчать должна. Они мнѣ довѣрили свое дите и вдругъ я его мороженымъ поросенкомъ возвращу.

— Будьте покойны, фizioномія отъ краски нисколько не испортится.

— Ну, то-то,—въ свою краску какую хочешь дрянъ клади, только чтобъ я на счетъ его морды была безъ сумленія... Ну, Архипъ Семенычъ, благодари господина художника за илюминацію и поѣдемъ дальше.

— Поѣдьте-съ... очень вамъ благодаренъ-съ,—протянулъ женихъ руку художнику.

— Не стоитъ. Помните, что завтра вы должны ко мнѣ на часикъ пріѣхать.

— Пріѣду-съ.

— Да ужъ будь покоенъ, мы на свинство неспособны: ты для насъ и мы для тебя... Тебѣ картина съ его синякомъ нужна, а намъ невѣста съ десятью тыщами, рисуй его въ какую хочешь позу, только чтобъ опосля къ вечеру дышловое огорченіе замазать.

— Съ удовольствіемъ.

— Ну, прощенья просимъ, дай Богъ тебѣ здоровья.

— Пожалуйста, только рукой краски не размажьте,—предупредить онъ сваху.—Краски свѣжія и засохнуть не скоро.

— Слышишь, мраморный?—остановила сваха жениха.—Каждую минуту долженъ помнить, что у тебя патреть не настоящій.

— Слушаю-съ... а какъ же ежели я вдругъ вспотѣю-съ?

— Не потѣй... всю акварель, глупый, испортишь.

— Потѣть можете, только платкомъ не вытирайтесь,—сказалъ художникъ,—а возьмите платокъ и только его приложите къ потному мѣсту, понимаете?

— Понимаю-съ... я лучше не стану-съ.

— Что? Потѣть?

— Нѣтъ-съ, платкомъ прикладывать... пущай такъ сохнетъ-съ.

— Какъ хотите, только не трите закра-

шенное мѣсто, смазается краска и получится Богъ знаетъ что.

— Я за имъ глядѣть буду, мраморный,— успокоила художника сваха.— Какъ опъ за платкомъ полѣзеть, такъ я его по рукѣ чѣмъ не попадая, чтобъ красоту не маралъ.

— Зачѣмъ-же-съ, я помню.

— И помни, хорошенько помни... ну, прощай, мраморный, до пріятнаго свиданія.

— Прощайте, прощайте...

Художникъ проводилъ ихъ до передней и хлопнулъ двери. Сваха съ женихомъ одѣлись, попрощались съ провожавшею ихъ кухаркой художника и вышли на улицу.

XI.

— Ну, теперь мы съ тобой, мраморный, въ паликмахерскую отправимся, чтобы подвиги тебѣ настоящее сдѣлали.

— Пойдемте-съ... Къ Теодору хорошо бы ва Кузнецкій мостъ махнуть, тамъ бы по модному голову обработали.

— За семь верстъ киселя ѣсть. Мода то, поди, во всѣхъ паликмахерскихъ одна и та же.

— Мудрости особенной, конечно, нѣту-съ, взялъ щипцы и завивай-съ.

— Я сама такъ думаю. Ну, невѣсту тамъ чесать,—всякіе фасоны для невѣстъ есть, а для вашего брата съ короткими волосами и фасону не выдумаешь, завивай бараномъ и дѣло съ концомъ... Вонъ, направо, кажется, паликмахерская?

— Парикмахерская-съ, потому въ окнѣ болванъ-съ въ парикѣ.

— Ну, вотъ и зайдемъ оболваниться, мраморный... Не стягиваетъ кожу то?

— Стягиваетъ-съ.

— Ничего, терпи. Потянетъ, потянетъ, да и перестанетъ... не привыкъ ты къ щекатуркѣ то, ну, и безпокоишься... А красивъ ты!

— Красивъ-съ?

— Страсть! Всякую невѣсту на мѣстѣ убить красотой можешь! Вотъ что значить, художникъ настоящій, ученый, изъ любого полѣна живой статуи выстругаетъ... Переходи улицу то!

Сваха съ женихомъ перешли дорогу и ввалились въ небольшую парикмахерскую съ двумя, тремя зеркалами, уставленными въ простѣнкахъ. У окна, положивъ голову на спинку стула, дремалъ парикмахеръ съ усами, завитыми въ убійственныя колечки.

Услыхавъ шумъ отворенной двери, онъ вскочилъ со стула и, протеревъ глаза, бросился навстрѣчу вошедшимъ.

— Подвиге на модный фасонъ можете сдѣлать, мраморный?—справила сваха, выступая впередъ.

— Пожалуйте, все что вамъ угодно,—отвѣтилъ тотъ.—Мальчикъ, приготовь щипцы!

— Раздѣвайся!—сказала сваха жениху и проворно стянула съ себя тальму.—Не стащутъ у васъ тутъ одѣянія то наши?

— Будьте покойны, пожалуйста, вотъ къ этому зеркалу.

— Женихъ плюхнулся въ кресло и посмотрѣлъ на себя въ зеркало.

Сваха помѣстилась рядомъ и схватила за руку парикмахера.

— Ты для какого это рожна ножницами заигралъ?

— Подравнять-съ.

— Завивать надо, а не ровнять.

— Нехорошо будетъ, смотрите сами, какъ они неровно подстрижены, видите-съ?—перебиралъ тотъ въ рукѣ волосы жениха.

— Ну, ужъ ежели не хорошо по твоему, такъ равняй, не испортъ только смотри у меня жениха.

— Будьте покойны-съ... Вѣроятно, невѣсту смотрѣть ѣдете?—справился парикмахеръ, звякнувъ ножницами.

— Ёдемъ невѣсту смотрѣть, потому и должевъ ты стараться, чтобъ его овинъ по модѣ отшлифовать.

— Можно-съ... Далеко ѣхать изволите?

— На Арбатъ.

— Въ случаѣ ежели невѣсту причесать, можемъ заслужить...

— А ты сперва на его тыквѣ отличись, а потомъ ужъ и объ невѣстѣ рѣчь веди... На женихѣ себя покажи... Постой! Подравнялъ?

— Такъ точно.

— Завивай теперь.

— Сю минуту,—схватилъ тотъ салфетку,—волосы только съ лица сотру.

— Стой!—схватила сваха парикмахера за руку, — съ овиномъ его что хочешь дѣлай, а до рыла не касайся... не для тебя его морда сдѣлана...

— Я только волосы, которые отъ стрижки, смахну-сь...

— Не смѣй, говорятъ!.. Ну, что ты за дуракъ, мраморный? Тебя отъ морды пихаешь, а ты въ морду все лѣзешь.

— Я чуть-чуть-сь.

— И чуть-чуть не надо... акварель испортишь...

— Ничего не испорчу-сь... они не стеклянные.

— Хуже даже. Стекло ежели потереть салфеткой—чище ставеть, а его рожа сейчасъ тускнѣть начнетъ...

— Не понимаю-сь,—пожалъ плечами парикмахеръ,—въ первый разъ отъ роду такое нѣжное лицо встрѣчаю.

— Акварель у него, а не лицо... какъ пальцемъ коснешься, такъ грошъ ему цѣна... завивай!

— Сію минуту... Не понимаю я только, какъ же это волосы на лицѣ останутся... вы смотрите, сколько ихъ?

— Равнялъ-бы аккуратно, а то размахался ножницами безъ всякаго размѣру, ну, волосы и разлетѣлись во всѣ стороны... сдувай ихъ!

— Какъ сдувать-сь?

— Экой ты дуракъ, а еще усы въ три колеса завертѣлъ! Духомъ дуй.. понялъ? Свѣчку-то тушить умѣешь?

— Разумѣется.

— Ну, такъ, вообрази, что замѣсто его башки свѣчка горить, и дуй... погоди, я тебѣ съ другой стороны подсоблю... зажмурь гла-

за-то, а то надуешь тебѣ въ нихъ волосевъ и почнешь ты ихъ у невѣсты, ровно малый ребенокъ, тереть... Закрыль?

— Закрыль-сь... дуйте-сь...

Парикмахеръ, давясь отъ смѣха, сталъ обдувать жениха съ одной стороны, а сваха съ другой.

— Обдуль?—справилаь сваха.

— Готово-сь.

— Ну, теперь завивай! Открывай глаза, операцію кончили!

Парикмахеръ принялся за завивку.

— Ты не подпали, смотри, ему овчину то. А то прїѣдетъ къ невѣстѣ, и вдругъ отъ него, какъ отъ паленой свиньи, жженымъ пахнуть начнетъ.

— Не беспокойтесь, не подпалю.

— Не испорти ты мнѣ его прежде времени. Вотъ когда женится, въ ту пору хоть сожги его, мнѣ наплевать, а сейчасъ я за него отвѣчать должна. Платокъ то захватилъ?

— Даже два-сь на всякій случай.

— У васъ всегда такъ: то пусто, то ужь очень густо. Что ты сейчасъ чувствуешь?

— Чувствую, что волосы трещать-сь.

— Это отъ щипцовъ, но потомъ они обойдутся,—замѣтилъ парикмахеръ.

— А ты завивай безъ разговору, я съ нимъ говорю. Я тебя не про волосы спрашиваю, а какой ты духъ чувствуешь?

— Духъ-сь? Обнаковенно масляной краски духъ.

— Тьфу! Да не про краску я, дурень без-

толковый! Трепету въ тебѣ никакого нѣту? Жениховскаго?

— Трепету нѣтъ съ. Вотъ когда прозябнешь, въ ту пору, дѣйствительно, чувствуешь.

— Бревно ты послѣ этого! Безъ ученья, видно, въ тебя и трепеть не вгонишь. Ты долженъ трепетать, потому, къ невѣстѣ ѣдешь, въ которую ты влюбимшись.

— Я влюбимшись?—повернулся къ свахѣ женихъ и вскрикнулъ:—Ай, ухо! Ухо прижогъ!

— А вы сидите смирно,—посоветовалъ парикмахеръ.—А этакъ я могу и клокъ волосъ выдрать.

— Не вертись юлой! Подъ горячимъ орудіемъ сидишь, а башкой юлишь... Разговаривать со мною и безъ вертуновъ можешь. Такъ не забудь, что ты въ невѣсту влюбимшись.

— Да я и не успѣлъ еще-съ.

— Все одно, видъ долженъ показать. А какъ останешься съ невѣстой, вздохни хорошенько. Вздыхать то умѣешь?

— Это можно-съ.

— Только не на весь домъ вздыхай то, а съ деликатностью хайло то разинь.

— Хорошо-съ, можно-съ.

— А когда она спросить, о чемъ вы вздохнули, скажи: отъ тоски. А когда она спросить: отъ какой тоски, скажи: по васъ очинно соскучился. Понялъ?

— Понялъ-съ. Только онѣ наврядъ-ли этому повѣрять.

— А ужъ это не твое дѣло; каждая дѣвица

должна повѣрить, потому это ей лестно. Кончилъ, что-ль, мраморный?

— Готово-съ! — снялъ парикмахеръ салфетку съ плечъ жениха. — Кажется, хорошо-съ?

— По моему, обаранилъ его по настоящему. Ндравится тебѣ, мраморный?

— Очень даже чудесно-съ! — завертѣлся женихъ передъ зеркаломъ.

— Ну-ка, повернись передо мной... такъ... купидонъ! Умомъ вотъ только тебя Богъ обидѣлъ, а то бы я сейчасъ тебѣ сорокатыщную подцѣпила. Духи-то у васъ есть?

— Сколько угодно и какихъ угодно.

— Резедой его опрысни, хорошенько. Давай сюды пузырьекъ. Резеда?

— Резеда-съ.

— Прыскай, не жалѣючи прыскай, чтобъ невѣста-то сидѣвши съ нимъ, въ ошалѣніе вошла, не то съ женихомъ сидить, не то съ клумбой изъ ранжирси.

— На галстукъ прикажете?

— Чего тутъ на галстукъ, всего съ ногъ до головы въ резеду окуни, невѣсты хорошій духъ отъ жениха любятъ... вотъ такъ, за жилетку то полей, за жилетку-то, чудесно, теперь на руки ему полей, а то отъ нихъ, того гляди, либо капустой, либо сальной свѣчкой..

— Никакъ нѣтъ-съ, я ихъ въ трехъ водахъ съ мыломъ проводилъ.

— Лавочную кожу и щелокъ не возьметъ, а не то что мыло... растирай руками духи-то, вотъ такъ, платокъ подуши.

— Усы можно-съ?

— Души. На первых порахъ жалѣть духовъ нечего. Ну-ка, подойди ко мнѣ, чудесно! За сажень отъ тебя въ обоняніе ударяетъ, чисто ты вотъ сейчасъ изъ Ноевской теплицы выскочилъ! Осталось что въ пузыречкѣ?

— Не много-сѣ.

— Лей мнѣ на голову, вотъ такъ, а теперь, мраморный, получи съ насъ деньги поскорѣй, заѣдемъ мы съ тобой за перчатками и прямо къ невѣстѣ. Да куда ты перчатки дѣлѣ, вѣдь у тебя были, какъ мы въ первый разъ ѣздили?

— Должно быть, въ каретѣ обронилъ-сѣ, во время приключенія...

— Ну, поѣдемъ, авось нынче то безъ приключеніевъ обойдется!

Сваха расплатилась съ парикмахеромъ и, выйдя съ женихомъ на улицу, наняла извозчика.

Въ первой же галантерейной лавкѣ они купили перчатки и покатали дальше.

— Не забудь съ правой руки перчатку снять, какъ пріѣдемъ, — учила сваха жениха, — а то ты въ прошлый разъ даже чай пилъ въ перчаткахъ.

— Я думалъ, что такъ благороднѣе.

— Можетъ, и благороднѣе, да виду нѣту настоящаго, невѣста еще подумаетъ, что у тебя руки болятъ, да не натягивай ихъ и не распыливай во время разговору, всякій и безъ распыливанья видитъ, что перчатки на тебѣ новыя.

— Хорошо-сѣ. А ежели жарко станетъ? Руки у^ж меня ужъ очинно потливыя-сѣ...

— Сыми, да рукъ-то, смотри, объ скатерть не вытирай.

— Зачѣмъ же-съ.

— Вытеръ же въ прошлый разъ.

— Я не замѣтилъ-съ.

— Неблагородно! Десятитыщную берешь, такъ долженъ знать, обо что руки вытирать... Эй, извозникъ, подвертывай налѣво къ подъѣзду-то! Ну, вотъ и прѣехали! Напусти на себя трепету, мраморный!

Сваха съ женихомъ выѣзли изъ пролетки и расплатились съ извозникомъ.

XII.

— А ты вотъ что,—говорила сваха, дергая за ручку звонка.—Станешь перчатку съ лѣвой руки сымать—не вздумай ее, какъ въ прошлый разъ, зубами стаскивать. зубы каждому человѣку для того даны, чтобы онъ ими черкасскую говядину жевалъ, а не собачью кожу.

— Рукой мнѣ ни за что не снять-съ,—отвѣтилъ женихъ,—потому у меня руки потливыя, на манеръ пластырю прилипаетъ.

— И рожа у тебя потливая, и руки тоже. Надъ самоварнымъ паромъ, что-ль, тебя въ малолѣтствѣ держали? Ну, ужъ коли такъ не сымешь, зубомъ стащи, только отвернись въ сторону, чтобъ люди не видали.

— Да не объ-ли стащить-съ?

— А что?

— Да которая сейчас на правой рукѣ перчатка, въ трехъ мѣстахъ лопнувшись.

— Экъ у тебя ручищи-то, ровно слоновыя ножки! Собачья кожа, и та не выдерживаетъ.

— Гнилыя-сь, я такъ думаю, потому на ладони по цѣльному мѣсту треснула.

— Гнилыя! Руки у тебя дубовыя, а не перчатки гнилыя. Ты, вѣрно, руку-то, въ кулакъ сжималъ?

— Сжималъ-сь.

— Ну, и дуракъ! Кто же это, надѣвши перчатки, въ кулакъ руку собираетъ?

— А я думалъ, что перчатки лучше растянутся черезъ это-сь.

— Меня-бы спросилъ, коли своей догадки нѣту? Нѣжная кожа и вдругъ онъ ее на своемъ обухъ растягиваетъ! Барабанная кожа, и та на твоихъ кулачищахъ лопнетъ, а не то-кмо-что перчаточная.

Отворилась дверь и горничная впустила гостей.

— Всѣ дома?—спросила сваха.

— Всѣ-сь!—отвѣтила та, скашивая глаза на жениха,—пожалуйте-сь!

Гости вошли въ переднюю, раздѣлись при помощи горничной и вошли въ залу, гдѣ за роялью сидѣла невѣста и тыкала перстами въ клавиши

— Ахъ, это вы!—вскрикнула она, поднимаясь со стула,—а я думала, совсѣмъ напротивъ...

— Мы, лебедь моя, мы! — запѣла сваха, размокивая невѣсту на обѣ щеки,—а для скуки я тебѣ купидона своего привезла...

— Ахъ, очень пріятно! — вспыхнула та, протягивая жениху руку и поглядывая на него изподлобья.

Сваха ткнула въ бокъ жениха кулакомъ, отчего тотъ подпрыгнулъ чуть не къ самому носу невѣсты и чмокнулъ ее въ ручку, проѣхавшись предварительно всею головой по бюсту дѣвицы.

— Легче! — дернула сваха его за полу сюртука. — Съ ногъ собьешь, дурашливый!

«Пень, чистый пень, сейчасъ умереть, — думала она, отпихивая въ сторону жениха, — едва на ногахъ дѣвица устояла, какъ онъ ее бараномъ своимъ треснулъ!»

— Пожалуйста, — говорила невѣста, отступая.

— Гдѣ же папенька-то съ маменькой?

— Въ столовой.

— Чай пьютъ? А ты чтожь это, лебедь бѣлая, отъ скуки на музыкѣ прошлась?

— Да... такъ, немножко...

— А вы учены этому предмету? — справился женихъ, рассматривая дыры на лопнувшей перчаткѣ.

— Немного-съ, ходить ко мнѣ одна мадамъ и даетъ уроки...

— Очень это пріятно слышать, мраморная, а мой купидонъ до смерти любитъ музыку...

— Я-съ? — съ недоумѣніемъ уставился женихъ на сваху.

— Ты. Скрывать передъ ней нечего... и пѣть гораздъ.

— Ахъ, вы поете?—вскрикнула снова не-
вѣста—я ужасно люблю оперу...

— Ну, онъ, мать моя, по оперному не
умѣть, а горло драть можетъ...

— Вы романсы, значить, поете?—подняла
невѣста глаза на жениха.

— Я-съ? Кажется, могу-съ.

— Вы споете, конечно, послѣ чаю?

— Право, не знаю-съ, —беспомощно смо-
трѣлъ женихъ на сваху, — главное, я ночь
не знаю и потомъ не въ духѣ-съ.

— Не въ голосъ, а не не въ духѣ. Охрип-
ши онъ, мать моя.

— Это ничего: у васъ какой же голосъ?

— У меня-съ? Голосъ здоровый-съ.

— Теноръ или этотъ, какъ его...

— Контробасъ у него, мраморная! Самый
пріятный голосъ, — подхватила сваха, — дай
только ему оправиться, онъ тебѣ всякую но-
ту докажетъ. Въ столовой, говоришь, мрамор-
ные то? Пойдемъ въ столовую.

Гости, въ сопровожденіи невесты, прошли
въ столовую и поздоровались съ хозяевами,
радушно приглашавшими ихъ за самоваръ.

Жениха усадили рядомъ съ невестой и по-
додвинули имъ чашки съ чаемъ.

«А совсѣмъ онъ не тотъ сталъ, что на-
медни!» думала невеста, мелькомъ взглядывая
на жениха.

«А она ничего, мягкая!—думалъ женихъ,
окидывая быстрымъ взглядомъ невесту. —
Вѣтъ только пѣть подь музыку заставить,
большая непріятность выдѣтъ!»

— Вы какое варенье любите?—справилась у него невеста.

— Все равно-сь.

— Вотъ малина, кружовникъ, вишня.

— Мерси-сь, я лучше съ сахаромъ.

— А ты долженъ всячески барышню уважить и съ вареньемъ пить, а не съ сахаромъ.

— Можно-сь. Покорнѣйше васъ благодарю-сь!—проговорилъ быстро женихъ и потянулся было съ ложкой въ вазу, но рука, за которую дернула сваха, описала дугу и ложка, попавъ подъ вазу, опрокинула ее на скатерть.

— Пардонъ-сь! — вскочилъ женихъ, растерянно смотря на варенье, катившееся ручейками по скатерти.—Это не я-сь, виноватъ-сь.

— Ничего, ничего!—проговорила невеста и стала торопливо собирать ложками варенье въ вазу.

— И куда ты лѣзешь?—шепнула ему сваха. — Долженъ былъ попросить барышню, чтобъ она положила варенье на блюдечко.

«Мужикъ, чистый мужикъ!—сознавала про себя сваха.—Пропадешь съ нимъ совсѣмъ! Привыкъ, дурень, дома изъ одной чашки щи хлебать и въ варенье, какъ лѣшій, полѣзъ. Голову съ меня сыметъ, покуда его женишь то, идола болотнаго».

— Ничего, это пустяки, — успокоилъ хозяинъ оторопѣвшаго жениха.—У васъ, вѣроятно, рука дрогнула.

— Отъ волненія это у него случилось,—замѣтила сваха,—застѣнчивъ онъ у меня отъ своей скромности. Садись, пень, что ты ровно

Пушкинъ на Тверскомъ бульварѣ вытянулся?—метнула она жениху, дергая его за сюртукъ.

Женихъ сѣлъ и полѣзъ въ боковой карманъ за платкомъ, но былъ во время остановленъ зорко слѣдившею за нимъ свахой, которая такъ ущипнула ему руку, что онъ даже вскрикнулъ.

— Что съ вами?—съ испугомъ уставились на него хозяева.

— Ничего съ... такъ-съ... булавка-съ...

— Гдѣ булавка? Вы сѣли на булавку?—спросила невѣста

— Ахъ, нѣтъ-съ, зачѣмъ же-съ... Это такъ-съ. И не булавка, а такъ-съ,—бормоталъ онъ, подвигая къ себѣ чашку съ чаемъ. «И какъ ущипнула здорово, старая—дура, подумалъ женихъ,—ровно иглоку запустила!»

«Всю бы акварель, идолъ, смазалъ», думала сваха, съ улыбкой поглядывая на жениха и невѣсту—ровно у красной дѣвушки, никакой памяти на счетъ своей морды!»

— Ваши всѣ здоровы?—спросилъ хозяинъ жениха, торопливо хлебнувшего изъ чашки глотокъ чаю.

Женихъ въ отвѣтъ скорчилъ гримасу, выплюнулъ обратно въ чашку чай и заболталъ языкомъ.

— Обожглись?—справились хозяйка.

— Ужъ очинно горячій-съ, — проговорилъ онъ, переводя духъ.

— А ты дуй, и съ налету не хватай, — наставительно прогонорила сваха,—такое ужъ

мушинское сословіе, все у нихъ срыву, да съ наскоку. Обжогъ языкъ-то?

— Ничего-съ, пройдетъ, я себѣ въ лавкѣ часто ротъ жгу, думаешь, остылъ,хватишь, аяъ опъ горячій. Ну, и танцуешь по лавкѣ трепака.

— А вы со сливками лучше, сейчасъ чай охладится. Любочка, налей имъ сливокъ!

— Бы позволите?—спросила невѣста.

— Какъ вамъ будетъ угодно-съ.

— Замерситъ долженъ, мраморный, — шепнула ему снова сваха.

— Мерси-съ. Очень пріятно.

— Довольно или еще подлить?

— Ничего-съ, достаточно-съ. А мои всѣ здоровы-съ. Кланяться вамъ приказали.

— Я очень жалѣю, что не видалъ васъ третьяго дня,—проговорилъ хозяинъ.

— Ахъ, да, вѣдь вы въ театрѣ были?—подхватила невѣста.

— Я-съ? Въ какомъ тѣатрѣ?

— Ну, что ты, какой безпамятный сталъ,—толкнула жениха въ бокъ сваха,—забылъ, что и въ кѣтрахъ былъ.

— Ахъ, дѣйствительно, это точно!

— Ну, вотъ видишь! Застѣнчивъ ужъ онъ оченно,—какъ бы въ видѣ извиненія говорила сваха хозяевамъ,—ну, и путаетъ все!

— Въ какомъ же вы театрѣ были?

— Въ этомъ-съ... Какъ ихъ фамилія? — схватился тотъ за затылокъ.

— У Корша онъ былъ, — выручила его сваха.

— Ахъ, у Корша! А скажите, какую играли пьесу?

— Пьесу-съ! — посмотрѣлъ вопросительно женихъ на сваху, но та такъ энергично тряхнула головой, что женихъ даже вспотѣлъ отъ страха.—Эту-съ... большая такая-съ...

— Да въ чемъ дѣло-то, вы не помните?— приставала неvěста.

— Вотъ прилипла-то! — подумалъ онъ и снова потянулся за платкомъ, но былъ своевременно остановленъ свахой — Да дѣла тамъ никакого не было-съ,—проговорилъ онъ.— Обыкновенно актеры говорятъ-съ и сидятъ— говорятъ, и ходятъ—говорятъ, а публика имъ за это хлопаетъ...

— Застѣнчивъ онъ, и совсѣмъ никакой черезъ это памяти!—подхватила сваха. — Да и въ кѣтрѣ-то онъ былъ въ разсѣянности чувствъ... мечтанія въ головѣ не тѣ, — подморгнула она хозяйкамъ на неvěсту.—Который человѣкъ въ настоящія чувства взойдетъ, такъ его хоть на колъ посади, онъ ничего чувствовать не будетъ... Мерси покорно за угощеніе!

— Еще по чашечкѣ...

— Не могу... премного вашей лаской благодарны... а ты-бы, Архипъ Семенычъ, попросилъ-бы барышню ихнюю музыку показать...

— Съ удовольствіемъ... то-есть, пожалуйста... вы такъ чудесно играете,—передернулся женихъ на стулѣ.

— Ахъ, что вы... я такъ, чуть-чуть, —

потушила невеста глазки, — совсѣмъ почти ничего.

— Поди, Любочка, сыграй имъ, а мы тутъ потолкуемъ,—мигнула хозяйка дочери.

Невеста сорвалась со стула и бросилась въ залу. Женихъ поднялся тоже и вопросительно посмотрѣлъ на сваху.

— Иди, мраморный, иди, — проводила его сваха до дверей, — да не забудь, что я тебѣ въ башку твою глушую пичкала,—прошентала она,—да акварель свою помни во всѣ минуты и секунды... Иди и займись съ барышней!— заключила она громко, повертывая къ столу.

Женихъ отправился въ залу и остановился около рояля, за которымъ сидѣла невеста и перебирала рукой клавиши.

— Садитесь, пожалуйста,—проговорила она.

— Куда-съ?—спросилъ тотъ, оглядываясь кругомъ.

— Возьмите стулъ и подсядьте сюда...

— Слушаю-съ...

Женихъ выбралъ стулъ, поставилъ его къ самой невестѣ и сѣлъ на него бочкомъ.

Невеста взглянула на него и улыбнулась.

«Коли улыбается, значить, я ей очень нравлюсь, — подумалъ женихъ.—Самое теперича, я думаю, время вздохъ пустить!»

Онъ вытянулъ ноги, откашлялся и вздохнулъ протяжно.

Невеста съ испугомъ отъѣхала отъ него вмѣстѣ со стуломъ.

— Что съ вами? Опять булавка?—спросила она.

— Никакъ нѣтъ-съ. Это я отъ скуки-съ.

— Вамъ скучно?

— Очень даже скучно-съ.

«Да онъ просто невѣжа,—мелькнуло у невѣсты, — такой красавчикъ собой и совсѣмъ невѣжа».

«Молчить,—подумалъ въ то же время женихъ,—значить, не во время я вздохъ пустилъ, обождасть бы. Безъ свахи все одно, что безъ рукъ».

— Извините, Архипъ Семенычъ, — заговорила невѣста, — если у насъ вамъ скучно...

— Да не у васъ скучно, а отъ васъ скучно-съ.. и не отъ васъ даже, а черезъ васъ, то-есть не черезъ васъ, а безъ васъ.

— Безъ меня? Да я тутъ сижу.

— Теперь-съ, это вѣрно-съ, а давеча мнѣ скучно было.

— Ахъ, вы скучали безъ меня!—вспыхнула та.—Я этому не вѣрю, потому что это совсѣмъ невѣроятно. Вы меня только одинъ разъ видѣли.

— Это ничего не значить-съ. Я на этотъ счетъ памятливъ-съ. Я любую покупательницу черезъ годъ вспомню съ. Вы здѣсь, а я тамъ-съ, и скучно-съ.

— Ахъ, я не вѣрю!—отмахнулась руками невѣста.

— Ей-Богу-съ!

— Мнѣ тоже безъ васъ скучно стало! — подняла невѣста глаза на жениха.

— Ну, вотъ, видите, какъ это хорошо... и вамъ скучно, и мнѣ тоже скучно, значить... Сыграйте что-нибудь!

— А вы спойте.

— Я бы съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ женихъ, тыча пальцемъ въ клавиши, да ноть не знаю-съ.

— Вы безъ ноть что-нибудь, а я подыграю. Вы какіе романсы знаете?

— Разные-съ.

— «Я вновь предъ тобою стою очарованъ» знаете?

— Нѣтъ-съ, въ первой даже слышу-съ...

— А этоть... «Помнишь-ли ты...»?

— Не помню-съ.

— Ну, этоть навѣрно знаете: «Пара гнѣдыхъ», я ихъ въ опереткѣ слышала.

— Пара гнѣдыхъ-съ? Я лошадиныхъ романцовъ не пою-съ. Вотъ я отличный романецъ знаю: «Близко города Славянска, на верху крутой горы-съ».

— Ахъ, спойте, спойте!

— А вы подмузычьте. А то я еще одинъ чудесный романецъ знаю, только его при дамскомъ сословіи пѣть нельзя, обижаются-съ, а слова хорошія-съ.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше «Близко города Славянска».

— Извольте-съ, только вы не смѣйтесь... Потому что которыя слова я не знаю, такъ тѣ я обойду-съ, мычаньемъ пушу-съ.

— Пойте, пойте, а я подыграю.

Женихъ всталъ, откашлялся, вынулъ платокъ, вытеръ лицо и замеръ.

— Акварель!—вскрикнулъ онъ невольно и посмотрѣлъ на платокъ.

На платкѣ осталась розовая краска.

— Начинайте,—проговорила невеста, проскакавши всіми пальцами по клавишамъ.

— Виновать-съ... я.. сейчасъ-съ... пару словъ только хочу-съ.

— Ахъ, скажите, я такъ люблю хорошія слова!

— Я не вамъ-съ... Савишнѣ мнѣ нужно, вы покуда побарабаньте, а я слетаю-съ.

Женихъ подошелъ къ дверямъ столовой, въ которой мирно бесѣдовали хозяева со свахой о росписи, и кашлянулъ.

Сваха вздрогнула, быстро поднялась съ мѣста и покатила шаромъ къ жениху.

— Меня?—спросила она вполголоса, отводя его въ уголокъ.

— Несчастіе-съ случилось,—доложилъ тотъ свахѣ, —совсѣмъ даже неожиданно-съ.

— Невѣсту, чтоль, облапилъ, мраморный?

— Что вы-съ? Рази это возможно прежде времени! Акварель-съ, вынулъ платокъ, позавылся и того-съ.

— Ахъ, каторжный!—чуть не вскрикнула сваха,—прежде смерти ты меня уморишь; какъ вѣдь наказывала: блюди морду, блюди! Тьфу! Покажи, ужли всю живопись слопалъ?

— Не знаю съ, смотрите-съ, ей Богу нечаянно-съ.

— Повернись къ свѣту! Размазалъ! И до того размазалъ, что маленькая чернота въ одномъ мѣстѣ выступила. погоди, я пальцемъ затру.

— Хуже какъ бы не было-съ. Художникъ, такъ тотъ вѣдь кисточкой.

— Помеломъ тебя слѣдовало за твою не-

аккуратность... Стой!.. Тьфу! еще хуже выходит... оставить такъ ужъ придется... и художникъ тоже лѣшій порядочный, говорила ему, чтобъ краски не жалѣлъ, какъ на хлѣбъ масло намазывалъ бы... нѣтъ-таки, мазнула только близиру ради, мазилка проклятая!..

— Ужъ очень краска-съ не прочная-съ.

— Да тебя, идола, ежели жестю обложить, такъ ты и ту сдерешь, а не токмо что краску... упустила я изъ виду, ни въ жисть себѣ не прощу, лакомъ-бы твою морду велѣть покрыть...

— Лакомъ-съ? Для глянцу-съ?

— Для прочности. Вся-бы твоя рожа вродѣ какъ бы подъ стекломъ была... Поди-жь ты вотъ, не пришло въ тѣ поры въ голову.. Не трогай руками!

— Я щупаю только, много-ли я акварели смахнуль...

— Покуда немного... такъ, чернота махонькая виднѣется... а ты вотъ что, къ невѣстѣ правымъ бокомъ все норови, чтобъ она лѣвую щеку не видала...

— Хорошо-съ ..

— Профилеемъ съ ей разговаривай... понимаешь? Профилеемъ!

— Слушаю-съ... Только имъ скучно пожалуй будетъ, ежели я все про филей буду разговаривать, можетъ, онѣ-съ даже въ филеяхъ то ни уха, ни рыла не смыслятъ.

— Да не про филей, а профилеемъ къ ней сядь... бокомъ тоись... и разговаривай про что въ твою глупую башку влѣзеть.

— Бокомъ я могу-сь... А вдругъ я не тѣмъ бокомъ сяду, которымъ нужно-сь?

— Вотъ дурень то на мою шею навязался, прости, Господи! А ты не садись тѣмъ бокомъ, который у тебя попорченъ... цѣльнымъ бокомъ садись.

— Хорошо-сь...

— Помни, хорошенько помви, что ты, во первыхъ, дуракъ, а во вторыхъ, морда у тебя подъ орѣхъ раздѣлана... Христа ради помни, прошу тебя!

— Буду помнить-сь... Я и то все помнилъ, все помнилъ и вдругъ нечаянность вышла.

— Отдай мнѣ платокъ отъ грѣха, а то опять у тебя нечаянность выдетъ, и всю ты мою внутренность испортишь... Говорилъ о чемъ съ ей?

— Говорилъ-сь.

— О чемъ?

— Что мнѣ скучно-сь... спервоначалу я вздохъ пустилъ, а потомъ разговоръ пошелъ.

— Ну, она что?

— Говорить, что и ей тоже скучно-сь.

— Чудесно; значить, дѣло на ладъ идетъ, все пуще и пуще она въ тебя влюбляется.

— По моему даже здорово-сь... видъ у ей такой... чудной-сь.

— Ну, объ видѣ ты ея правильно судить не можешь: не доросъ ты до этого, мраморный, а теперь на счетъ браку съ ней разговоръ заведи... сможешь аль нѣтъ?

— Отчего же-сь.

— Издалека начни. Дескать есть, которыя дѣвицы плѣнительныя, такъ я жить безъ нихъ

не могу... понялъ? И что ежели та дѣвица, которая мое воображеніе распалила, замужъ за меня пойдетъ, такъ я счастливымъ человекомъ на весь вѣкъ буду.

— Да для чего это имъ сказывать? Все одно, ежели родители согласны, такъ она и безъ разговору пойдетъ.

— А ты слушай, что тебѣ умные люди говорятъ! Родители согласны! А вдругъ она не согласна, на веревкѣ, что-ль, ее къ тебѣ потащутъ? А ты словами ее пройми, чтобъ она безъ веревки шла, а какъ собаченка за кускомъ сахару бѣжала... Понялъ?

— Понялъ-съ... я пройму-съ.

— Пройми, только морду изъ политики не выпускай... а то забудешься въ чувствахъ-то и всей пятерней по рылу и проѣдешь.

— Слушаю-съ.

— А какъ дастъ она тебѣ согласіе, сичасъ же возьми чмокни ее въ ручку, да и води за эту ручку къ намъ и прямо въ ноги родителямъ, слышишь?

— Хорошо-съ. Церемонія ужь эта извѣстная.

— Все тебѣ, пню, извѣстно, и все у тебя шиворотъ на выворотъ выходитъ. Молебень, кажется, отслужу, какъ тебя подъ вѣнецъ подведу! Иди, подъ музыку то легче хорошія слова дѣвицѣ говорить, да морду помни. Бокомъ, все бокомъ, Профилеємъ!

— А ежели она скажетъ: я подумаю... Чмокнуть ее въ ручку, али погодить?—справился женихъ.

— О чемъ она будетъ думать, ежели ты ей нравишься.

— Изъ вѣжливости, можетъ...

— Не можетъ. Ежели дѣвица втюрилась, у ней никакой въ тѣ поры вѣжливости нѣту. Во всякомъ случаѣ, чмокни въ ручку, лучше перечмокать, чѣмъ недочмокать. Ласковый теленокъ, говорить пословица...

— А ежели скажетъ: мнѣ рано выходить-сь? Что я ей на это долженъ?

— На колѣнки стать. Не могу, дескать, жить безъ васъ. На колѣнки то умѣешь стать?

— Мудренаго ничего-сь, опять же у нихъ полъ чистый-сь.

— Ну, вотъ. Иди, съ Богомъ, а ежели трудная какая минута подойдетъ — меня вызови, найди предлогъ и вызови, слышишь?

— Да ужъ, конечно, сейчасъ за вами, потому я съ барышнями не умѣю по благородному.

— А ты слушай и помни, что тебѣ говорить, и всякую дѣвицу покоришь. Ступай, да не проболванься, смотри.

— Хорошо-сь .. я вѣдь только, Савишна, робокъ, а то я... ничего-сь...

— Не робѣй. Съ дѣвицами робѣть, весь вѣкъ холостымъ просидѣть... Не догадалась я тебѣ для храбрости наливки влить...

— Я могу и безъ наливки-сь... конечно, съ наливкой развязка другая, но можно и такъ-сь... а вы ужъ на счетъ росписи тамъ хлопочите.

— Меня учить нечего, я, и не такихъ дураковъ, какъ ты, женила, и никто меня не учитъ...

— Я такъ-съ... маменька главное... напомни, говорить, ты ей...

— И маменька твоя далеко отъ тебя не ушла. Платье задомъ на передъ надѣвается, а сваху учить лѣзетъ... иди, и дѣйствуй... только умѣло, смотри, не сыми ты съ меня головы!

Сваха шмыгнула въ столовую. Женихъ откашлянувшись, пощупалъ краску и плюнулъ.

«Не шиша не подсохла! Дѣйствительно лакомъ бы покрыть, дѣло сурьезнѣе бы вышло... А вотъ теперь ве угодно ли къ ней бокомъ потрафить... и сиди бокомъ, и говори бокомъ, и въ ручку чмокай бокомъ... къ настоящему бы художнику поѣхать надо, который вѣдьски намъ на лавку писалъ... тотъ какъ то черезъ огонь дѣйствуетъ!»

— Архипъ Семенычъ!—окликнула его невеста изъ зады.

— Я-съ, иду-съ,—отвѣтилъ тотъ и подошелъ къ рояли, держа голову набокъ.

— Я жду васъ, спойте!

— Нѣтъ расположенія въ голосѣ. Я лучше въ другой разъ, подъ гитару. Приѣду къ вамъ съ гитарою и спою-съ.

— Ахъ, это стлично! Вы любите, значить, музыку?

— Я-съ? Очень. Къ намъ на дворъ чуть не каждый день то шарманка, то вендерка съ арфой, надоѣли даже-съ, пятачковъ не наготовишься, но музыку люблю-съ.

— А еще вы что любите?

— Разное-съ, картофель въ сметанѣ.

— Я не про ѣду, а такъ... природу вы любите?

— Да вѣдь какая природа-сь.. вонъ у одного я видѣлъ глазъ вывороченный-сь.

— Лѣсъ, поля, цвѣты Мы прошлымъ лѣтомъ на дачѣ жили и очень весело время провели.

— На дачѣ дѣйствительно природа самая природная, можно сказать.

— А вы, развѣ, не живете лѣтомъ на дачѣ?

— Нѣтъ-сь. Не сподручное дѣло, въ лавкѣ съ утра до ночи.

— Ахъ, какъ это жаль! Я такъ привыкла къ дачѣ.

— Это ничего, можно-сь. Конечно, для васъ все готово-сь Въ случаѣ ежели толкъ будетъ, то-есть, если вы и я...

— А вы верхомъ ѣздите? Я очень люблю мужчинъ, которые на манеръ офицеровъ въ галопъ скачутъ.

— Мудренаго ничего-сь, сѣлъ да и поѣхалъ.

— Такъ вы ѣздите верхомъ? И хорошо ѣздите?

— Первый сортъ-сь! — отвѣтилъ женихъ и подумалъ: «И для какого чорта я совралъ? На собакѣ верхомъ по двору катался, а на лошади сроду не ѣздилъ, а все сваха: ври, да ври».

— Вы въ манежѣ, вѣроятно, уроки брали?

— Въ манежѣ? Въ какомъ манежѣ? Ахъ, да-сь! Это который на Моховой?

— И тамъ, значить, есть манежъ? А я думала, вы у Чуркина уроки брали.

— У Чуркина, у Чуркина-съ то-есть сперва въ манежѣ, а потомъ у Чуркина.

— Ахъ, это интересно! Вы въ воскресенье будете у него?

— У кого-съ?

— У Чуркина?

— Не знаю-съ, какъ тятенька съ маменькой, а я что же, я пожалуй, только ежели родители противъ этого ничего, и я ничего-съ.

— Я попрошу ихъ, чтобы они васъ въ воскресенье отпустили, а я приѣду съ Савишной смотрѣть, какъ вы ѣздите, я страсть какъ люблю конницу!

«Ловко, — подумалъ женихъ, — навралъ на свою шею! И какой это Чуркинъ? И гдѣ онъ живетъ? Вотъ когда втюрился по уши! Ну, что я ей скажу? Савишна меня научила, пушай она и раздѣлывается какъ знаетъ».

— Извольте-съ, для васъ я готовъ-съ, — проговорилъ онъ вслухъ.

— Мерси-съ. Что у васъ, вѣроятно, зубы болятъ?

— Нѣтъ-съ, слава Богу, а что-съ?

— Да вы все на лѣвый бокъ какъ то голову гнете.

— Въ шею надуло отчасти-съ отъ форточки, да вы не беспокойтесь, это наплевать, пройдетъ-съ.

Наступило молчаніе. Невѣста барабанила по клавишамъ, женихъ косился на ея пальцы.

— А я хотѣлъ вамъ сказать, — началъ онъ, повертываясь къ невѣстѣ, — да боюсь, обидитесь.

— Ахъ, нѣтъ, говорите!.. Пойдите, у васъ на лицѣ какъ будто сажу.

— На лѣвой щекѣ-съ? Ничего-съ, пройдетъ.

— Давайте, я вамъ сотру.

— Не надо-съ, пожалуйста не надо съ, я щечотки боюсь-съ! «Увидала таки,—подумалъ онъ,—вотъ тебе и профилей»!

— Такъ вытрите сами, я вамъ покажу гдѣ.

— Ничего-съ, я послѣ, потому хуже размажешь только, плюньте на это-съ, лучше всего-съ.

— Вы что-то хотѣли сказать мнѣ.

— Такъ, пустяки-съ, не пустяки собственно, а неловко-съ, потому есть такія барышни, которыя обворожительныя и которыя ежели за меня замужъ пойдутъ...

«Перепуталъ, дубина,—ругнулъ себя женихъ,—у свахи складно выходило, а у меня ровно топоромъ по бревну».

— Кто же эти барышни?—спросила невеста, зарумяниваясь.

— Разныя-съ, то-есть, не разныя-съ, а такія барышни, которымъ неловко сказать-съ, потому, что боюсь, то-есть не боюсь, а неловко-съ. Конечно, ежели-бъ эти барышни за меня замужъ пошли, такъ я съ удовольствіемъ, на вѣкъ, кажется, могъ бы жениться...

— Я васъ не понимаю.

— Оттого, что неловко-съ... а то бы поняли...

— Ахъ, это значить, вы... про меня?—догадалась во-время невеста.

— Такъ точно-съ... только вы не серди-

тесъ, ежели я что глупое... а впрочемъ, какъ вамъ будетъ угодно-сь.

— Я не сержусь... вы мнѣ очень ндравитесь, а если я вамъ ндравлюсь...

— Стрась-сь! Позвольте ручку-сь!

Женихъ чмокнулъ ручку невѣсты и, не выпуская ее изъ своихъ рукъ, поднялся со стула.

— Пойдемте-сь,—проговорилъ онъ.

— Куда?

— Къ папешкѣ съ мамешкой-сь... для согласія... Я такъ себя чувствую сичасъ, что никакъ не могу сидѣть безъ родительскаго благословенія... вы ничего противъ этого?

— Я не знаю, какъ папаша съ мамашей,—потупила невѣста глазки.

— Ничего-сь... они, кажется, добрые.. и нашему союзу препятствовать не стануть.

«Какъ по маслу дѣло пошло,—думалъ онъ, торопливо шагая въ столовую и чуть не волоча за собой невѣсту, которая летѣла за нимъ въ припрыжку.—Вотъ только на колѣнки бухнуться позабылъ отъ растерянности чувствъ, ну, да это ничего, на колѣнки то я могу и завтрашняго числа, какъ вдвоемъ останемся, такъ я сичасъ бухъ! Пуцай видить, что и мы можемъ по благородному...»

XIII.

Женихъ втащилъ въ столовую невѣсту и такъ громко кашлянулъ, что хозяева вскочили съ испугомъ съ своихъ мѣстъ и вопроситель-но уставились на гостя.

И не успѣла сваха произнести: «Да что ты, ошалѣль, что ли, мраморный?» — какъ женихъ, крикнулъ: «Виновать-сь, прошу родительскаго благословенія», — бухнулся въ ноги хозяину.

Разстоянія, впрочемъ, женихъ не рассчиталъ и со всего размаха двинулъ своею головой, какъ тараномъ, по ногамъ своего будущаго тестя.

Хозяинъ взмахнулъ руками, какъ подстрѣленная ворона крыльями, и въ одну секунду очутился на злосчастномъ женихѣ, который, отъ навалившейся на него тяжести, приложился объ полъ всею своею акварелью.

— Подшибъ таки, идолъ мраморный! — пробормотала сваха, бросаясь поднимать хозяйна, въ видахъ самосохраненія, крѣпко вцѣпившагося въ мягкія части своего будущаго зятя. Хозяйка съ дочерью отъ неожиданности такого пассажа только рты разинули.

— Нечаянно-сь... ей-Богу, нечаянно, — заговорилъ сконфуженный женихъ, поднимаясь съ пола, — думалъ по-хорошему, анъ вотъ какое землетрясеніе - съ произошло... виновать-сь!

— Ничего, ничего... это бываетъ, — говорилъ хозяинъ, растирая ноги, — меня разъ такъ же вотъ розвальнями подшибли, такъ я проѣхалъ въ нихъ версты три... Ничего-сь.

— Пардонъ-сь... не желалъ этого, а такъ ужъ вышло-сь!..

— И какъ это ты безъ всякаго размѣру? — покачала головой сваха. — Сперва прицѣлится должень, а потомъ ужъ и стрѣлять...

— Ничего, ничего! — замахала на сваху ру-

ками хозяйка, — человекъ молодой, сконфузился и переусердиль черезъ это...

— Отъ усердія... это дѣйствительно... прошу благословенія!..

— Маша, — повернулся хозяинъ къ дочери, почесывая ногу, — нравится онъ тебѣ, али нѣтъ?

— Какъ вамъ-съ, такъ и мнѣ, — отвѣтила та, потупляя глаза.

— Не намъ жить съ нимъ, а тебѣ...

— Парень съ заслугою, — подлетѣла сваха къ невѣстѣ, — вотъ ежели родители твоего свезиль, такъ это ты ему въ счетъ не клади...

— Нѣтъ, я... зачѣмъ-же... они мнѣ ндравятся, — проговорила невѣста.

— Ну, вотъ и чудесно! Да что же вы телегранами стали? Сымайте икону-то!

Хозяйка бросилась къ иконостасу, а хозяинъ, подпрыгавши ногой, пожалъ руку жениху и принялъ его въ объятія.

— И голова же у васъ, — проговорилъ онъ, цѣлуя своего будущего зятя, — словно изъ подольскаго мрамору сдѣлана... Какъ ноги не перешибъ, удивляться надо...

— Матеріальный женихъ, мраморная! — похвалила его сваха и подтолкнула невѣсту къ жениху.

XIV.

Было около полуночи, когда сваха и женихъ вышли изъ дома отца невѣсты.

— Теперь вы ужъ къ намъ-съ ночевать, —

обратился женихъ къ свахѣ, у которой шумѣло въ головѣ отъ угощенія,—такъ и маменька наказывали-съ...

— Къ вамъ, къ вамъ... я теперь и домъ-то свой не найду: такъ угостили сваху, что лучшаго и требовать нельзя.

— Угощаютъ хорошо - съ, — согласился тотъ,—у меня даже одышка отъ осетрины учинилась...

— Навалился на нее безъ толку. Ну, гдѣ это видано, чтобъ женихъ у невесты цѣльный стягъ осетрины уплелъ? Вѣдь въ немъ безъ малаго десять фунтовъ было...

— Рыба ужь очень вкусной показалась-съ, не стерпѣлъ-съ...

— На то ты и женихъ, чтобы терпѣть... Деликатность долженъ свою доказать, а ты ровно голодный волкъ набросился. Невѣста-то, чай, подумала, что тебя на манеръ льва въ Зоологическомъ цѣлую недѣлю не кормили...

— Виновать-съ!

— Нанимай извозчика-то, видишь, вонъ гайками на всю улицу звенить... «Виновать»! Мнѣ изъ твоихъ глупыхъ пардоновъ не кокету дѣлать. Соблюдать себя каждую минуту долженъ, разъ ты на жениховскую линію попалъ.

— Да вѣдь угощаютъ-съ, и отецъ, и мать, и сама невеста: ѣшь да ѣшь!

— Дуракъ, изъ вѣжливыхъ чувствъ тебя угощаютъ, а ты спроста все убирать и начнешь? Учишь васъ, идоловъ, учишь, а все толку ни пища. Нанялъ, что-ль, корыто?

— Нанялъ-съ... садитесь-съ...

— Меня учить нечего, я завсегда сяду, а ты слушай, что тебѣ старые люди говорятъ. Хорошо, что имѣ твоя морда крашеная понадравилась, а то бы сейчасъ отъ воротъ поворотъ показали... Наливки тоже сколько выпилъ? Рази женихи настоящіе столько стрескаютъ?

— Угощаютъ-сь, невѣста все-сь: пей да пей!

— А ты хлопъ да хлопъ! Вотъ я отцу скажу, онъ тебя за это хлопанье-то прихлопаетъ..

— Нѣтъ, ужъ вы пожалуста тятенькѣ не говорите-сь... Я лучше въ другой разъ не буду-сь и теперь-бы не сталъ, да ужъ очень она пристала: пейте-сь да пейте-сь.

— Да, можетъ, она испытываетъ тебя...

— Каковъ я во хмѣлю-сь?

— Да не каковъ ты во хмѣлю, а сколько твоя утроба вобрать въ себя сырости можетъ. Какъ бы ты умнѣй былъ, такъ сейчасъ-бы сообразилъ мозгами, а съ дурака чего возьмешь... Я и дергала то тебя, и щипать принималась, ровно тумба сидить!

— Я думалъ, вы на счетъ платка-сь... чтобы не вытирался, а вы насчетъ осетрины-сь... виновать-сь! Роспись-то взяли-сь?

— Взяла, взяла... ты объ этомъ, не безпокойся. Твое дѣло невѣстѣ угодить, а наше дѣло родителямъ сыропу подпустить.

— Я, кажется, ничего-сь, угодилъ-сь.

— Акваделью взялъ. Дѣвки насчетъ мужской рожи глупы... Всякую дѣвицу акурат-

нымъ патретомъ можно покорить. А тебѣ то она въ совѣсть?

— Ничего-съ... губы у ей мягкія-съ...

— Вотъ тоже на счетъ поцѣлуевъ ты дуракъ...

— Чѣмъ-съ? Кажется, я хорошо-съ...

— Тебѣ-то, можетъ, и хорошо, а со стороны посмотришь—никакой деликатности.

— Не понимаю-съ...

— А не понимаешь, долженъ у меня спросить. До чего своей головой не дойдешь, за мою хватайся. Ты цѣлуешься и на всю комнату чмокаешь, ровно трамблеевскую конфету сосешь... ты по воровски цѣлуй: самъ чтобъ не слыхалъ, какъ цѣлуешь, а не токмо что другіе.

— Я отъ души-съ... и потомъ у ей губы пріятныя-съ...

— Вотъ когда женишься, въ тѣ поры хоть на всю Москву цѣлуйся, мнѣ наплевать, а въ женихахъ веди себя съ субординаціей... и себя страмишь, и невѣсту въ конфузъ вводишь... другая невѣста, можетъ, и поцѣловала-бы тебя лишній разокъ для пріятства, да какъ вспомнить, что ты ровно въ бубны на губахъ-то играешь, и апекить весь потеряешь.

— Хорошо-съ... я буду потише-съ... Известно, ежели-бы насчетъ поцѣлуевъ практика большая была, дѣло десятое.

— И безъ практики собразить долженъ: веди себя въ акуратъ и за умнаго сойдешь... Настоящее благословеніе они черезъ недѣлю хотятъ... ужли къ тому времени твоя морда не заживетъ?

— Заживетъ-сь... а ежели и останется какой изъѣянь, такъ подкрасимъ.

— Нельзя! Всѣ тебя въ тѣ поры цѣловать начнутъ и всю краску слижутъ! Ну, да мы посмотримъ, можемъ и оттянуть денъка на два, на три... Завтра тебѣ къ невѣстѣ не ѣхать, значить, можно къ акварелисту и не ходить...

— Ахъ, да-сь... совсѣмъ изъ башки было вонъ-сь... перевралъ я невѣстѣ маленечко...

— Ну, вотъ, ни на минуту тебя оставить одного нельзя... что перевралъ?

— Нечаянно вышло-сь... говорили мы на счетъ дачнаго воздуха-сь...

— Ну?

— Ну-сь, и потомъ на счетъ верховой ѣзды-сь... я, говорить, очень тѣхъ мужчинъ уважаю, которые верхомъ ѣздятъ...

— Я сама уважаю... Годовъ двадцать тому назадъ была я въ Петербургѣ, такъ меня кирасиры чуть съ ума не свели... Дамскій полъ конныхъ мужчинъ завсегда обожать можетъ... ну?

— Ну, и вдругъ мнѣ вопросъ: ѣзжу ли я верхомъ?

— А ты что на это?

— Удовольствіе хотѣлъ ей доставить: «ѣзжу», говорю-сь...

— Ужли ѣздишь?

— Какое-сь!.. Просто совралъ изъ деликатности-сь...

— Худого въ этомъ ничего нѣтъ... красное словцо барышни любятъ!

— Такъ-то такъ-съ... да только... не хорошо-съ...

— Почему не хорошо? Пуцай ее думаетъ, что ты любому кирасиру носъ утереть можешь...

— Нехорошо-съ. Она вотъ говоритъ: «Вы, говоритъ, у Чуркина въ манежѣ верховой ѣздѣ обучались?»—У Чуркина, говорю.

— А это кто же такой Чуркинъ?

— Не знаю-съ... по всей вѣроятности учитель лошадиный-съ.. то-есть, не лошадиный, а конный мужчина-съ.

— Да гдѣ онъ живетъ-то?

— Не знаю-съ.

— Не знаешь, а невѣстѣ врешь! Надо знать, про что соврать хочешь... ну?

— Ну, и... «Я, говоритъ, желаю васъ по-смотреть, какъ вы ѣздите... пріѣзжайте къ Чуркину въ воскресенье гарцовать, а я пріѣду на васъ любоваться».

— А ты что?

— Что-жъ, я могу-съ... говорю: буду-съ!

— Ахъ, дурень! Ахъ, дурень!... На минуту только оставишь, глядишь, и влопался!

— Ужъ вы какъ хотите-съ, выручайте-съ.

— Да какъ выручать-то? Ёздилъ-ли ты хоть разъ когда на лошади верхомъ?

— Сроду не испытывалъ-съ, мальчишкой на собакахъ катался, это дѣйствительно.

— На собакахъ катаешься, а въ кирасиры лѣзешь! Ужъ совралъ бы что-нибудь полегче, а то ни разу не ѣздиши, на лошадь вдругъ залѣзъ.

— Изъ деликатности больше-съ.

— Плохая ужь это деликатность прямо въ петлю лѣзть. Ну, да это ничего, надо только адресъ этого Чуркина достать... отецъ, поди, знаетъ?

— Можетъ быть, что и знаетъ-сь.

— А адресъ узнаемъ и въ кирасиры попадешъ. До воскресенья далеко, на какой хочешъ лошади можешъ обучиться.

— Я самъ думаю, что премудрости не много съ, на собакахъ же катался-сь.

— Сравнялъ тоже собаку съ лошадыю. Съ собаки и свалиться то невозможно, а съ лошади ежели слегишь, такъ прямо на тотъ свѣтъ угодишь. Какая тоже лошадь попадется. Станетъ на дыбки и лети кувыркомъ.

— Я на доброй буду учиться съ.

— Извѣстно, которая черезъ силу блуждаетъ, для тебя подходящее будетъ. И со-врать-то ты невѣстѣ безъ вреда не можешъ.

— Такъ ужь вышло, нечаянно-сь, выручайте-сь!

— Да ужь извѣстно, безъ моего руководства ты пропадешъ, какъ червь земляной. Завтра же утромъ и поѣдемъ къ этому конному, какъ его... Палкинъ, что-ли?

— Чуркинъ-сь.

— Запомни фамилію хорошенько. А невѣстѣ угодить надо: всѣ капиталы вѣдь послѣ родителей ей доставнутся, такъ какъ же ты ее не уважишь конною ѣздой? Пріѣхали, что-ли?

— Пріѣхали-сь, пожалуйста слѣзать-сь.

XV.

Съ сонными хозяевами сваха и разговаривать не стала, а завалилась безъ всякихъ церемоній на диванъ и такой свистъ пустила, что стекла въ окнахъ зазвенѣли.

На другой день утромъ она проснулась прямо къ утреннему чаю и, уславъ жениха въ лавку, вынула изъ-за пазухи аккуратно сложенный въ четверо листъ.

— Роспись, мраморные, читайте!

— Да что-жь ее читать? — проговорилъ самъ, щелкая по росписи. — Авось ужъ не обидятъ... одна, чай, дочь.

— Не обидятъ! У тебя все обидя на умѣ! А ты читай, какое приданое даютъ, тебѣ и во снѣ такое роскошество не снилось... двѣ ротонды, двѣ шубы на модный манеръ, шубейка для лавочки и шубейка для бави... Умственная роспись!

— А платьевъ-то шелковыхъ сколько, Савишна? — Любопытствовала сама.

— Двѣнадцать.

— Это хорошо, — одобрилъ самъ.

— Гардероповъ у васъ не хватитъ, вотъ какое приданое даютъ! Шерстяныхъ двѣ дюжины, а бѣлья два сундука... Не стойте вы такого приданого, да Богъ ужъ съ вами... ваше, видно, счастье, мраморные, не для такого ее пня, какъ вашъ Архипъ, готовили, да времена нынче не жениховскія, нѣту настоящаго жениха, хоть ты что хочешь, все

одно, что грибы, въ одно лѣто — дѣвать некуда, а въ другое — нѣтъ ничего, не родятся!

— Спасибо, Савишна, ужь мы такъ чувствуемъ это.

— Чувствовать-то вы чувствуете, а на счетъ квартиры для молодыхъ сейчасъ же стараніе приложите.

— Квартиру хоть сію же минуту взять можно.

— Я такъ и отцу съ матерью сказала, что квартиру они безъ промедленія возьмутъ, а на счетъ неблировки не безпокойтесь, они сами неблируютъ.

— Это хорошо.

— Да для васъ, что ни дай больше, то лучше. У васъ на счетъ этого аппетитъ хорошій.

— Нельзя-съ, наше дѣло торговое, Савишна.

— И лапы загребистыя. Посмотрю я, какъ вы отблагодарите сваху за всея старанія.

— Да ужь будь покойна, сроду, кажется, никого не обмалывали.

— А хорошей наливки къ чаю поставить жаль. Жидоморы вы!

— Сію минуту, — вскочила хозяйка — Мы, признаться, насчетъ утренняго угощенія не образованы.

— А невѣсту богатую сцапать образованы?.. Тащи вишневки скорѣе, а то мнѣ некогда.

— Куда-жь ты торопишься такъ, Савишна? Авось ужь часикъ посидѣть можешь.

— Да по вашему же дѣлу тороплюсь. Вашъ

Архипъ съ большаго ума наплелъ невѣстѣ, что верхомъ ѣздить умѣеть.

— Архипъ? Да когда же онъ обучался этому?

— Ну, вотъ поди! Десятитыщной невѣстѣ и вдругъ такую глупость... ну, навралъ бы тамъ, что польку, али кадсель умѣеть, а то на-ка поди: въ конницу затесался!

— Это онъ съ испугу, Савишна, — замѣтила сама, — не привыкъ съ барышнями-то разговаривать, ну, и навралъ на свою шею...

— Онъ-то съ испугу, а тамъ въ сурьезъ приняли... теперь какъ-ни-какъ, а приходится вашего Архипа къ лошадиной ѣздѣ приучать... Чуркинскій манежъ лошадиный знаешь?

— Слыхалъ... въ газетахъ даже объявленіе читалъ.

— Ну, вотъ туда я вашего Архипа сейчасъ везть и должна.

— Вотъ дуракъ-то, только лишніе расходы дѣлаетъ!

— И не такіе еще расходы съ своимъ умомъ вамъ онъ придумаетъ... Выпиши мнѣ адресъ Чуркина, мраморный, и Архипа ко мнѣ посылай... Рожу-то онъ понче умывалъ?

— Не умывалъ, Савишна, — отвѣтила хозяйка, — ну, только акварель, по моему, вся вдрызгъ попортилась... Мазепа — Мазепой сталъ...

— О подушку размазалъ?

— О подушку... во снѣ...

— Ну, для лошадиного обученія и Мазепой можетъ съѣздить... Чуркинъ — не невѣста, ему акварель не нужна.

— Да ужь извѣстно учителю наплевать на рожу ученика, главное, чтобъ науку понять.

— Именно... присылай съ Архипомъ адресъ то, мы сейчасъ и отправимся.

Часъ спустя сваха катила съ женихомъ для «лошадиной науки» въ манежъ Чуркина.

— А ты хорошенечко слушай, что тебѣ Чуркинъ будетъ сказывать,—твердилъ дорогой сваха жениху, тщательно закрывавшему воротничкомъ лицо,—а то ты съ большаго ума и лошадь испортить можешь, и себѣ шею сломать... на шею-то наплевать, а за порчу деньги заплатишь.

— Слушаю-съ... злѣмъ портить-съ... я самъ до смерти лошади боюсь-съ.

— Хорошъ кирасиръ-идолъ! Никакого въ тебѣ коннаго духу нѣту, а на лошадь верхомъ норовишь!...

— А вонъ-съ и манежъ Чуркина, — прервалъ сваху женихъ, тыкая пальцемъ въ воздухъ, — видите-съ, лошадиная морда на конюшнѣ наакварелена...

— Вижу.. Вели извозику-то подкѣтить хорошенечко!...

Извозикъ подкатилъ къ подъѣзду манежа и остановился.

Сваха выѣзла изъ пролетки и подождала жениха, который расплачивался съ извозикомъ.

— Расплатился, что-ль? Иди впередъ...

— Нѣтъ, ужь вы съ... вы лучше-съ...

— Никакого, то-есть въ немъ кирасирскаго духу нѣтъ,—покачала головой сваха и, отво-

ривъ дверь, очутилась на балкончикъ съ перилами, вдоль котораго стояли стулья.

За перильцами шелъ громадный манежъ, украшенный лошадиными головами; по правую сторону балкончика помѣщалась дамская уборная, по лѣвую—мужская.

Откуда-то выскочилъ берейторъ въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и справился у свахи, что имъ угодно.

— Чуркинъ самъ не ты будешь,—справилась сваха, оглядывая берейтора съ ногъ до головы.

— Никакъ нѣтъ... Я вамъ его сейчасъ позову. Потрудитесь присѣсть.

Берейторъ пересѣкъ спѣшно манежъ и скрылся въ противоположную дверь.

— Должно здѣсь обучаютъ-сь,—замѣтилъ женихъ, осматривая манежъ.

— Надо полагать, что здѣсь. Видишь, и морды лошадиныя висятъ, и мягкая дорога сдѣлана; въ случаѣ, ежели затылкомъ грохнешься, такъ чтобы не такъ чувствительно было. А это что за комната?

— Написано: «дамская уборная».

— И дамы у него обучаются... Есть же вѣдь такія безстрашныя, прости, Господи! Видала я такихъ, фармазонками ихъ кличутъ... Мужчинамъ въ ѣздѣ не уступаютъ, даже впередъ за-всегда стараются заскакать. Не дрожить у тебя внутри то?

— Дрожить-сь.

— Калегвардъ лихорадочный! Чувствую, что и здѣсь меня острамишь.

Противоположная дверь отворилась и къ

пріѣхавшимъ, быстро шагая, направился человѣкъ среднихъ лѣтъ въ тужуркѣ, рейтузахъ и съ хлыстомъ въ рукахъ.

— Чуркинъ, къ вашимъ услугамъ-съ, — приподнялъ онъ картузъ, останавливаясь передъ свахой, — чѣмъ могу служить?

— Очень пріятно, — запѣла сваха, поднимаясь со стула, — обучить мнѣ вотъ молодаго человѣка желательно, по верховой части онъ себя пустить желаетъ.

— Можно-съ. А онъ ѣздилъ когда-нибудь?

— Сроду на лошадь не садился.

— Можно-съ.

— Все можно, невозможнаго ничего на свѣтѣ нѣтъ.

— Есть и невозможное-съ.

— Нѣту. У меня невѣста одна была: и косая, и хромая, и горбатая, и на головѣ всего семьдесятъ-три волоска — невозможно, кажется, такую чучелу замужъ выдать, а я выдала, да за какого человѣка пристроила то, всѣ диву дались. Положимъ мы его передъ эвтою операціей три недѣли поили, а все-жъ таки... какъ ни пьянъ, а глаза есть, хоть и наливные... И скоро ты мнѣ его обучить можешь?

— Какъ обучить-съ?

— Да мнѣ хорошо ужъ чтобъ очень не надо, только чтобъ съ лошади не сваливался, да караулъ не оралъ.

— Въ три урока можно-съ.

— И цѣль останется?

— Будьте покойны-съ.

— То-то, мраморный, не испорти ты мнѣ

его. Женить его хочу и вдругъ у него отъ твоего обученія акварель на спину перевернется. Ты ужь ему лошадку со всѣми добродѣтелями дай.

— Самую спокойную-сь, подь дамскимъ поломъ ходить завсегда-сь. Эй, приведите-ка «Арабчика»!

Жениха посадили на лошадь и пустили ристать по манежу. Урокъ кончился благополучно, если не считать царапины на носу, которую онъ получилъ, проѣхавшись фizioноміей по мягкому полу манежа.

— Отличный изъ него спортсменъ выйдетъ-сь, — доложилъ Чуркинъ свахѣ, сдавая ей съ рукъ на руки жениха по окончаніи урока.

— Кто выйдетъ?—справилаь та.

— Спортсменъ-сь.

— Я и безъ тебя знаю, что изъ него никакого путнаго кирасира не выйдетъ. Ты его мало-мальски обучи, только чтобъ на лошади сидѣть умѣлъ.

— Онъ и теперь ужь сидитъ хорошо-сь.

— Ну, какое ужь это хорошество, ежели каждую секунду душу Богу отдать готовится. Ты его хоть малость обломай, чтобы лошади онъ не пугался.

— Обломаю-сь. Я и не такихъ обучалъ-сь.

— Обучи, на то ты и учитель лошадиный. А, главное, морду его перефасонь.

— Какъ-сь?

— Да что ты оглохъ, что-ли, отъ лошадиныхъ словъ-то? Перефасонь, говорю.

— Не понимаю-сь.

— А на лошадей дураковъ сажашь. На рожу его обрати вниманіе.

— Я ужъ и то обратилъ-сь. Вѣроятно, ихъ утюжили-сь?

— Это ты про синякъ? Не про синякъ я говорю, синякъ подживетъ, потому, это дѣло наживное: какъ пришло, такъ и уйдетъ, а ты верховую его морду исправь. Когда онъ ѣдетъ, такъ у него такой видъ, какъ будто его по башкѣ кто оглоблей лупить. Во всей рожѣ испуганность, того гляди, «караулъ» хватить.

— Это со второго урока пройдетъ. Освоится съ лошадыю и испуга не будетъ.

— Ну, то-то, я на тебя надѣюсь. Мнѣ то, собственно, на его ѣзду наплевать, а невѣсту зря перепугать можетъ и себя сконфузить. Какой ужъ онъ кирасиръ, такъ, уланишка завалящій.

— Будьте покойны, отлично ѣздить будетъ-сь,—увѣрилъ сваху хозяинъ манежа, провожая ихъ до двери.—До свиданія-сь.

— До свиданія. Завтра я его къ тебѣ для повторенія пришлю. Ну, иди, Архипъ Семёнычъ, чего ты на манежнаго учителя уставился? Авось на немъ никакихъ происшествій не написано.

— Я ничего-сь, я иду-сь.

Сваха съ женихомъ вышли изъ мавежа и наняли проѣзжавшаго мимо извозчика.

— Никакой ты у себя жилы не попортилъ когда по манежу турманомъ то покатился?—справила сваха у вздыхавшаго жениха.

— Никакъ вѣтъ-сь, потому мягко-сь.

— Мягко! Да ты и на перинѣ пуховой ухитришься себя изувѣчить, такое ужь у тебя счастье... куда только носъ ни сунешь, сейчасъ морду въ битокъ со сметаной.

— А ничего я ѣзжу? Вообще на лошади какъ держусь?

— Держишься то ты послѣ курбету крѣпко, да виду въ тебѣ иройскаго нѣту, ты бодрись.

— Слушаю-сь.

— Позабудь, что ты на лошади сидишь, быдто на стулѣ ѣдешь, и сейчасъ у тебя черезъ это полное неглиже выдетъ.

— Трудно безъ привычки такое воображеніе имѣть.

— А ты, главное, не трусь. Манежный хозяинъ сказалъ, что обучить тебя по всамдѣлишнему.

— Обучусь-сь, какъ не обучиться, приложить стараніе только надо.

— Ты и прикладывай. Твое дѣло такое, чтобъ невѣстѣ всякимъ образованіемъ угодить.

— Угожу-сь, будьте покойны.

— Да мнѣ что беспокоиться, не я женюсь на ней... А невѣстѣ угодишь, глядишь, тестъ сверхъ уговорнаго тыщенокъ пятокъ и подсыпетъ. Эти вѣдь тести, черти не послѣдніе. Они въ каждомъ женихѣ первымъ дѣломъ жулика видятъ, который ограбить ихъ хочетъ, ну, и прижимаютъ голенище то, не очень то его на первыхъ порахъ раскошеляваютъ, какъ увидятъ, что женихъ во всѣхъ отношеніяхъ дочери потрафляетъ, и разсахарятся; въ тѣ поры, мраморный, его голенищу какъ хочешь, такъ и тряси.

— Ничего-съ, мы потрясемъ-съ.

— Да вы съ тятенькой насчетъ чего другого не мудры, а на счетъ деньги — первые охотники на свѣтъ.

— Нельзя-съ, наше дѣло торговое-съ.

— Известно, чѣмъ кого Богъ убьетъ, тотъ тѣмъ и живетъ... Пятисотъ рублей съ васъ, идоловъ, взять надо.

— Это за что же-съ?

— За хлопоты, да за возню съ тобой, вотъ за что.

— Тятенька не обидить.

— Обидить, сердце мое чувствуетъ, что обидить.

— Тятенька-съ? Ни за что-съ... Ужь ежели они что обѣщали, прямо въ карманъ кладь.

— Давай Богъ твоими устами да медъ пить... А ты съ своей стороны подгвозди родителю, видишь, какъ я для тебя стараюсь, ровно нянька съ тобой путаюсь.

— Это я чувствую-съ, и очень даже вамъ благодаренъ по этому случаю... Да, вотъ еще что, вчера еще говорилъ объ эвтомъ съ тятенькой, и они полное разрѣшеніе дали-съ.

— Что такое?

— Насчетъ танцевъ-съ... не умѣю я-съ.

— Ужли плясать не учился?

— Гдѣ же-съ, все въ лавкѣ, да въ лавкѣ. Какое ужъ можетъ быть обученіе за прилавкомъ...

— Безпремѣнно обучиться надо... Десяти-тыщную краю берешь, а никакой польки не можешь... какое она о тебѣ понятіе настоящее можетъ имѣть?

— Тѣмъ болѣе, что по ихнему разговору онѣ насчетъ танцевъ охотницы.

— Охотница тамъ, али не охотница, марморный, а кажная образованная дѣвица должна всяніе танцы знать.

— Надо заѣхать-съ для перваго уроку, я и адресъ одного учителя изъ газеты вырѣзалъ.

— А гдѣ онъ живетъ?

— Мимо поѣдемъ-съ—я скажу-съ, только вы ужъ поторгуйтесь, а то вѣдь я не умѣю-съ.

— Можно. Извѣстно, со мной кажному учителю легче разговаривать, ничѣмъ съ тобой... Боюсь я только, что обученіе впрокъ не пойдетъ.

— Отчего же-съ, и медвѣдей плясать обучаютъ.

— Медвѣдей то, я слышала, на горячемъ полу учать, а тебя на плиту не посадишь.

— Мудренаго особеннаго ничего нѣту, по моему, въ кадрили сичасъ ходи назадъ и впередъ, а въ полькѣ вертись кубаремъ.

— И вертѣться то надо съ толкомъ, а то такъ завертишься, что и даму затылкомъ объ полъ приложишь.

— Зачѣмъ же этакъ? Надо осторожно дѣйствовать. Я какъ то на дворѣ пробовалъ вертѣться, ничего-съ.

— Вышло?

— Очень даже хорошо вышло, только въ помойную яму попалъ-съ.

— Хорошо вышло, нечего сказать.

— Это я сгоряча-съ, безъ воображенія-съ.

— А на балу еще больше горячиться ста-

нешь, глаза то разбѣгутся и пойдешь барышень затылками прикладывать.

— Ну, ужь нѣтъ-съ!

— Чего нѣтъ? Счастье у тебя такое, что ты шагу безъ убоя сдѣлать не можешь... Смотри, на первыхъ порахъ невѣсту не приложи—вѣкъ тебѣ этого невѣжества не простить, лучше другую какую барышню ахни.

— Все зависяще отъ практики-съ.

— Ну, вотъ ты и практикуйся на чужихъ затылкахъ... Изругаютъ—не бѣда, не слиняешь.

— Извѣстно, не слиняю-съ, ну, только я такъ думаю, что ваша критика совсѣмъ зря-съ, почему непременно я даму долженъ затылкомъ?

— А потому, что счастье твое такое дурацкое. И не хочешь, а приложишь. Да рази только ты одинъ даму изувѣчить можешь? Многихъ видала! Съ виду какъ будто и ловкій кавалеръ, а какъ пошелъ съ дамой кружить, такъ либо платье ей все оборветъ, либо промезъ стульевъ посадить... Тараканова знаешь?

— Булочника-съ?

— Почему булочника? Ужь ежели Таракановъ, такъ и булочникъ?... Галантерейщика!

— Нѣтъ-съ, такого не знаю-съ.

— На своей свадьбѣ тоже отличился не хуже тебя.

— Да я еще и плясать-то не обучался.

— И съ тобой тоже будетъ, я тебя уже знаю!—махнула сваха рукою.—Пошелъ онъ съ тещей танцовать, а она дама грузная... совсѣмъ сырая дама... На какихъ хочешь вѣсахъ восемь пудовъ вытянетъ, а онъ-то, Таракановъ, женихъ тоись, совсѣмъ господин-

чикъ маньятурный... Сухаремъ ему быть, а онъ въ люди полѣзъ... Ну, и пошли кружиться по залѣ... одного онъ толкнулъ, другого, какой-то баринъ шлейфъ оборвалъ... Все бы это ничего, только вдругъ у тещи возьми да и закружись голова.

— У дамъ-съ во время танцевъ всегда голова кружится-съ...

— Это кто тебѣ сказалъ?

— А сосѣдъ... Онъ часто на свадьбахъ пируетъ... И для того собственно у ихъ голова кружится, чтобы къ кавалеру поближе прижаться-съ...

— Скажи ты своему сосѣду осла съ дуракомъ. У грузныхъ точно что кружится, а у поджарыхъ очень даже рѣдко, потому у грузныхъ крови больше, ну, она отъ вертуновъ въ голову и ударяетъ... Понялъ, мраморный?

— Понялъ-съ.

— А сосѣда не слушай, вретъ онъ тебѣ все... Хорошо. Закружилась у Таракановской тещи голова, она въ забвеніи чувствъ возьми сейчасъ, да и навались на зятя... ну, известно, тотъ не выдержалъ груза и переломился на двое... Полетѣлъ со всего размаха на полъ, теща черезъ него на манеръ какъ въ циркѣ, а тутъ налетѣли на ихъ танцующіе и такую посреди залы гору устроили, что теща-то чуть было не задохлась... Осторожно надо дѣйствовать!

— Я буду осторожно-съ...

— А, главное, невѣсту съ тещей не приложи. Пошелъ ихъ вертѣть, такъ каждую секунду помни, кого вертишь.

— Да ужь это первое дѣло-сь... А потомъ вѣдь я ничего-сь... я какой угодно грузъ сдержу-сь...

— Рази вотъ что сила въ тебѣ настоящая есть, а то попадетъ на комара этакая, знаешь, квашня, ну, и катись по полу. Я, разъ, помню, на свадьбѣ одвого кавалера такъ дама о печку затылкомъ приложила, что онъ три часа въ безумной меланхоліи сидѣлъ... глазами хлопаетъ, а говорить не можетъ... Всѣ, значитъ, ему, дохлomu, словесности она отшибла.

— Какъ тоже приложиться-сь.

— Съ налету отъ всякаго печнаго приложенія обалдѣть можно, а все отчего это? Отъ азарту. Распляшутся танцоры и всякое соображеніе теряютъ... Еще затылкомъ туда-сюда: перевернутся мозги раза два кругомъ, только и всего, а ежели темемъ вдругъ? На смерть уложить себя можно.

— Темемъ трудно-сь, все больше затылкомъ.

— Ничего не трудно... Который человѣкъ распляшется онъ не разбираетъ, какимъ мѣстомъ треснуться... ему все одно, потому въ отчаянность взошелъ... на одной свадьбѣ я видѣла, какъ танцоръ темемъ въ стѣву летѣлъ... понимаешь, онъ отъ сильнаго вертуна съ дамой разлетѣлся въ разныя стороны, отчего это вышло—самъ узнаешь, какъ танцамъ обучишься... Она то полетѣла рикошетомъ и распорядителя танцевальнаго подрѣзала, а онъ, растопыря руки и согнувши голову, прямо въ стѣну шарахнулся... Я такъ и ахнула, потому только, что его женить собралась, такъ жалко тоже пациента потерять...

— Разбился-съ?

— Нѣтъ, Богъ спасъ. На его счастье у самой стѣны глазѣющій купецъ сидѣлъ... Знаешь, какъ это на свадьбахъ бываетъ, которые не танцуютъ, такъ тѣ вокругъ залы сидятъ и на танцы глазѣютъ, а у купца этого брюхо вотъ какое... въ другой бѣдной лавкѣ сукна на такое брюхо не хватить...

— Брюхо—громоотводъ чудесный-съ.

— Именно, громоотводъ спасительный. Такъ онъ, этотъ танцоръ то, какъ двинетъ темемъ купца въ брюхо, я даже глаза съ испугу закрыла. Треснетъ, думаю, купецъ по всѣмъ швамъ отъ этакого тарана... аяъ благополучно все обошлось... танцоръ отъ его брюха, ровно отъ резины, назадъ на сажень отлетѣлъ и растянулся во всей красѣ, а купецъ только икнулъ и въ буфетъ пошелъ закусывать... Осторожнѣе надо дѣйствовать! Ну, хорошо еще, что мужчина у стѣны сидѣлъ, а ежели бы дама, такъ вѣдь она бы ему всю овчину на воздухъ пустила.

— Дамы вообще-съ сердитыя-съ. А вотъ и домъ, гдѣ танцевальный учитель живетъ-съ.

— Гдѣ? налѣво?

— Направо - съ, вывѣска еще на двери пришта... Извозникъ, подвертывай къ подъѣзду.

XVI.

Расплатившись съ извозникомъ, женихъ въ сопровожденіи свахи подошелъ къ подъѣзду и нажалъ пуговку звонка.

— Какъ фамилія то ему?—справились она у жениха.

— Гротесковъ, Эрасть Эрастовичъ!

— Нѣмецъ, поди.

— Не могу знать-съ, да вѣдь намъ все одно-съ.

— Извѣстно, наплевать. Еще съ нѣмцемъ то, по моему, много свободнѣе говорить. Что съ нимъ церемоніи то разводить?.. Коли пріѣхалъ къ намъ обучать, такъ слушай нашей команды... Звони еще,—оглохнѣй, должно, нѣмецъ то твой танцевальный.

Женихъ нажалъ снова пуговку звонка и минутой спустя на крыльцо выскочила франтоватая горничная.

— Вамъ кого-съ?—пропищала она, прищуриваясь на жениха.

— Намъ-съ?.. Этого-съ... Какъ его-съ!..

— Пусти! Ты и съ горничной то, я вижу, путно объясниться не умѣешь а десятитыщную невѣсту берешь... Танцовщикъ твой дома?—спросила она у горничной, отстраняя жениха.

— Эрасть Эрастычъ? дома-съ!—пискнула она, впуская въ переднюю посѣтителей.

— Коли дома, такъ снимай съ насъ пальты и докладывай ему.

— Вы насчетъ обученія, или насчетъ чего другого?

— Насчетъ обученія. Никого у него изъ обучаемыхъ-то нѣтъ?

— Никого-съ.

— Это еще лучше, по крайней мѣрѣ, мой Туркестанъ робѣть не станетъ.

— Сію минуту доложу-съ.

— Постой, егоза. Ты мнѣ вотъ что скажи первое—нѣмецъ твой хозяинъ или православный?

— Совсѣмъ-съ православный!..

— Совсѣмъ? Обдеретъ, значить, за науку. Второе: сердить онъ или доброй души человѣкъ?

— Эрасть Эрастычъ-съ? Они ничего-съ... добрые-съ...

— Женатый, али холостой?

— Холостые-съ.

— Холостой? Первый сортъ. И на его руку у меня товаръ есть. Иди и докладывай...

— Сію минуточку-съ, а вы пожалуйста въ залу-съ.

Горничная громыхнула платьемъ и исчезла. Женихъ и сваха вошли въ залу, въ которой, кромѣ піанино и нѣсколькихъ вѣнскихъ стульевъ, ничего не было.

— Садись,—приказала сваха жениху, показывая сама ему примѣръ.—А вотъ тебѣ и нѣмецъ,—нагнулась она къ нему—православный!.. А фамилія нѣмецкая, обманывающая фамилія... обдеретъ!

— Тятенька говорятъ-съ, что четвертную ежели пожертвовать на обученіе, такъ за глаза-съ...

— Много твой тятенька понимаетъ въ кад-
реляхъ! Кадрель вѣдь не стеариновыя свѣчки, а польки не крупичатая мука, и мука мукъ рознь, а кадтели съ польками и подавно, какимъ полькамъ обучать начнетъ.

— Полька вездѣ одна-съ.

— Ничего ты не смыслишь, а споришь. Ты молчи лучше и слушай Савишну.

Въ залу вошелъ самъ Гротесковъ, мужчина среднихъ лѣтъ, въ какой то отчаянной ту-журкѣ съ петлями отъ венгерки, и граціозно раскланялся съ гостями.

— Здравствуй, мраморный, здравствуй!— протянула сваха руку учителю танцевъ,— какъ пляшешь?

— Какъ-съ? — спросилъ тотъ, косясь на жениха.

— Пляшешь, говорю, какъ?

— То-есть, это вы насчетъ обученія?— попробовалъ догадаться учитель.

— Совсѣмъ не насчетъ обученія. Экая у тебя голова крѣпкая насчетъ соображенія. Дѣла, спрашиваю, какъ?

— Ахъ, вы про дѣла? Мерси. Учениковъ у меня достаточно.

— Ой, врешь,—погрозила сваха на него пальцемъ,—отъ хорошихъ дѣловъ зала пустая не бываетъ.

— Да у меня танцы, сударыня, происходятъ по вечерамъ больше.

— Вотъ оно что. Ну, садись рядкомъ, потолкуемъ съ тобой ладкомъ.

— Сдѣлайте одолженіе,—подсѣлъ учитель къ свахѣ.—Сынокъ вашъ, вѣроятно?—кивнулъ онъ на жениха.

— Типунъ тебѣ на языкъ. Споконъ вѣка я въ дѣвицахъ состою, такъ откуда я сынка возьму? Знакомый онъ мнѣ хорошій, вотъ я его и завела къ тебѣ въ плясовую науку отдать...

— Молодой человекъ танцуетъ что-нибудь?—
вопросительно взглянулъ онъ на жениха.

— Что ты въ ротъ воды то набралъ?—
толкнула въ бокъ жениха сваха.— Отвѣчай,
пень, коли тебя спрашиваютъ. Пляшешь какой
танецъ, али не пляшешь?

— Нѣтъ-съ, вообще-съ, не пляшу-съ.

— Вреть, какой то танецъ произошелъ.

— Что вы съ, что вы-съ,—замахалъ на
сваху женихъ съ испугомъ,—да я сроду ни
какого колѣна...

— Постой. Самъ же ты мнѣ дорогой гово-
рилъ, что отъ танцу въ какую то яму ввер-
зился.

— Такъ, вѣдь, это я такъ-съ, просто волч-
комъ вертѣлся. Не по всамдѣлишному, а
такъ-съ.

— Такъ бы и говорилъ, что для голово-
круженія вертѣлся, а я поняла, что ты та-
нецъ проходилъ.

— Значить, вы ничего не танцуете?—
справился учитель.

— Ничего-съ.

— Ты правду учителю говори, чтобы лиш-
нихъ денегъ ему за обученіе не платить.

— Я правду-съ. Зачѣмъ же я вдругъ вратъ
стану на свою шею-съ?

— Отлично.

— Впрочемъ-съ, изъ русской пляски я три
колѣна знаю-съ. Видѣлъ, какъ плясали, и пе-
ренялъ.

— Гдѣ видѣлъ? На свадьбѣ?

— Нѣтъ, разъ у насъ дворникъ жилъ—за
пьянство его прогнали... Такъ онъ, бывало,

какъ выпьетъ, такъ и пойдетъ по двору грязь мѣсить.

— Дворницкія колѣна перенимать, по моему, совсѣмъ не слѣдъ, потому ты не какую-нибудь невѣсту берешь, а благороднаго происхожденія.

— Ну, какія же онѣ... благородныя-сь?.. Нашъ братъ Исаакій-сь... Только что ложили ихъ больше супротивъ насъ, такъ чѣдъ это отъ капитала зависить-сь.

— А ты, коли чего не понимаешь, лучше молчи... Покажи господину учителю дворницкія колѣны... мужицкія-то колѣвы, мраморный... Какъ тебя зовутъ-то?

— Меня? Эрастъ Эрастовичъ.

— Православная у тебя личность, а имя нѣмецкое... Ирасъ Ирасычъ?

— Да-сь.

— Такъ вотъ ты, Ирасъ Ирасычъ, и скажи мнѣ, годны-ли его мужицкія колѣны... для свадьбы?

— Русская пляска весьма обыкновенна... Ни одна свадьба безъ этой пляски не обходится.

— Знаю, ты ужъ меня не учи, сдѣлай милость. Я, можетъ, на своемъ вѣку до тыщи свадебъ справилъ, такъ могу судить обо всемъ правильно... Женать?

— Я? Нѣтъ, холостой.

— Женись. Ну, что ты одинъ-то прыгаешь, никакой польки не выходитъ... Женись!

— Придется и женюсь,—разсмѣялся учитель.

— На твою вѣру у меня чудесная невѣста есть...

— Вы что-же, торгуете невѣстами-то?— расхохотался учитель.

— А ты какъ бы думалъ? Всякій человѣкъ своимъ ремесломъ живетъ. Ты, вотъ, ноги у дураковъ обламываешь, а я брачные союзы обсоюзиваю... у всякаго свой товаръ.

— Такъ вы... сваха, вѣроятно?—догадался тотъ.

— Вѣроятно, что сваха! А на твою скакальную вѣру у меня такой браціантъ есть, что съ руками оторвешь, ежели покажу.

— Я жениться пока не думаю.

— Да вѣдь кто изъ вашего брата жениться думаетъ? Никто. Вы жену-то на манеръ лютой тигры себѣ воображаете... Какъ останешься съ ней одинъ на одинъ, такъ она сейчасъ тебѣ въ горло вопьется.

— Оно, дѣйствительно, страховито-съ!— замѣтилъ женихъ.

— Воображеніе ваше дурацкое и больше ничего! Истинно тебѣ говорю, что одно воображеніе, потому всѣ невѣсты андилы.

— А потомъ, какъ женишься, и окажешься дьяволами!—продолжалъ смѣяться учитель.

— А ужъ это отъ тебя самого зависяще, что изъ жены сдѣлать... хочешь, андиза—андиломъ будетъ, чорта желаешь — получи... Въ сурьезъ тебѣ говорю, подходящий на твою руку сейчасъ у меня товаръ есть. Красавица изъ себя, домашняго сложенія и двадцать четыре часа въ сутки плясать можетъ... то есть такое у си къ тапцу рвеніе, что мать даже отчиты-

вать ее возила, думала, что напущено это на нее.

— Такъ и не отчитали?

— Поди-ка отчитай нонѣшнихъ! Она же послѣ мать такъ отчитала, что та въ постель слегла. Мать ужъ и то памедли: «Кажется,—говорить,—Савишна, отдала бы ее за чорта, только за верченанаго, потому не верченый назадъ приведетъ»,—а ты цѣльный вѣкъ вертишься, тебѣ она совсѣмъ въ коленикоръ. Женись, большое спасибо мнѣ скажешь.

— Пока не имѣю ни малѣйшей охоты.

— Дл съ охотой то нонче кто женится? Есть рацетъ, ну, и... женись... а у ей, акромья дома матери, капиталу одного тыщъ до пятнадцати наберется: то дѣдушка умереть, то бабушка, то тетенька, то дяденька; они помирають, а у ей въ банкѣ билетъ пухнетъ, да пухнетъ...

— Вотъ имъ такъ въ пятнадцать невѣсту,—проговорилъ тихо женихъ,—а мнѣ такъ въ десять.

— А ты молчи. Ишь у тебя глаза то какіе завидующіе, вы бы съ татенькой, коли можно было, на десяти невѣстахъ сразу женились. Надо знать, что къ чему идетъ: мохъ къ избѣ, гвоздь къ доскѣ, сила къ кулаку, а таска къ дураку, сортировать надо... И дѣвица умственная, я тебѣ скажу, не то чтобы дурь какая была. Что поговорить назчетъ чего хочешь, что поцѣть романцы, али оперу модную,—на все горазда, вотъ только въ ногахъ у ей зудъ: какъ услыхала музыку, такъ и пошла кружиться. Заверти ее, сдѣлай милость!

— Мерси за предложеніе, но жениться не имѣю намѣренія.

— Ну, чего ты въ холостыхъ то путаешься, мраморный? Нонче танцы, завтра танцы, захочешь и съ бабой посидѣть.

— У всякаго свои взгляды на женитьбу.

— У васъ у всѣхъ взгляды то на этотъ счетъ проклятушіе. Иной зубы чешетъ, чешетъ съ барышней, думаешь, попался на крючекъ, анъ, глядишь, онъ уже съ другой канитель тянетъ... Показать танцорку то?

— Совершенно лишнее...

— Зазноба, значить, есть?

— И зазнобы нѣтъ, и...

— Врешь! Который человекъ безъ зазнобы, такъ тотъ скучный, а ты смѣешься, стало быть, закадрелилъ себѣ на полъку. А ежели надумаешь насчетъ союзу, запиши мой адресъ, и не услышишь, какъ обзаконю васъ.

— Совсѣмъ не думаю. Такъ вы желаете танцовать?

— Погоди! Покажи ему, Архипъ Семенычъ, колѣны то, которыя умѣешь, все за ихъ скидка съ его стороны будетъ.

— Колѣны простыя-съ, первое колѣно— дробь каблукомъ-съ.

— Дробь я люблю.

— Мнѣ этого совсѣмъ не нужно знать,— замѣтилъ учитель.

— Не мѣшай, дай ему свое знаніе то выложить. Акромья дроби что умѣешь?

— Потомъ-съ... нога за ногу. Видали, чай, какъ мухи лапку обь лапку трутъ-съ, въ эвтомъ родѣ-съ.

— Назадъ идти?

— Какъ назадъ-съ?

— А когда ногу объ ногу то ударяють?
Сапоги отъ этого чище дѣлаются.

— Да-съ... назадъ-съ...

— Уважаю я эту сапожную чистку, мраморный... въ особенности который плясунъ такъ въ это время ногами въ полъ упираетъ, что у него глаза, того гляди, конъ выскочатъ.

— Позвольте-съ, это вы пустяки, — перебилъ ихъ учитель.

— Пустяки то, точно что пустяки, да денегъ стоятъ. Ты за колѣна эти съ него не бери.

— Дѣло не въ колѣнахъ. Вы хотите выучиться бальнымъ танцамъ?

— Да-съ.. для балу-съ...

— Что именно вы хотите танцевать?

— Извѣстно, хорошій танецъ! — мѣшалась сваха — Десять тыщъ за невѣстой беретъ, такъ можно вообразить, какой ему танецъ выучить.

— Позвольте-съ... легкіе танцы, на примѣръ.

— Да ему что легче, то лучше. Голова у него не такъ обтесана, чтобы въ трудности ударяться. Что полегче, да подешевле, то и укажи ему.

— Вы не понимаете, въ чемъ дѣло.

— Я все понимаю. На своемъ вѣку какихъ-какихъ только танцевъ не перевидала; тебѣ даже и во снѣ не приснится, что я видѣла, даромъ что ты по танцевальной вѣрѣ себя пустилъ.

— Мнѣ всѣ танцы извѣстны.

— Ну, не думаю.

— Будьте покойны, и старые, и новые—
всѣ знаю.

— Хвалишься ты, я вижу, для того только,
чтобы подороже съ моего пня взять.

— У меня цѣна для всѣхъ одинакова, су-
дарыня.

— Присъ-курантъ, значить, у тебя?

— Какой преисъ-курантъ?

— Безъ запросу то истъ?

— При-фиксъ, вы хотѣли сказать, вѣро-
ятно.

— Все одно, какъ ни назови, уступочку
сдѣлаешь. Ты вотъ мнѣ скажи, какъ это та-
нецъ называется, который я разъ видѣла?

— Какой-съ?

— А шутъ его знаетъ какой. На имени-
нахъ выпимши его затѣяли. Четыре дамы и
четыре кавалера взадъ и впередъ ходять.

— Кадриль?

— Не кадрель. Я всѣ танцы знаю: и ка-
дрель, и ланце, и польку, и вальць.

— Ну, взадъ и впередъ ходять, а потомъ
что?

— А потомъ одинъ кавалеръ возьми, да и
стань на колѣни.

— Ну-съ?

— Ну, а даму за руку держать. Она по-
крутилась вокругъ него, да къ нему на плечо,
а онъ ее въ губы чмокъ!

— Танцевъ съ поцѣлуями нѣтъ.

— Много ты понимаешь... А потомъ под-
скочилъ къ этому поцалууйному кавалеру мужъ
дамы и со всего размаха его въ ухо...

Учитель танцевъ такъ и покати́лся.

— Да это просто драка, а не танецъ,— проговорилъ онъ, наконецъ, вытирая выступившія на глаза слезы.

— А я тебѣ говорю, что танецъ. Не дура я, чай, спросила послѣ этого: «Что это такое?» — «Танецъ, — говорятъ, — только выпимшій мужъ все дѣло испортилъ: не ту фигуру сдѣлалъ».

— Танца ни съ поцѣлуями, ни съ затрепщинами нѣтъ, сударыня. Васъ просто ввели въ заблужденіе... И такъ, молодой человѣкъ, вы желаете выучиться танцовать балльные танцы?

— Да-съ, полечку-съ, кадрилику, вальцикъ, а ежели недорого будетъ, такъ и лянце-съ.

— Хорошо-съ, пожалуйста сегодня ко мнѣ вечеромъ.

— Только ты его, пораньше отпусти, потому ему къ невѣстѣ надо. Мучаешь то долго?

— Нѣтъ. На первый разъ достаточно часа.

— Часъ куды ни шель. Главное, до поту его не доводи: лияеть онъ у меня отъ своей потливости.

— Какъ лияеть?

— Видалъ, чай, какъ птица лияеть? Утромъ мучай его сколько влѣзеть, слова не скажу, а вечеромъ пожалѣй.

— Могу-съ и пожалѣть. Это, впрочемъ, будетъ зависѣть отъ его понятливости.

— Все у него есть, веѣмъ взялъ, только вотъ Богъ понятливостью не наградилъ.

— Что вы-съ, что вы-съ, я даже очень понятливъ,—обидѣлся женихъ.

— Никакого соображенія у челоуѣка нѣту,— не слушая его, продолжала сваха. — Велишь ему правую ногу поднять, а онъ либо лѣвую, либо обѣ заразъ подниметь.

— Не безпокойтесь, справимся, и не такихъ непонятливыхъ выучивали.

— Да ужъ я на тебя, какъ на каменную стѣну надѣюсь, потому я за него передъ родителями въ отвѣтъ, ну, и невѣстъ тоже угодить хочется. Кажной свахѣ пріятно, ежели невѣста за жениха благодарность скажетъ... Ты, главное, на его ловкость обрати свое полное вниманіе, медвѣдь онъ у меня, колода дубовая, а не женихъ...

— Конечно, конечно, будьте покойныя, на все обращаю вниманіе... и не такихъ еще я обламывалъ... приведутъ дубину, а выпустимъ тросточку... такъ и гнется во всѣ стороны, главное, на что я обращаю особенное вниманіе, это чтобъ каждый танцоръ усвоилъ граціозныя движенія...

— Вотъ, вотъ! Вколоти ты въ него грацію настоящую, а то онъ только меня передъ невѣстой страмить... А пуще всего его руки одолеваяютъ... На другихъ образованныхъ-то жениховъ поглядишь, у ихъ рукъ-то и не видать совсѣмъ, ровно они безрукими уродились, а у этого идола, какъ не взгляните на него, либо въ носу, либо въ затылкѣ ручищи торчатъ... отполируй его, завсегда за твою услугу хорошимъ товаромъ служить могу!

— Постараюсь!— усмѣхнулся учитель.

Постарайся. За обтеску-то что возьмешь? Дорого не запрашивай, потому не мое

дите, изъ своихъ за него ни гроша не прибавлю.

— У меня плата обыкновенная: пятьдесятъ рублей.

— Говорила я тебѣ, Архипъ Семенычъ, что обдереть, на мое и вышло...

— Вы уступите-съ .. тятенька говорить, что четвертную за глаза-съ...

— Ну, пусть вашъ тятенька и учить васъ танцовать, а я не могу...

— Уступишь? Для перваго знакомства?

— Ничего не могу... съ нимъ, по крайней мѣрѣ, недѣли двѣ надо биться.

— Уродится же такая дубина, прости, Господи! Во что теперича его образованіе нѣдетъ? Чуркину пятьдесятъ, тебѣ пятьдесятъ... хорошо еще, подмазка ничего не стоитъ... а тамъ, глядишь, другіе расходы... Положимъ, за невѣстой десять тысячъ беретъ, а все таки, уступочку сдѣлай... три колѣна онъ знаетъ... за колѣно-то хоть скинь красненькую...

— Не могу-съ... Если угодно, пожалуйста ко мнѣ сегодня вечеромъ, неуждно — какъ угодно...

— Надо дать-съ,—проговорилъ женихъ,— пусть ужъ лучше тятенька потаскаетъ, а безъ кадрили никакъ невозможно-съ...

— Ты хоть трешницу на извозчика скинь! Авось товару на него немного пойдетъ... Истрепишь подошвы, рази, такъ и то одинъ цѣлковый стоятъ... Нелзя? Ну, что-жъ дѣлать?... Пользуйся ужъ!... Архипъ Семенычъ, давай православному нѣмцу задатку!

Спустила четверть часа сваха съ женихомъ

вышли отъ учителя танцевъ и наняли извозчика.

— Счастье твое такое, — говорила сваха, усаживаясь въ экипажъ. — Куда ты не сунешься, вездѣ съ тебя лупятъ: съ кого рушь, а съ тебя два, кому фонарь, а тебѣ три. Тьфу!

Женихъ только вздохнулъ.

XVII.

Прошло недѣли двѣ, когда, наконецъ, родители невѣсты назначили день, такъ сказать, официальнаго обрученія, носящаго кличку «параднаго сговора».

У жениха къ этому времени и синяки зажили, и танцевать онъ могъ всякія «польку» и «лянце», хотя и путался, по обыкновенію, въ фигурахъ. На лошади, не смотря на уроки, преподаваемые ему Чуркинымъ, онъ попрежнему сидѣлъ мокрою вороной. Сальтомортале черезъ голову лошади онъ, впрочемъ, уже не дѣлалъ, ибо въ критическіе моменты припоровился хвататься одною рукой за гриву, а другою за хвостъ, и если сваливался въ исключительныхъ случаяхъ, то только на бокъ и безъ всякаго ущерба для своей «личности».

Наканувъ сговора онъ получилъ отъ невѣсты въ подарокъ верховую лошадь, которую отецъ купилъ по случаю у какого то пыгана на Конной за три сивеньбихъ, вмѣстѣ съ сѣдломъ.

Лошадь торжественно была отведена на

квартиру жениха и, за неимѣніемъ конюшни, поставлена была въ амбарушку, гдѣ хранилась всякая рухлядь.

Постановка ея въ импровизованную конюшню не обошлась безъ маленькаго инцидента.

Дѣло въ томъ, что дверь амбарушки оказалась низкой, а лошадь высокой.

Женихъ просто въ отчаяніе пришелъ.

— Тятенька-съ, какъ же быть-съ? — чуть не плакалъ онъ «Арабчикъ» въ амбарушку не лѣзеть.

— А ты кнутомъ его, дурень, — совѣтовалъ тотъ, копаясь за прилавкомъ.

— Кровная лошадь и вдругъ я ее кнутомъ-съ, подарокъ Лизы-съ и такое невѣжество, и притомъ она не пролѣзетъ никакъ-съ; на колѣнкахъ еще она проползетъ-съ, а такъ сумнительно-съ.

— Такъ поставь ее на колѣнки.

— Я не могу-съ, за Чуркинымъ ежели съѣздить, попросить иняго участія-съ

— И красненькую за это, поди, заплатить? И такъ расходовъ съ твоею свадьбой чертова бездна. Квартира сейчасъ съ отдѣлкой во что въѣхала?

Женихъ не дослушалъ репликъ отца и бросился къ «Арабчику», вокругъ котораго собрались чуть ли не все жильцы дома, гдѣ они квартировали.

Все, разумѣется, полѣзли къ нему съ совѣтами: кто совѣтовалъ разломать верхъ амбарушки, кто — связать лошади ноги, повалить ее на землю и втащить общими усиліями въ будущее ея обиталище.

Нѣкоторые шутники предлагали болѣе радикальное средство: подрубить скакуну ноги на четверть.

Наконецъ, кому то пришла въ голову мысль притянуть голову лошади къ ногѣ и въ такомъ наклонномъ положеніи втиснуть въ амбарушку.

Совѣтъ оказался практичнымъ: голову притянули и скакуна, не безъ усилій, конечно, но все таки водворили въ амбарушку, содравъ ему мѣстахъ въ трехъ на спинѣ шкуру.

Въ день сговора утромъ къ нимъ прилетѣла сваха и первымъ дѣломъ обругала жениха.

Пнемъ ты былъ завсегда, пнемъ, должно, и до окончанія живота останешься!—выпала она, сбрасывая съ себя тальму и цѣлуясь съ хозяйкой.

— Что такое, Савишна, случилось?—справилась хозяйка, тревожно посматривая на сына,—ахъ вчера у невѣсты что срикошетилъ?

— Хуже! Невѣста ему, какъ путному, тысячнаго скакуна подарила, а онъ ей только одно «мерси» за это, да рази такая лошадь одного «мерси» стоитъ?

— Что-жъ я... я ничего, Савишна, поблагодарилъ-съ!

— Поблагодарилъ! И за чашку чаю «мерси», и за тысячнаго скакуна «мерси»... Въ ручку долженъ былъ впиться, дубъ орѣховый, въ ручку-у, чтобъ она чувствовала всю твою благодарность.

— Все въ ручку, да въ ручку, ничего притяного нѣту.

— А тебѣ бы все въ губки, да въ губки?

На все свой чередъ придетъ. Вотъ нонче васъ благословить приходскій попъ, и цалуй послѣ въ губы сколько хочешь... Авось бы у тебя губы не отвалились отъ того что лишній разъ къ ручкѣ приложишься... да такую пріятную ручку, какъ у ей, другой бы, на твоёмъ мѣстѣ, образованный да понимающій женихъ, безперечъ-бы цѣловалъ... мнѣ даже за тебя стыдно стало, мраморный. Она ему: «вотъ вамъ, говорить, отъ меня на память верховую лошадь...» а онъ, какъ дуракъ, «мерси-съ» и на дворъ бросился подарокъ глядѣть.

— Какъ же это ты, Архипушка, такъ?—замѣтила хозяйка,—ужели тебя учитель танцевъ обращенію не училъ?

— Училъ... только вѣдь онъ, маменька, насчетъ танцевъ, а не насчетъ подарковъ.

— Ну, вотъ возьмите его, дурака,—махнула на него руками сваха.—Теперь какъ пріѣдешь къ невѣстѣ, сейчасъ первымъ дѣломъ изволь у ней обѣ ручки разцѣловать: «дескать, такъ я вашимъ подаркомъ доволенъ, что не нахожу словъ благодарить».

— Мнѣ что-жъ, я пожалуй... только зачѣмъ-же обѣ руки?

— Для грандіёзности, пенъ мраморный, для грандіёзности! Да другой бы за такой тысячный подарокъ сахаромъ бы весь разсыпался.

— Ну, ужъ и тысячный,—проговорилъ женихъ,—можетъ, заплатили сто цѣлковыхъ.

— Въ калигварды лѣзешь, а толку въ лошадяхъ ни шипа не понимаешь! Сто цѣлковыхъ! Да нонче за сто цѣлковыхъ и собаку-

то породистую не купишь, а не токма что коня настоящего.

— У ней вонъ, на дворъ у насъ говорили и ноги разбиты, и лѣвый глазъ не видитъ... сто цѣлковыхъ за такую лошадь напросишься.

— Тьфу! Не хочу я съ тобой больше говорить, потому при мнѣ «самъ» офицеру за эту лошадь тыщу рублей вытащилъ изъ бумажника.

— Рази они у офицера купили? А мнѣ ихній дворникъ сказывалъ, что на Конной.

— Дворникъ тебя на смѣхъ поднялъ, а ты и повѣрилъ. И какъ только ты съ такою дурацкою простотою вѣкъ проживешь — удивляться надо!

— Съ простотою-то, Савишна, много легче прожить, ничѣмъ съ хитростью, — замѣтила хозяйка, подвигая свахѣ бутылку съ ромомъ, — съ ромкомъ-то выпей, съ ромкомъ.

— Для цѣлебности, ромку въ чай волью. Цѣлебень, ахъ, какъ цѣлебень ромокъ! Я раза два отъ простуды помирать собиралась, да ромомъ смерть отогнала; не любить она рому, не выносить; какъ услышитъ запахъ, такъ сейчасъ бѣжать, правильно тебѣ говорю, не для красного словца только... Квартире-то хорошо отдѣляли?

— По моему, Савишна, даже черезчуръ, — отвѣтила хозяйка, — все обои съ золотомъ купила.

— Перезолотили, по моему. Въ спальную-то какой обой пустили?

— Съ золотомъ, Савишна.

— Вотъ и глупо. Совсѣмъ по-мужицки распорядились. Нужно было поднебесный цвѣтъ пустить, и по немъ цвѣточки алые, чтобъ молодая-то какъ въ раю спала, проснется на-примѣръ, и вдругъ въ глаза пріятность.

— Цвѣты есть, только они золотомъ наскипидарены, золотомъ-то богаче, Савишна, дороже золота ничего на свѣтъ нѣту.

— Это по вашему, по мужицкому, а по благородному—нѣжностью надо взять; свѣту вы настоящаго не видали, а квартиру испортили. Ей сейчасъ отецъ спальную небель какую даетъ?

— Орѣховую.

— Орѣховую! Извѣстно, не дубовую, дубъ къ столовой идетъ, потому за каждымъ столомъ пьютъ, такъ чтобы небель была по-сурьезнѣе... А крыта-то она какой матеріей? Голубой, аль нѣтъ?

— Ну, что-жь...

— А тоже, что голубая небель къ золоту не подходитъ. Скусу у васъ дворянскаго нѣту, а обои покупаете... хоть-бы меня спросили... я на своемъ вѣку всякихъ обоевъ наглядѣлась и знаю, какая къ чему идетъ... Ну, да это не суть важное... Главное, лаской надо съ невѣстой взять... Вы на ее теперича должны все одно, что на малое дите смотрѣть и всякіе ея капризы исполнять.

— Да ужъ молодую, извѣстно, и побалуемъ: то блинговъ ей, то пирожка...

— Нашли тоже баловство! А вы карахтеру ея должны подражать... одного не забывайте,

что она одна дочь у стариковъ, а протянуть старики ноги—все ваше будетъ.

— Да онъ крѣпкій... повидимости.

— Тестъ-то твой? По моему, никакой въ немъ крѣпости нѣту... Помнишь, какъ ты свалилъ-то его, такъ онъ три дня поясицу разогнуть не могъ, какая ужъ это крѣпость, свалилъ его раза три, вотъ тебѣ и покойникъ.

— Зачѣмъ же валять - съ... Пускай живуть-съ.

— Еще бы ты нарочно сталъ его на тотъ свѣтъ спроваживать. Про слабую крѣпость его говорю, только и всего... Да! все у васъ нонче къ вечеру то готово?

— Кажется, все, Савишна.

— Смотри, мать, чтобъ намъ не осрамиться: нынче у нихъ родные и знакомые будутъ, такъ чтобы лицомъ въ грязь не ударить. Парадный вечеръ и даже съ топоромъ.

— Съ какимъ топоромъ-съ?

— А вотъ который на фуртупянкѣ танцы рубить. Дернетъ руками и ногами, а ты и пляши.

— Это таперъ-съ.

— Про что же я то говорю? Топоръ, топоръ и есть. Рубить по струменту сплеча, а ты выкидывай колѣна сгоряча. Самаго моднаго наняли, двадцать цѣлковыхъ заплатили.

— По моему, это дорого-съ

— По твоему, шарманку за три цѣлковыхъ нанять. Они свою дочь за тебя съ помпой выдаютъ, а ты осуждаешь. Не глупѣе тебя, мраморный, и ежели двѣ красныхъ топору даютъ, значить, его до седьмага поту доведутъ. Къ

семи часамъ вѣрно намъ прибыть. Такъ помните, что къ шести я у васъ буду.

— А ты развѣ не прямо къ нимъ пріѣдешь?—спросила хозяйка.

— Да васъ рази можно съ глазъ спустить? Вы Богъ знаетъ что безъ меня надѣлаете.

— Я такъ это спросила; съ тобой, извѣстно, намъ много развѣзѣте.

— Карету наняли?

— Нѣтъ, не нанимали. Отецъ говорить, что съ площади взять.

— И опять на каретный дворъ попасть? Покорнѣйше васъ благодарю. Покуда я твоего пня не женила, этого не будетъ. Женится — въ тѣ поры хотъ на козлѣ верхами поѣзжайте, мнѣ плевать. Я сама найму карету и въ ней за вами пріѣду. Къ шести у меня чтобъ безпремѣнно быть готовыми... платье-то тебѣ новое портниха принесла?

— Принесла.

— Хорошо?

— Сзади какъ быдто морщить, ну, да я булавками заколю.

— А потомъ и пойдешь этими булавками за все цѣпляться? Вотъ идола-то!

— Какъ же это я, Савишна, зацѣплюсь? Назади вѣдь заколю.

— Прислоннись къ чему, вотъ тебѣ и сѣвка. Тыркать тоже булавки зря невозможно. Ну, да я сама увижу твой туалетъ, а ты, женишесъ, во что замундиришесъ?

— Я-сѣ? Я... во фракъ-сѣ...

— Ужли фракъ сшилъ?

— Сшилъ-сѣ... Собственно тятенька это...

Не стоишь,—говорить,—положимъ, ты фрак-
наго парату, только изъ уваженія къ невѣ-
стѣ шью.

— Вотъ это по благородному. Благороднѣ
фрака ничего на свѣтѣ нѣту, потому его и
господа, и лакеи носятъ... въ иномъ мѣстѣ
даже спутаешься: не то баринъ, не то лакей
идеть, не то ему «бовжуръ» сказать, не то
бутылку сельтерской заказать... Перчатки ку-
пилъ?

— У меня старыя-съ хороши еще.

— Берешь ты десять тыщъ, а никакого о
перчаткахъ понятія,—къ фракку бѣлыя перчатки
надо надѣвать.

— Нитяныя-съ?

— Тьфу! Да ты что, за столомъ служить
собираешься? Гуттаперчевые надо... тьфу! Не
гуттаперчевые.. сбиль ты меня... эти, какъ
ихъ... лайковые... ну, да мы заѣдемъ по до-
рогѣ и купимъ... Галстукъ бѣлый есть?

— Я красный хотѣлъ... вчера купилъ,
очень хорошъ... Кровянаго цвѣту и по немъ
зеленый горохъ-съ...

— Да гдѣ же это ты видѣлъ, чтобы къ
фракку зеленый горохъ шелъ, а?

— Нигдѣ не видалъ-съ, а такъ думаю, что
это наряднѣе-съ.

— Ну, вотъ и пусти васъ однихъ. Голову
съ меня сымете. Бѣлый галстукъ купи... слы-
шишь?

— Хорошо-съ... шарфикомъ?

— Мнѣ все одно, только чтобы бѣлый
былъ... да завейся въ циркульню сходи... да

духами себя насдобь, какъ слѣдуетъ... чтобъ отъ тебя Альфонсъ Ралеемъ на версту несло.

— Хорошо-съ... приброкариться мы за- всегда можемъ...

— Фракъ-то хорошо сшить?

— Довольно кургузо-съ... такъ думаю, что сукна цѣлковыхъ на три пошло.. а четвертную сдули-съ...

— Это недорого ..

— За одинъ-то фракъ недорого? Тятенька говорить, что это разбой-съ и грабежъ.

— Не за одинъ, чай, фракъ... а жилетка? А панталоны?

— Жилетка у меня черная есть... и панто- лоны совсѣмъ почти свѣжіе...

Сваха поперхнулась чаемъ и закашлялась.

— Тьфу! Осрамить! Сердце мое чувствуетъ, что осрамить!... Какая у тебя жилетка?

— Черная-съ... отъ сюртука-съ...

— Ахъ, идола! Да какъ же ты къ этой жилеткѣ фракъ натянешь?

— Она превосходная-съ... сукно хорошее-съ, даже лучше, по моему, ничемъ на фракъ-съ.

— Да фасонъ-то, фасонъ-то, дубъ ты мо- реный, какой у ей?

— Фасонъ хорошъ-съ.

— Тьфу! Надѣнь, поди и покажись... ахъ, ты бляюшки мой, шагу ступить не умѣютъ!... А панталоны-то какія?

— Съ свѣренными полосочками-съ...

— Убили! То-есть до смерти меня ушибли, черти мраморные!

— Развѣ не такъ, Савишва?—справила- ся хозяйка.

— Да какой же это женихъ будетъ, мраморная, просто шутъ гороховый! Фракъ сейчасъ открыть, жилетка по горло застегнута а панталоны сѣрые... да его въ участокъ со сговора отправятъ... Ахъ, идола! Ну, вотъ, не прѣзжай я, да не разговорись — всю бы свадьбу своими тувалетами дикими испортили!... Сейчасъ же иди къ портному и возьми напрокатъ жилетку съ панталонами.

— А дадутъ-съ?

— Известно, за деньги что хочешь дадутъ... фракъ шьютъ, а на жилетку съ панталонами денегъ пожалѣли... десять тыщъ берутъ, а гроши соблюдаютъ.. на тунбѣ тебя женить апосля этого, а не на образованной дѣвицѣ!

— Это не я-съ... тятенька нсе-съ,—оправдывался женихъ.

— А тятенькѣ твоему я всю плѣшь расколочу, чтобы не страшилъ онъ настоящую сваху... Шляпа-то у тебя есть?

— Картузъ есть-съ.

— Картузъ къ фракъ все одно, что къ коровѣ сѣдло, мраморный. Какъ вѣдь говорила: спрашивайте у меня, чего не смыслите, вѣтъ таки—сшили фракъ съ картузомъ и сѣрыми панталонами... Тьфу!

— Савишна, да мы что-жь... ежели что надо, купить можемъ.

— А ты думалъ, я такъ съ вами и поѣду, съ ряжеными? Бѣги сейчасъ къ портному, возьми жилетку съ панталонами, а потомъ шляпу купи... какъ она называется, дай

Богъ памяти... складная такая шляпа, на пружинахъ.

— Какъ на пружинахъ? На манеръ матрацу?

— Не на манеръ, а вродѣ, мраморный... какъ ее... постой, дай вспомнить... Всю вы память мнѣ отбили своимъ невѣжествомъ... не то шляпа-кракъ, не то шляпа-трахъ... безпремѣнно трахъ, потому какъ ее распрямляютъ, такъ она трахаеть... Такъ и спроси, дайте, молъ, мнѣ складную шляпу-трахъ... слышишь?

— Слышу-съ.

— Бери у отца деньги и бѣги... Не забудешь, что взять-то?

— Зачѣмъ же-съ.. вотъ только я хотѣлъ васъ на счетъ сапогъ спросить... скривять у меня очинно.

— Тьфу!... Бальные башмаки надо купить .. понимаешь? Бальные башмаки!

— Дамскіе-съ?

— Да не дамскіе, дерево гнилое, а мужскіе... ну, влѣзуть на твою ножищу дамскіе башмаки, ты подумай?...

— Какая тоже дама-съ... у иной дамы ножищи все одно, что у Минина-Пожарскаго.

— Мужскіе купи... бальные... для балу, молъ... понялъ, мраморный?

— Понялъ-съ...

— Ну, и лети, да скорѣй все орудуй, чтобъ къ шести часамъ у меня во всей красѣ быть... и бараномъ завейся, и во фракъ залѣзь... Вотъ идола-то, на каждомъ шагу свое счастье

испортить могутъ!... Ты чего ровно быкъ въ меня уставился? Лети!

Женихъ бросился въ лавку. Сваха плюнула и потянулась за бутылкой рома.

XVIII.

Не было еще и пяти часовъ, когда сваха подкатила въ каретѣ къ лавкѣ Крутозобова. Карета была хотя и не первой молодости, но крѣпкая, за то лошади были разномастные: одна караковая, а другая сѣрая, а кучеръ — косою.

Сваха долго ругалась на извозничьемъ дворѣ и за лошадей, и за кучера, просила перемѣнить и россинантовъ, и возницу, но, въ концѣ концовъ, сдалась на увѣщанія хозяина, который разъ десять побожился, крестясь на сосѣднюю церковь, что лошадки хотя и разной рубашки, но за то спокойны и повезутъ на «призъ», а кучеръ, хотя и косить лѣвымъ глазомъ, но не было еще случая, чтобъ онъ когда-нибудь вывалилъ сѣдоковъ или въѣхалъ, благодаря несовершенству зрѣнія, вмѣсто воротъ въ калитку. Подъѣхавъ къ лавкѣ, она забарабанила по стеклу и вылезла изъ кареты.

— Тебя какъ зовутъ, мраморный? — спросила она кучера, смотрѣвшаго однимъ глазомъ на сваху, а другимъ на кабакъ, помѣщавшійся на противоположной сторонѣ улицы.

— Се-се-се-се... — началъ тотъ, искривляя свою физиономію самымъ невѣроятнымъ образомъ.

— Тьфу!—плюнула сваха. — За десять то цѣлковыхъ и косаго, и косноязычнаго всучили, идолы! Ты скоро кончишь то?

— Ли-лифонъ!—докончилъ кучеръ, приводя физиономію въ первобытное состояніе.

— Селифонъ, значить?

— Се-се-се...

— Хорошо, не надо... замолчи ужъ лучше, мраморный! Се да лифонъ и выходитъ Селифонъ... Какъ тебя въ кучера взяли, удивляться надо. Покуда ты соберешься крикнуть «правѣй», али «лѣвѣй», тебѣ двадцать оглобелей въ карету въѣдутъ...

— За-за-зачѣмъ же-съ?

— А затѣмъ, что затянешь ты свое ле да ле, а тебя въ это время въ бокъ дышлой... И жуликъ же твой хозяинъ, сичасъ умереть! То ись такой жуликъ, что я и не видынала... на глазу забожился, а языкомъ провелъ... тьфу! Ты водку то пьешь?

— О-о-о-о...

— Очищенную, стало быть?

— О-очень ма-мало...

— Ну, такъ у меня смотри, чтобъ совсѣмъ мало было... Вотъ когда вернемся съ балу, дадимъ тебѣ на водку, въ тѣ поры хоть облопайся, мнѣ наплевать, а до того время и нюхать не смѣй...

— Слу-слу...

— И случаемъ пить не могли... у васъ на каждомъ шагу случай.

— Слу-слушаю-съ... гово-го-ворю я, а не-не слу-слу...

— До пріятнаго, мраморный, повороти карету и подъѣзжай къ лавкѣ.

— Чаемъ, случаемъ! — договорилъ кучеръ, отъѣзжая отъ свахи.

— Сваха посмотрѣла вслѣдъ каретъ, мотнула головой и вбѣжала въ лавку, гдѣ кромѣ хозяина никого не было.

— Савишнѣ, почтеніе-съ! — отвѣсилъ тотъ поклонъ свахѣ.

— Еще разъ здравствуй, мраморный! А ты что же это не одѣвался еще?

— Рано еще-съ... Долго ли нашему брату одѣться? Въ секундъ.

— А хозяйка что дѣлаетъ?

— Обмундировается, поди... Карету наняли-съ?

— Наняла... икипажъ, прямо надо говорить, графскій, только кучеръ малость подгулялъ, съ изъяномъ идолы всучили, и косить, и заякается... Ну, да вѣдь и то сказать, за десять то цѣлковыхъ не съ трухмальныхъ же воротъ тебѣ на козлы то садить.

— Это ничего-съ, главное, чтобъ довезъ благополучно, а то мы напуганы икипажемъ то.

— Хозяинъ всѣми святыми божился, что рѣдкостный кучеръ, и точно что рѣдкость: ни зрѣнія настоящаго, ни языка правильнаго, гляди, еще хромой, али на рукъ пальцевъ не хватаетъ... А женихъ гдѣ?

— Отправился за покупками-съ.

— Ужли не вернулся? Батюшки, мы опоздаемъ.

— Сичасъ долженъ возвратиться, шпаци только купить, галстукъ, брюки.

— Вотъ то-то брюки, — впередъ надо было знать, что жениху надо; чуть ни каждый день у васъ бываю, могъ бы, кажется, спросить, ежели самъ не смыслишь.

— Думаль, что сойдетъ-съ... да вы пожалуйста къ бабѣ-съ.

— Въ такихъ случаяхъ думать невозможно, попугаемъ вдругъ на благословеніе сына вырядить хотѣлъ.

— Да вы пожалуйста въ комнаты-съ, онъ сейчасъ вернется-съ.

— Ахъ, милый, горе мнѣ съ вами! — хлопнула сваха по бедрамъ. — А вдругъ заганилится? Гдѣ его искать, спрашивается?

— Не смѣть, я ему такую волосянку задамъ, ежели опоздаетъ.

— Волосянку! Утѣшилъ! Страмъ то кому будетъ, мнѣ, али вамъ? Вы то на другой своего пня жените, а мнѣ отъ воротъ — поворотъ: не желаю я черезъ васъ практику терять.

— Да придетъ, будьте покойны, да вы пожалте въ комнаты-съ... какъ не придти — придетъ-съ, въ паликмахерскую хотѣлъ еще завернуть, рази скоро-съ всѣ дѣла обтяпаешь?

Сваха махнула рукой и побѣжала въ комнаты.

— Мраморная, — крикнула она изъ передней, — ты гдѣ?

— Ты, Савишна? — откликнулась хозяйка. — А въ спальнѣ я. Чайку выпьешь? Съ ромомъ?

— Не до чаю, мать моя: женихъ меня твой беспокоить, — до сей поры нѣту.

— Придетъ, время еще довольно. Поди, посмотри на мнѣ платье.

Сваха вошла къ хозяйкѣ и, не говоря ни слова, повернула ее раза три.

— Хорошо. Мѣшки на спинѣ есть, ну, да съ тебя что взять: не невѣста.

— А причесали меня хорошо?

— И причесали чудесно. Вотъ только, по моему, колбасу у тебя кверху высоко пустили.

— Говорила я паликмахтеру, а онъ говорить, что это по модѣ. Шляпку сичасъ на эту колбасу ни за что не надѣть.

— Да кто же это въ шляпахъ на балы ѣздитъ? Накинь легкій платочекъ, вотъ тебѣ и весь гардеробъ. А я какъ, по твоему взгляду, благочинна?

— Ничего, вотъ только, Савишна, у тебя одна щека красная, а другая бѣлая.

— Да неужели? — кинулась она къ зеркалу. — Забыла на другую румянцу пустить. А все изъ-за вась: захлопоталась, запыхалась и внѣ себя полетѣла за каретой. Дай румянцу, мраморная.

— Вонъ возьми на окошкѣ. Кто тамъ?

— Это я-съ, маменька, — откликнулся женихъ, входя со свертками въ рукахъ.

— Ну, вотъ онъ самъ, а ты безпокоилась.

— А ты гдѣ же это запропалъ? — спросила сваха жениха.

— По магазинамъ путался-съ. Главное, моя шляпа «трахъ» замучила: въ пяти магазинахъ былъ, нигдѣ нѣту.

— Какъ нѣтъ? Что ты врешь?

— Право-съ. Какъ спросишь шляпу «а-ля трахъ», такъ сейчасъ изумленіе. «Такой, — говорятъ, — шляпы не было отродясь». Ужь я плюнуть хотѣлъ, да, спасибо, прикащикъ въ послѣднемъ магазинѣ догадался. «Я, — говоритъ, — знаю, что вамъ нужно: художественная шляпа вамъ требуется». Ну, и далъ, а то бы такъ и плюнулъ.

— Показывай художественную. Извѣстно, ежели на пружинахъ, такъ художественно сдѣлана.

— Она безъ пружинъ-съ.

— Какъ безъ пружинъ? Я же тебѣ говорила, что на пружинахъ шляпа «трахъ».

— А я, признаться, про пружины то того-съ, забылъ. Все помнилъ, что «трахъ» называется, а пружины изъ голевы вонъ.

— Батюшки мои, да что же это за дуракъ такой, прости, Господи! Полчаса ему въ банку пружину вколачивала, и то забылъ.

— Я, главное, «трахъ»-съ.

— «Трахъ», «трахъ»! Отцу сказать, чтобы онъ тебя за это трахнулъ хорошенько! Надѣнь шляпу то, покажи, чѣмъ тебя, идола, наградили?

— Шляпа чудесная-съ, и очень мнѣ къ лицу-съ.

— Пень ты дубовый, не къ лицу надо шляпу покупать, а къ фракъ. Говорилъ ты прикащику, что къ фракъ, на балъ, молъ, шляпа нужна?

— Нѣтъ - съ, зачѣмъ - же - съ, я, главное, трахъ съ!

— Тьфу! Сердце мое чувствует, что оболванили тебя, идола! Надѣвай скорѣй!

— Сичасъ, я передъ зеркаломъ-съ, потому передъ зеркаломъ видишь, на которую сторону наклонъ сдѣлать.

Женихъ скрылся съ картономъ въ спальню родителей и минуту спустя явился въ касторовой шляпѣ, напоминавшей собою скорѣе зонтикъ, чѣмъ шляпу; такіе зонтики-шляпы можно встрѣтить только у самыхъ отчаянныхъ художниковъ, да у факельщиковъ мелкаго разбора.

Сваха, какъ стояла, такъ и упала на стулъ.

— А вѣдь хорошо, Савишна! — похвалила хозяйка, любуясь сыномъ, — чистый тальянецъ!

— Очень хорошо! — выговорила, наконецъ, сваха, приходя въ себя отъ изумленія, — вручить ему теперича въ руки, идолу, смоляной факель и отправить въ похоронную бюру, сичасъ двадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованья дадутъ!

— Не то-съ? — съ испугомъ спросилъ женихъ.

— Да лѣшій ты кедровый! Ну, какой же это дуракъ на балъ покойницкія шляпы погуляетъ, а? Что ты невѣсту-то на Ваганьково, что-ли, провожать собрался, а?

— Я-съ что-же-съ, это все прикащикъ-съ.

— Тьфу! Слѣпой курицѣ, видно, все пшеница! Глаза-то, глазищи-то твои оловянные гдѣ были, спрашивается?

— Да я почему-же знаю-съ, — чуть не плакалъ женихъ, — говорю, дайте трахъ, а они, жулики-съ, ей-Богу жулики-съ, вижу, шляпа

мягкая-сь, и на голову годится, и подь себя положить—не сомнется, значить, самая бальная-сь...

— Нѣтъ, это просто удивляться надо, гдѣ такіе дураки родятся! Голову ты мнѣ срѣзала своимъ трауромъ.

— Я, пожалуй, сѣзжу... переменить...

— Да ты гдѣ купишь-то?

— Не то на Тверской, не то на Петровкѣ-сь...

— Не помнить даже гдѣ! А время всего часъ остается, тѣфу! Убилъ! До смерти убилъ!

— Какъ-же быть-сь, въ картузѣ-сь?

— Да, можно, ничего, Савишна и въ этой шляпѣ сойдетъ! — вмѣшалась хозяйка.

— У васъ, чертей, все сойдетъ. Мой онъ кліентъ, али нѣтъ? Кто за него отвѣчаетъ: я, али ты? На смѣхъ его везти прикажешь? Да онъ однимъ своимъ видомъ невѣсту въ гробъ уложить... Какъ взглянетъ на его похоронную бюру, такъ сейчасъ разрывъ сердца пополамъ... Связалъ же меня съ ними лѣвій на горе!

— Савишна, тутъ у сосѣда-жильца шляпа есть, только она котелкомъ; ежели попросить, можетъ дать.

— Ужъ лучше въ котелкѣ ѣхать, чѣмъ въ сковородкѣ... бѣги скорѣй, идола, за шляпой... какъ онъ еще широгомъ шляпу не купилъ, еще бы великолѣпнѣе вышло! Прямо бы его на козлы.. Тѣфу! Самъ то что-жь не одѣвается?

— А онъ, Савишна, въ лавкѣ мундирится,

у насъ тутъ гдѣ же, тѣснота... Перчатки мнѣ сичасъ надѣтъ, али когда въ карету сядемъ?

— Для чего-жь ты сичасъ напялишь? Ежели для меня, такъ мнѣ на это наплевать... я тебя во всѣхъ видахъ видала.. Ну, что, раздобылся шляпой?—спросила сваха влетѣвшаго жениха.

— Даль - съ.. шляпа почти новенькая, только мала немножечко-съ.

— Ну-ка надѣнь, я погляжу... тьфу! Ровно съ десятилѣтняго ребенка стащилъ.

— Ничего-съ, я ее растяну-съ...

— Другому доброму вору—все въ пору, а у тебя нѣту этого счастія! Одѣвайся ужъ скорѣй, дорогой въ каретѣ шляпу распялишь.

— Сичасъ-съ.

— Все купилъ? И галстукъ, и башмаки, и духовъ?

— Все-съ. Башмаки великолѣпные-съ... воровать въ нихъ хорошо-съ, не слышно даже шаговъ-съ.

— Бальныя, оттого и хороши, а жилетку съ брюками взялъ на прокатъ?

— Взялъ-съ. Насилу одинъ жидъ далъ-съ... «Вы,—говорить,—насаждаете на платьѣ разныхъ пятенъ, а потомъ куды я ихъ дѣну?» Жилетка ничего, въ пору-съ, а вотъ брюки какъ быдто коротеньки.

— Длиннѣ бы взять.

— И были у жида, да только ужъ очень длинныя-съ, сапогъ даже не видать-съ, словно брюки то изъ земли растутъ-съ... жидъ отсчитывалъ: «Со стороны,—говорить,—видъ глупый, какъ быдто брюки идутъ, а не человѣкъ».

— А короче еще хуже.

— Ничего - съ, обдерву - съ, и жидъ говоритъ: «Вы, говорить, ихъ безъ помочей надѣвайте и все обдергивайте, все обдергивайте...

— Еще супризь! Ну, какъ тебя не бить, а? Да до того ли тебѣ будетъ, чтобъ ежеминутно брюками заниматься? Ты все вниманіе на невѣсту долженъ устремить, а не ва брюки.

— Ничего-съ, я могу и на то, и на другое.

— Одѣвайся ужь иди и кажись! — махнула на него сваха. — Молсбень, кажется, отслужу, только бы мнѣ съ рукъ эту свадьбу сбыть! Не досыпаю, не дождаю изъ-за васъ, лѣшихъ, прости Господи! Да ежели свадьбу скоро не сыграете я захвораю, истинный Богъ захвораю, потому всѣ невры вы мнѣ своими невѣжествами испортили...

— А ты учи, Савишна, — проговорила хозяйка, поднося свахѣ рюмку съ мадерой. — На дорожку хорошо выпить... выкушай!

— Лаской только вы меня своей смягчаете, а то давно бы отъ васъ отказалась! — выпила сваха рюмку и поклонилась хозяйкѣ. — Скоро чтоль, мраморный?

— Готовъ - съ... брюки дѣйствительно - съ того-съ... высокопарные-съ...

Женихъ явился совсѣмъ одѣтый въ фракную пару и повернулся для «полнаго обозрѣнія» налѣво кругомъ.

— Господи! Уродится же такое «дите» верстовое! Ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ! Ну, на кого ты похожъ въ этихъ брюкахъ? Посмотри, мать родная, полюбуйся на свое дѣтище кургузое...

— Брюки ничего; коротеньки, такъ это

что же?... Ты, Архипушка, одерни ихъ къ низу... еще... еще... да дерни съ фусердіемъ то, авось не разорвешь...

— Нельзя-съ, маменька...

— Одергивай, коли тебѣ мать гонорить.

— Нельзя - съ, потому они, каторжныя, сичасъ изъ подѣ жилетки выступаютъ... окончаніе имъ въ верху скорое-съ... никакого продолженія нѣту-съ.

— Ну, вотъ, видишь? Годится онъ въ такомъ видѣ на обрученіе, али нѣтъ?

— Коротеньки, коротеньки... Какъ же это ты такъ, Архипушка?

— Да не было больше-съ... то длинные, то короткіе-съ... и жидъ говорить, что ростъ у меня совсѣмъ глухой... Не подѣ кадрель жидовскимъ брюгамъ...

— Коротеньки, коротеньки...

— Чего тутъ коротеньки, когда чулки на два вершка видвы?... Арлебинъ, а не женихъ, сейчасъ провалиться... брюки черныя, башмаки черныя и вдругъ бѣлый антрахтъ по ефіопской модѣ... тьфу!

— Я могу и сѣрые... у меня сѣрые есть-съ...

— Чего сѣрые?

— А чулки-съ... только онѣ шерстяныя и съ полосочками...

— Да что ты въ зебры захотѣлъ для обрученія то? Ахъ, идолъ неотесанный! Нѣтъ, ты сядь попробуй, сядь, я погляжу, куда твои брюки уѣдутъ...

— Сѣлъ-съ.

— Фокусъ, а не брюки! До колѣнокъ уѣхали... тьфу! Сымай, мраморный...

— Да вѣдь нѣту другихъ-съ... сѣренкѣе есть...

— Все у тебя, у идола, сѣренкѣе... голову съ меня сняли!

— Савишна, по моему и эти брюки сойдутъ, — замѣтила хозяйка, — замѣсто башмаковъ только надо сапоги надѣть... антрахту то у него видно и не будетъ...

— Надѣвай ужъ сапоги, махнула сваха въ отчаяніи. — Не мучьте меня только, Христа ради. Черти каторжные! Все у нихъ шиворотъ на выворотъ, не какъ у людей: то узко, то широко, то длинно, то коротко... тьфу! Одѣвайтесь скорѣй, глаза мои на васъ больше не глядятъ!

XIX.

Спусти полчаса, Крутозобовы, крестясь, влѣзли въ карету въ сопровожденіи свахи и забарабанили по стекламъ. Кучеръ мотнулъ головой и проѣхался кнутомъ по россиянкамъ.

— Давай Богъ путь счастливый! — проговорила сваха, разваливаясь въ каретѣ. — Грѣшница, люблю я въ каретахъ ѣздить; сидишь себѣ словно въ комнатѣ и никакого ненастья не чувствуешь: ни снѣгъ тебя, ни дождь, ни вѣтеръ не попроберутъ.

— На что ужъ лучше, — согласилась Крутозובה. — Экипажъ дворянскій.

— По моему, маменька, на лихачѣ лучше прокатиться, — замѣтилъ женихъ, распыливая руками шляпу.

— Много ты смыслишь, мраморный, ты знай вотъ шляпу то на свой болванъ подгоняй.

— Растягиваю-съ, только, кажется, ни шиша изъ этой операциі не выдетъ - съ, мала - съ; умный, кажется, господинъ, котораго эта шляпа, а голова глупая-съ.

— Не разорви, Архипушка, чужую вещь то.

— Разорвать невозможно-съ... Теперь какъ будто въ пору стала.

— А какъ же ты ее, мраморный, назадъ то отдашь?

— Обнаковенно, съ благодарностью-съ.

— Да вѣдь она, шляпа то, апосля твоего болвана на носъ ему залѣзетъ.

— Ничего-съ, я бумажки за кожу подложу, и потомъ она сѣсть должна, окуну ее въ воду и высушу, въ свой фасонъ и взойдетъ-съ... Кучеръ то знаетъ, куда ѣхать-съ?

— Сказывала ему, долженъ знать... заикающій онъ, положимъ, и косить на двѣ губерни, но память, кажется, есть... Спросить, впрочемъ, недолго, спрошу сейчасъ.

Сваха опустила у дверцы стекло, высунулась наружу и крикнула:

— Эй ты! Кучеръ! Кучеръ!

Кучеръ не откликался и только поминутно подхлестывалъ своихъ россинантовъ, крутившихъ и ушами, и хвостами.

Тьфу! И глухой притомъ! Селифа-анъ! Кучеръ! Глухарь мраморный!

Глухарь въ отвѣтъ взмахнулъ кнутомъ и концомъ угодилъ свахѣ по носу.

Сваха взвизгнула и юркнула въ карету.

— Вытянулъ - таки, идолъ каменный! Да какъ больно съѣздила то... Мраморная, погляди, чай, рубецъ выступилъ.

— Ничего не видать, Савишна, да и съ чего рубцу быть, чуть-чуть задѣлъ.

— Тебя бы, мать моя, такъ вытянуть, у меня зеленые огни изъ глазъ посыпались... Глухаго, совсѣмъ глухаго кучера намъ под-сунули...

— Да какъ же ты не видала, когда его брала?

— Да что же я докторъ, что ли, чтобъ его свидѣтельствовать? Не на вѣкъ, чай, брала, на одинъ вечеръ... Архипъ Семенычъ, у тебя голосъ то помоложе, скричи ему, можетъ, и услышитъ каторжный.

— Сичасъ-съ, вы только пересядьте на мое мѣсто, а то мнѣ неподручно-съ.

— Да какъ же я пересяду, умная голова? Потолокъ низкій и простору никакого.

— Перекатитесь...

— Катайся самъ, а я стара для твоей им-настики... Кричи кучеру!

— Ужъ очень неспособно-съ, между прочимъ, попробую-съ съ маменькиной стороны, чтобъ васъ не беспокоить.

— Хоть съ бабушкиной, только спроси у этого дурака: запомнилъ-ли онъ адресъ?

Женихъ высунулся изъ окна и крикнулъ:

— Кучерь-съ!... Кучерь-съ!

— А ты погромче, навяззли же глухого дѣшаго намъ на шею. Кричи!

— Кучерь-съ! — кричалъ тотъ, — гужеѣдъ-съ!

— Да ты высунься подальше, — посовѣтовала мать, — онъ и услышитъ.

Женихъ «высунулся подальше» и, потерявъ балансъ, поѣхалъ къ низу.

Ноги его, задѣвъ сапогами физиономію свахи, въ одинъ моментъ очутились у потолка кареты.

— Держите-сь, погибаю! — крикнулъ онъ отчаянно, хватаясь за подножку кареты.

Мать съ отцомъ схватили ноги злосчастнаго жениха и пригнули ихъ себѣ на колѣни.

— Тьфу! — выругалась сваха, барабана неистово по переплету переднихъ стеколъ, — шагу онъ не можетъ безъ приключеніевъ... Мраморный, стой! Стой, тебѣ говорятъ, сѣдокъ наружи болтается!

— Стой! Стой! — кричали въ свою очередь Крутозобовы, не выпуская изъ рукъ жениховскихъ ногъ.

— Спасите-сь, тятенька! маменька! — оралъ женихъ, тщетно стараясь выпрямиться.

Кучеръ, наконецъ, услыхалъ стукъ и крикъ и остановилъ лошадей.

— Да ты чтожь это, лѣшій нечесаный, лупишь-то? — выскочила сваха изъ кареты, — тебѣ кричать, стучать, а ты и въ усь не дуешь, мраморный?

— Ло...ло...ло... — началъ тотъ.

— Говори, что хочешь, только стой на мѣстѣ... Мраморный, висишь? — справилась она у жениха, обѣгая кругомъ кареты.

— Висю-сь...

— И какъ тебя это нечистый угораздилъ перевѣситься? То ись куды съ тобой ни по-

ѣдешь, безпремѣнно какой нибудь сужеть выкинешь. Кучеръ, ты бы слѣзъ съ козелъ, да подсобилъ мнѣ сѣдока въ карету вшихнуть.

— Ка...ка...ка...кого?

— Ослѣпъ, что-ль? Видишь, перегнулся пополамъ и на манеръ бѣлья на веревкѣ болтается

— Не...не.. мо-о...гу...ло...ло...ша ..

— Ахъ, чтобъ тебя на три части разорвало съ твоимъ языкомъ! Одна ужь попробую. Давай руки, выпрямляйся теперь, выпрямляйся, вотъ такъ, мраморный, а вы что-жь тамъ спите въ каретѣ-то? Тащите его въ нутро за ноги. Ну? Дергайте, тѣфу! Да дергайте - же, лѣшіе, прости Господи!

— Ничего не выходитъ, — отозвался самъ, — застрялъ на желудкѣ.

— Я самъ чувствую, что застрялъ съ, — жалобно проговорилъ женихъ, держась за сваху. — Окна тоже, черти, дѣлають съ, — для ущемленія сѣдоковъ съ.

— Счастье уже твое такое дурацкое... Куда нось ни сунешь, вездѣ застрянешь!... Что, не идетъ въ нутро?

— Никакимъ манеромъ, Савишна, — отвѣтила сама, — нужно же быть грѣху... Господи!

— Тятенька съ, ломайте окно съ... не могу же я весь вѣкъ въ такомъ положеніи.

— Постой, сломать недолго, да толку изъ этого, акромья убытку, не выйдетъ ничего... пусти мои руки.

— Вы куда съ? Не пущу съ!

— Вонъ тамъ, словно, городской вдали ходитъ, позову его на помощь... И въ пере-

уложь-то глухой заѣхали, ни одной живой души нѣту... повиси, мраморный, чуточку, пока я за нимъ сбѣгаю.

— Я и такъ до сыта нависѣлся-съ... даже въ голову ударило-съ...

— На двѣ минуты только... Авось ужъ не графъ какой, можешь повисѣть еще малость.

— Не могу-съ... нависѣлся-съ...

— Тыфу! Городовой! Го-ро-до-во-о-ой! — затянула сваха, — кучеръ, кричи, мраморный, городского...

— Го-го-го-го...

— До свѣта преставленія онъ его не дождется! Мраморная, вылезай изъ кареты и бѣги за городовымъ... Ну, что еслибъ тебя невѣста въ такомъ положеніи увидала, ни за что бы замужъ не пошла... срамота! Женихъ и вдругъ въ окнѣ кареты завязъ...

— Я не виноватъ-съ... потому одно узенькое-съ... тутъ всякій можетъ погибнуть-съ...

— А ты, какъ поѣдешь вѣнчаться, изъ окна не высовывайся, а то никакой свадьбы не выдетъ... Постой, городской сюда бѣжить... Кавалеръ, а кавалеръ! — крикнула она подбѣжавшему городовому.

— Что прикажете?

— Несчастіе махонькое у насъ случилось, мраморный... Молодой человѣкъ въ окнѣ завязъ... высунулся изъ него, чтобы кучеру сказать, да съ большаго ума и перевѣсился — ослобонить теперича его надо.

— Ужъ сдѣлайте милость, кавалеръ, — крикнули изъ кареты Крутозобовы, — ослобоните!

— Сю минуту. Назадъ его прикажете за-
пихать?

— Назадъ онъ не идетъ, каторжный... пи-
хала уже я его.

— Я назадъ не могу-сь, — перешелъ же-
нихъ изъ объятій свахи въ объятія городо-
ваго, — не иду-сь...

— То-то вотъ, каша за обѣдомъ не надо
было ѣсть... Нажрался, вотъ теперь и торчи
въ окнѣ въ наказаніе...

— Я его впередъ тащить буду.

— Тащи, мраморный, тащи... Куда хочешь
тащи, только ослободи отъ заключенія.

— Разъ... два... идетъ, что-ль? — справился
городовой.

— Идетъ, идетъ! — раздались радостно го-
лоса въ каретѣ. — Слава Тебѣ, Господи!

— Я самъ чувствую, какъ иду-сь, — замѣ-
тилъ женихъ, котораго городской дернулъ еще
разъ и поставилъ на мостовую.

— Спасибо тебѣ, кавалеръ, даже большое
французское мерси. Медаль бы тебѣ за спа-
сеніе погибающихъ слѣдовало за это. Ну, а
ты что же ротъ то разинулъ? — крикнула сва-
ха на жениха, — отмерси кавалеру, да и по-
лѣзай въ карету.

— Со мной несчастье-сь, сейчасъ только
вспомнилъ-сь, шляпу то, вѣдь я потерялъ-сь.

— Тьфу! Часъ отъ часу не легче! Голову
съ меня сымутъ непутевые, ну, бѣги, ищи
скорѣй, пока кто не подыметъ.

Женихъ бросился вдоль переулка. Сваха по-
трясла руку «спасителю» и залѣзла въ карету.

— Шляпу вашъ балбесъ потерялъ, — доложила она родителямъ.

— Да какъ не потерять, Савишва? Минутъ съ десять чай внизъ головой висѣть.

— Ну, а поднятъ ежели кто? Какъ мы его на балъ-то съ непокрытою головой приведемъ? Ну, будь еще онъ женскаго полу — дѣло десятое, можно и раскрывши, а то женихъ вѣдь?

— Гдѣ-нибудь по дорогѣ купимъ, теперь магазины еще открыты.

— Когда меня нелегкая только развяжетъ съ вами, всю нутренность мою наизнанку выворотили.

— Случай такой, Савишва, вышелъ.

— У него все случаи! Не найдетъ онъ шляпу, помяните мое слово — не найдетъ.

— А можетъ быть, Богъ дастъ, и найдетъ.

— Рази долго ее поднять? Мужикъ подыметъ — въ кабакъ пропьетъ, баба найдетъ — кошкѣ для спанья домой снесетъ. Ахъ, и забыла я совсѣмъ кучера то нашего спросить. Эй, мраморный! Кнутъ дурацкій! — выѣзла сваха изъ кареты, — адресъ-то тебѣ извѣстенъ, куда ѣхать?

— Зна... зна... ю...

— И чудесно, только ты къ шляпному магазину заѣзжай, какъ увидишь шляпу на огнѣ, такъ и остановись: потерялъ, который повѣсившій-то...

— Слу... слу... слушаю...

— Ну, вотъ... да ты, мраморный, глухъ, я вижу?

— Нѣ... нѣтъ... къ по... по... по... го... дѣ за... за... кла... ды... ды...

— А ты не закладывай, вернемся домой, вдребезги напейся, слова не скажу.

— Ва... ваешь у... уши! — закончилъ ку-черъ.

— Уши закладываетъ? Это и со мной, мраморный, часто бываетъ, это ничего, за галстукъ только, сдѣлай милость, не закладывай.

— Хо... хо... хо... хо...

— Хорошо и чудесно. Не разговаривай много, простудишься, а вонъ и женишокъ мой опалѣлый бѣжить. Нашелъ, что-ль, голлову-то?

— Нѣтъ-съ, пропала-съ.

— Я это и безъ тебя знала, садись скорѣй въ карету, а то опоздаемъ, мраморный!

Женихъ съ свахой влѣзли въ карету; карета тронулась.

— Не столько шляпы жаль, сколько неприятно, что она чужая, — заговорила сама, — какъ съ хозяиномъ теперича раздѣлаешься?

— Новую ему купимъ, только и всего, — отвѣтилъ самъ. — Подыми стекло-то, башку простудишь.

— Ничего тятенька-съ, она у меня здоровая.

— Да ужъ на что здоровѣе, весь корпусъ перетянула, свинцомъ она у тебя, я вижу, налита, не голова, а свинчатка.

— Какую ужъ Богъ далъ, — замѣтилъ самъ, — и съ этой проживетъ.

— Извѣстно, перемѣнить теперъ невозмож-

но. А ты нонче какъ можно нѣжнѣе съ невѣстой-то будь, чтобъ всѣ гости видѣли, какъ ты ее обожашь.

— Это вы насчетъ улыбки-съ?

— И насчетъ улыбки, и насчетъ хорошихъ словъ. Эхъ, забыла я тебѣ книжку принести. Великолѣпная книжка, на Никольской ее за полтинникъ купила, въ ней всѣ куплименты пропечатаны, которые кавалеръ долженъ дѣвицѣ говорить.

— Я и безъ книжки-съ ничего-съ.

— То-то вотъ, что ты ничего, а тамъ всякое обращеніе прописано и даже въ которомъ мѣстѣ вздохнуть указано. Я тебя хорошо знаю, ты сперва вздохнешь, а потомъ невѣстѣ слово: «ахъ, какъ вы мнѣ ндравитесь!» А въ книжкѣ все по благородному, шиворотъ навыворотъ, сперва кавалеръ пуститъ: «ахъ, какъ я пламенѣю отъ вашихъ взглядовъ», а потомъ ужъ вздохнетъ, какъ будто ему и всамдѣлѣ отъ дѣвицы жарко стало...

— Это все равно-съ. Я могу, пожалуй, и апосля вздыхать, для меня никакого разсчета въ этомъ нѣту-съ.

— Вздохи-то вздохами,—прервалъ ихъ разговоръ самъ,—а только по настоящему. по христіанскому нонче бы половину приданныхъ денегъ получить надо.

— У тебя все деньги, мраморный, на умъ! Можетъ, и отдадутъ, а не отдадутъ — подождешь, деньги вѣрныя.

— Такъ-то, такъ, Савишна, а все-таки оно

какъ будто спокойнѣе, какъ задатокъ-то получишь, право, много спокойнѣе.

— Да ты что же ихъ за жуликовъ считаешь, а?

— Ни за кого я ихъ не считаю, а порядокъ соблюдаю.

— Ну, ты этотъ свой порядокъ и держи въ своей лавкѣ, а въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не суйся: дадутъ — хорошо, не дадутъ — не проси.

— Я тебя хотѣлъ просить, чтобъ ты намекнула, дескать, положеніе у ихъ такое... Тебя учить нечего, между прочимъ, сама всякія убѣдительныя слова знаешь.

— Учить меня дѣйствительно нечего, потому и пословица говорить, что ученаго учить только портить, но только говорить я имъ не стану: неблагогородно это, мраморный, какъ будто ты сумлѣваешься въ ихъ...

— Да ты такъ какъ нибудь, обинякомъ...

— И обинякомъ не могу, потому меня разъ за такой обинякъ съ третьяго этажа сверзили, какъ жива осталась, удивляться надо. Авось сами догадаются, а не догадаются — наканунѣ свадьбы вмѣстѣ съ приданымъ отдадутъ.

— Я ужь, Савишна, на тебя надѣюсь...

— Да ужь будь покоенъ, мраморный, знаю, съ кѣмъ дѣло имѣю... Люди благородные, тысячныхъ скакуновъ жениху дарятъ и вдругъ я ихъ словомъ огорчу.

— Тятенька-съ, я могу самъ невѣсть намекнуть-съ на сей предметъ...

— Не смѣй, все дѣло испортишь... Она на

тебя, какъ на спѣлый арбузъ будетъ глядѣть, а ты ей: пожайте деньги!

— Зачѣмъ же такъ грубо-сь?... Я могу издадека-сь... дескать, у меня одинъ товарищъ былъ, которому не дали на благословеньи половину-сь, онъ и отказался отъ невѣсты... но только я не такой-сь, изъ-за такихъ пустяковъ отъ васъ не откажусь-сь.

— Ну, и дуракъ! Ну, и орясина! Да кто-жъ такіе анекдоты барышнямъ рассказываетъ? Она пойдетъ сейчасъ, да отцу и бухнетъ...

— Не о чемъ бухать-сь...

— Дура, думаешь, не пойметъ, для какого рожна ты ей алигорію запустилъ? Не смѣй даже и заикаться объ этомъ... и скакуна отберуть, и меня съ тобой въ три шеи проводить... Жди отъ ихъ сигналу, а самъ въ карманъ не лѣзь...

— Миѣ все одно-сь, я могу и пропустить оный анекдотъ-сь.

— И умно сдѣлаешь. А ежели тебѣ невѣста поднесетъ деньги, — все можетъ случиться, что они ваши обычаи и знаютъ, — такъ ты не вздумай ихъ считать.

— Какъ же безъ счету-сь? Можетъ, даже фальшивыя которыя попадутся; у насъ на дворѣ одинъ женился, такъ ему тестъ три четвертныхъ всучилъ; пошелъ онъ къ нему на другой день обмѣнять, а тотъ: это, говорить, не мои, мои всѣ настоящіе! Жуликъ-сь!

— Ну, вотъ возьмите его, дурака! Голову онъ съ меня сыметъ. Не смѣй считать, а положи довольно неглиже въ карманъ и невѣсту въ ручку.

— Тятенька, не считать-съ?

— Ежели Савишна говорить не надо, значить не считай, авось не обочтутъ.

— Да не нарочно, тятенька, а просчитается и замѣсто десяти-то сотельныхъ въ тыщу только девять положить-съ?

— Пойдите, никакъ мы, наконецъ, на большую улицу выѣхали? На большую и есть, глядите по сторонамъ, нѣтъ-ли гдѣ шляпнаго магазина... Экъ вѣдь лупить какъ, глухарь косноязычный, ровно ва пожаръ! Тише, мраморный, тише тебѣ говорить, такимъ манеромъ съ тобой и шляпный магазинъ проворонишь.

Изъ-за угла большого дома показался вагонъ конки, кучеръ котораго звонилъ, не переставая.

— Мраморные, да онъ, каторжный, насъ подъ вагонъ угодить!—всполошилась сваха.— Стой, кучеръ! Стой, тебѣ говорить, конка идетъ!... Ахъ, лѣвый косой! Не видитъ онъ конку-то, ей-Богу не видитъ, потому лѣвый глазъ у него на правый бокъ сшибленъ. Стой, морда твоя подкаретная!...

Кучеръ потянулъ возжи, но было уже поздно: дышло вагона съ трескомъ вѣхало въ карету и подняло къверху крышу.

Сѣдоки взвизгнули и какъ горохъ высыпались на мостовую.

— Идолъ косоглазый! — вышла изъ себя сваха.—Налетѣлъ таки на дышло! Тьфу!

Кучера сѣпились ругаться. Собралась толпа, явился городской.

— Мраморные, утекайте поскорѣе,—шеп-

нула сваха Крутозобовымъ, — а то замѣсто благословенія мы въ участокъ попадемъ.

Потерпѣвшіе крушеніе вышли изъ толпы и кликнули извозчиковъ.

— Тятенька-съ, какъ же я безъ шляпы-съ. — проговорилъ женихъ.

— Платкомъ носовымъ накройся, авось въ бабьемъ паратъ до магазина-то можешь.

Женихъ накрылся платкомъ и полѣзъ въ пролетку вслѣдъ за отцомъ.

— Помрешь съ ними, просто безо всякаго покаянія помрешь! — бормотала сваха, залѣзая въ другую пролетку и тыча кулакомъ въ спину извозчика. — Пошелъ! Разинулъ ротъ на происшествіе-то глупое... Ты не косой?

— Богъ миловалъ, — отвѣтилъ возница.

— Ну, слава Тебѣ, Господи, авось теперь безъ анекдотовъ дойдемъ... Пошелъ, мраморный!

Пролетки покатались.

XX.

Не смотря на дорожныя приключенія, Крутозобовы и сваха пріѣхали на «сговоръ» вовремя.

Балъ прошелъ сравнительно благополучно. Невѣста сіяла, а женихъ занимался болѣе брюками, поминутно всползавшими къ верху, чѣмъ невѣстой.

Старики, съ общаго совѣта, рѣшили назначить свадьбу ровно черезъ недѣлю.

— И отличное дѣло, — обрадовалась сваха,

— женихъ съ невѣстой на столько теперича влюбимши другъ въ дружку, что канитель тянуть не къ чему... Обсоюзить ихъ и къ сторуонѣ: живите, молю, мраморные!...

Отецъ жениха на другой же день утромъ прислалъ Архипушку за свахой. Сваха только что встала и по случаю вчерашняго «сговора» охала и пила огуречный разсолъ.

Увидавъ жениха, она встревожилась и чуть не подавилась разсоломъ.

— Что случилось?—бросилась она къ нему на встрѣчу.

— Ничего-съ... особеннаго-съ...

— А неособеннаго то что?

— И неособеннаго ничего - съ... вообще слава Богу-съ...

— Тьфу! Такъ какого-же ты рожна меня пугаешь? Я думала, отъ невѣсты тебѣ какую ни на есть загвоздку прислали... Садись!

— Некогда-съ... тятенька велѣлъ взять васъ и привезти къ себѣ-съ.

— Для чего?

— Не знаю-съ... Слышалъ я мелькомъ отъ маменьки, что быдто для совѣту... Насчетъ то ись свадьбы...

— Понимаю. Я сичасъ! И трудно мнѣ ѣхать, потому въ головѣ чистая канализація происходитъ отъ вчерашняго угощенія, а поѣду...

Спустя часъ она уже входила въ квартиру Крутозобовыхъ и крестилась на иконы. Сама послала за хозяиномъ зъ лавку и предложила свахѣ чаю.

— Квасу-бы лучше, потому все нутро послѣ балу пылаеть.

— И квасу можно. Да ты садись, Савишна... А мы за тобой для чего послали? Сичасъ послѣ свадьбы балъ надо устраивать, а какъ его устроить — неизвѣстно... Квартера у насъ махонькая.

— Да ты ошалѣла, мать моя, гдѣ же это у васъ тутъ балы разводить?... Домъ надо снять...

— Вотъ и самъ говорить, что домъ, а я такъ думаю, что это дорого...

— Даромъ для васъ никто ничего не дастъ. Сынъ - то одинъ, можно и растрясись для него.

— А я хотѣла на дворѣ у жильцовъ... Да вотъ и самъ пришелъ, толкуй съ нимъ...

— Савишнѣ почтеніе! — проговорилъ тотъ, здороваясь со свахой.

— Здравствуй, мраморный... Голова-то у тебя послѣ вчерашняго какъ?

— Затмѣніе махонькое есть.

— У меня тоже... Угощать умѣютъ: и не услышишь, какъ голову потеряешь.

— Пройдетъ, — безъ затмѣнія свадьбы не бываетъ. А я за тобой, Савишна, вотъ зачѣмъ: предполагалъ я Архипкину свадьбу сыграть скромно, повѣнчать ихъ, да и отправить куда-нибудь сутокъ на трое.

— Это куды же ты ихъ на трое сутокъ хотѣлъ? Въ «Титы», что-ль? Такъ и въ тѣ, сказываютъ, нонче мировые меньше какъ на пятеро сутокъ не сажаютъ.

— Ну, вотъ въ «Титы»! Въ прогулку хотѣлъ, до Рязани, что-ль, али до Смоленска.

Нонче это у ристократовъ въ модѣ: перевѣнчаютъ, да и отправятъ молодыхъ за границу.

— Такъ вѣдь то за границу, а ты ихъ въ Рязань хочешь сплавить. Чего они въ твоей Рязани не видали, скажи пожалуйста?

— Ну, вотъ и свать то же самое говоритъ, и такое у нихъ желаніе, чтобъ я балъ сдѣлалъ

— Безпремѣнно балъ. Обожаю я балы. И посидишь, и поговоришь, и выпьешь, и закусишь, и, глядишь, новыхъ кліентовъ подцѣпишь.

— Тебѣ хорошо говорить, а во что эта музыка мнѣ вѣдетъ, скажи!

— Въ первый и въ послѣдній разъ, чай, сына то женишь.

— Ну, еще это неизвѣстно. Попадется бабенка дохлая, глядишь, и помретъ.

— Да тебѣ чего печалиться? Другую невѣсту найдемъ, не дадимъ молодому человѣку зря убиваться

— Другая жена — другіе расходы.

— Другое и приданое, а ты ужъ не сквалыжничай, дѣлай балъ на славу. и себя, и меня не страми. я тебя вотъ какъ расписываю: и доброта то у тебя, и тароватость. .

— Тебѣ чужихъ денегъ не жалъ.

— А ты чего чужихъ жалѣешь? Не свои, чай, затратишь. а невѣстины. Они вчера какой вечеръ закатали, а ты еще лучше нарови.

— Домъ надо нанимать.

— Тутъ у насъ на Замоскворѣчьи домовъ сколько хочешь; только я тебѣ самому не

совѣтую сымать, дороже обойдется, а сдай ты всю эту канитель кондитеру, пушай возьметъ почемъ съ персоны и чтобъ все его было: и домъ, и музыка, и ужинъ, и инераль, и плясунъ.

— Какой инераль?

— А свадебный, для ифекту; инерала съ прокату берутъ. Какая ужъ это свадьба безъ инерала!

— Всамдѣлишнаго?

— Извѣстно, не маргаринового. Маргариновыхъ то я тебѣ десятка два пригоню, да что изъ ихъ толку то? Ни фасону настоящаго, ни аплонбы.

— Плонба то у нихъ для чего же? Заграничные, они, стало быть?

— Не плонба, а аплонба. Коли не понимаешь хорошихъ словъ, такъ молчи лучше. Аплонба это все одно, что видъ. Понялъ?

— Понялъ, пачпортъ, то ись.

— Ну, вотъ и толкуй съ тобой до завтра! Не пачпортъ, а видъ изъ себя этакой, устрашающій, въ трепеть приводящій, понялъ?

— Теперича все понялъ... Ежели кто забунить, али напьется, сверхъ онаго, такъ ему сичасъ инерала для устрашенія... Это ничего, по моему, даже политичнѣе...

— У васъ, чертей, все политично, а какъ зачнете что варганить, ни шиша путнаго не выходить... Про плясуна, смотри, не забудь кондитеру на носу зарубить, да чтобъ настоящаго досталъ, который трезвенный и всякое колѣно завсегда можетъ, артиста всамдѣлиш-

ваго изъ балету чтобъ предоставилъ, съ ручательствомъ.

— Это изъ какого же балету, Савишна?—спросила хозяйка.

— А изъ такого, мать моя, котораго ты не понимаешь. Балетъ то въ Большомъ кятръ видала?

— Это которые ногами разговариваютъ? Разъ, грѣшница, на масляницѣ видѣла. Купили мы съ имъ у барышника билеты, думали, что тамъ насчетъ пѣнія представленіе будетъ, анъ выпелъ ножной разговоръ. Ничего, по моему, хорошаго нѣту, одна предосудительность, она ногой дрыгнетъ, а онъ сейчасъ на колѣнки и руки къ сердцу прижметъ—извѣстно, дуракъ! Да ежели бы я такъ ногой дрыгнула, такъ меня бы мужъ до полусмерти избилъ!

— Дикіе вы люди и больше ничего!—махнула рукой сваха.—Никакого вы представленія понять не можете. Ты думаешь, она ногой то спроста дрыгаетъ?

— Какое ужъ тутъ спроста, чуть было ему, мужчинѣ то, по носу не задѣла.

— Не понимаешь ты балетнаго разговору, а танцорку осуждаешь. По твоему, она его по носу съѣздила, а по балетному, можетъ, она насчетъ браку законнаго согласилась.

— Это ногой то?

— Да, вѣдь, въ балетѣ, мать моя, завсегда замѣсто языка ноги дѣйствуютъ. Ты языкомъ, а балетчицы ногами, всякій по своему кормится... Изъ балету, скажи, чтобы былъ, а то онъ найметъ какого-нибудь фабричнаго за три

цѣлковыхъ и акромѣ конфуза никакого удовольствія не выйдетъ.

— Это можно-съ. Извѣстно, сдать одному подрядъ на все много покойнѣе.

— Да еще какъ покойнѣе то, мраморный. Онъ то, кондитеръ, человѣкъ ко всему привычный и все знаетъ, а ты. глядишь, какое-нибудь обстоятельство изъ виду и упустишь. Правильно?

— Весьма даже правильно-съ.

— Такъ ты его такъ и ряди, чтобъ всякая парадность съ его стороны была, а твои только деньги...

— Сколько же ему давать за это, какъ ты думаешь?

— Рядись съ персоны. Сколько тебѣ на персону денегъ не жалко?

— Да, вѣдь, какія, Савишна, персоны будутъ.. на другую персону и двугривеннаго жаль.. Мою тетушку Арину Степановну хоша бы взять.. ядъ, а не баба... все по ниточкѣ разберетъ и кажнаго ядомъ своимъ змѣинымъ пропитаетъ... я-бы кнутомъ ее, замѣсто угощенья. Какая это персона? Просто швабра!

— На свадьбѣ персонъ не разбираютъ.. пріятная-ли тебѣ персона пришла, али не пріятная—всѣхъ принимай съ радушіемъ... такое ужъ правило заведено... много-ли у тебя народу будетъ?

— Да съ нашей стороны больше десяти человѣкъ не будетъ, много пятнадцать, а съ ихней человѣкъ восемьдесятъ... по крайней мѣрѣ, вчера такъ сватъ сказалъ — и откуда онъ наберетъ такую прорву?

— Знакомство обширное. У тебя сейчас какое знакомство: мучникъ да квасникъ, а у ихъ, что ни знакомый, то алистократъ.

— Платить-то за ихъ я почему долженъ?

— Тьфу! То есть такого сквалыги, какъ ты, мраморный, я и не видывала... Надо вѣдь раскошелиться, али нѣтъ?

— Да ужъ приходится, видно! — развелъ руками хозяинъ, — и не хотѣлось-бы, да партию такую беремъ.

— Вотъ, то-то и есть... и пословица говорить: по одежкѣ протягивай ножки, взялъ хорошую одежду и тани длиннѣе ножку... не какую нибудь вольнодумную берешь, а десятищную!

— Съ этой десятищной-то, видно. всѣ тыщи ухлопаешь, — вздохнулъ тотъ. — гдѣ бы цѣлковый истратилъ; а тутъ десять... Тебѣ, вотъ, сейчасъ шелковое платье подай... а зачѣмъ тебѣ шелковое, спрашивается? Капрызь одинъ,

— Какъ зачѣмъ?

— Совѣмъ ни къ чему... у тебя шелковое есть для парада, а помрешь — все одно въ саванъ одѣнуть, и останется мое платье не надѣванное.

— Тьфу! тицунъ тебѣ на языкъ! Что ты меня хоронишь-то, мраморный?

— Не хороню, а про расходы говорю. Миѣ плевать, живи сколько влѣзетъ, а только зря это все... и балы, и домъ, и...

— А тебѣ - бы свадьбу - то за три цѣлковыхъ сдѣлать? Умень, ахъ, умень, и дуракъ... Ей-Богу дуракъ... Да нонче на три цѣлко-

выхъ и старуху не поѣвчаешь, а не токмо что десятищиную.

— Я не говорю этого, а жалко... зря это все... Такъ ты думаешь, Савишна, все кондитеру сдать?

— Все сдавай въ однѣ руки, большая развязка для тебя будетъ.

— Самъ думаю, что такъ много вѣроятнѣе будетъ... А у насъ тутъ на дворѣ и кондитеръ живетъ; повидимости, человекъ правильный: жену каждый день бьетъ. Не позвать ли его для статистики?

— Это что же за статистика такая?

— Мужское это слово, Савишна, и женщины его понимать не должны.

— Посылай... Ежели мужчина онъ въ своей современности, такъ мы его сейчасъ и законтракуемъ.

XXI.

Хозяинъ отправилъ сына за кондитеромъ. Кондитеръ былъ дома и не заставилъ себя долго ждать. Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ явился къ Крутозобовымъ. Это былъ очень длинный и очень бритый человекъ, лѣтъ пятидесяти, съ очень жиденькими бачками на манеръ запятыхъ.

Кондитеръ молча протянулъ руку хозяину, хозяйкѣ, свяхъ и затѣмъ, не дожидаясь приглашеній, сѣлъ на стулъ, придвинулъ его весьма рѣшительно къ столу и спросилъ, ни къ кому особенно не обращаясь:

— Поминки или свадьба-съ?

— Какія поминки? Свадьба у насъ, — проговорилъ хозяинъ, Аммосъ Θεодорычъ васъ, кажется?...

— Θεοφιлактычъ, но вы на это не обращайтесь вниманія, потому меня для краткости времени зовутъ Θεодорычемъ. Чѣмъ могу служить-съ?

Кондитеръ улыбнулся и обвелъ присутствующихъ величавымъ взглядомъ, который такъ и говорилъ: «Если я вамъ не заслужу, такъ другаго кондитера во всемъ свѣтѣ не найдете».

— А вотъ видишь ли, мраморный, какое у насъ дѣло, — заговорила сваха, — свадьба сейчасъ у насъ.

— Такъ-съ. Дочку выдаете или сына жените-съ?

— Сына женимъ... не моего собственнаго, а вотъ ихняго, — ткнула сваха пальцемъ сперва на хозяина, а потомъ на хозяйку. — И нужно намъ балъ и вечерній столъ, какъ говорится, устроить.

— Пріятно слышать-съ.

— Ну, такъ вотъ ты намъ и скажи, чѣмъ ты можешь насъ удивить?

Кондитеръ нахмурился, надулъ щеки и затѣмъ, перекосивъ ротъ, выпустилъ воздухъ изъ рта.

— Всѣмъ могу-съ, — произнесъ онъ, закрывая глаза. — Все зависитъ отъ цѣны.

— Намъ главное подешевле, — поспѣшили хозяинъ. почесывая въ затылкѣ. — Потому не

Богъ знаетъ, какую мечту беремъ, а другое дѣло, чтобъ не осудили.

— Десятитыщную берутъ! — не утерпѣла сваха. — Нешто для ихъ этакое приданое!

— Савишна, у всякаго свои понятія на счетъ этого, а господину кондитеру все одно-съ, что мы за невѣстой десять тыщъ беремъ, что ничего.

— Все равно-съ, — мотнулъ головой кондитеръ, — хотя вникать въ обстоятельства мы должны завсегда. Обѣдъ у васъ будетъ или балъ съ ужиномъ?

— Балъ съ ужиномъ.

— Только ты, мраморный, такой балъ завивти, чтобъ всѣмъ въ носъ бросилось.

— Возможно-съ... «Эрмитажу» можемъ носъ утереть-съ...

— А ты, Савишна, помолчи... Сынъ, который сичасъ для союза обрученъ, нашъ собственный, слѣдовательно, я ему отецъ и хозяинъ...

— Молчу, молчу...

— Такъ вотъ-съ... Я ужъ, ежели дѣло подойдетъ, все на васъ .. все ваше-съ...

— Понимаю - съ... только вотъ насчетъ дрогъ, вы ужъ сами потрудитесь въ Александровскую бюру-съ обратиться...

— Намъ дроги не нужны...

— Виновать-съ!... Сбился-съ!... Вѣрите-ли, двѣ недѣли каждый день то похороны, то поминки, то похороны, то годовщинки... просто разучился вѣнчать-съ!... У меня сичасъ поваръ такъ на покойникахъ руку набилъ, что

никакого у него маіонезу не выйдетъ... пардонъ-съ...

— Ничего - съ... это бываетъ... все хорошишь, все хорошишь и вдругъ свадьба.

— Вѣрно,— заключила сваха,— я иной на кладбище попаду, начну читать надгробныя надписи и заплачу.. та дѣвицей умерла, тотъ — холостымъ... Господи, думаю, сколько кліентовъ изъ моихъ рукъ вывернулось!

— Такъ вы желаете, чтобы все мое было-съ? — проговорилъ кондитеръ.

— Да-съ. И домъ, и музыка, и инераль, и плясунъ, и ужинъ... вобще весь комплектъ... Песочкомъ ежели гдѣ посыпать, такъ и песочекъ вашъ...

— Можно-съ, противъ дома Кузина ничего не имѣете-съ?

— Ничего... это ужъ отъ васъ зависяще...

— Отлично-съ, музыку мы сейчасъ соображаемъ изъ шестнадцати музыкантовъ. Достаточно-съ?

— Я, право, не знаю-съ. Въ музыкѣ я никакого понятія.

— Подсыпь, троечку, подсыпь для грому, ифекту черезъ эсто больше,—замѣтила сваха.

— Подсыпать ничего не значить, все дѣло въ цѣнѣ-съ, у меня сейчасъ музыкантъ все отборный. Чисто свѣжій грецкій орѣхъ-съ, и трезвость въ мордѣ, и лепертуаръ самый популярный.

— Сволончель хорошую, мраморный, пусти.

— Будьте покойны-съ, ни одного инструмента не упустимъ, для ансамблю-съ мы всѣ

мышинья норки обшаримъ, а настоящаго артиста достанемъ,—все дѣло въ цѣнѣ-съ.

— Это вѣрно. Кто чего стоитъ, такъ и потрафляешь.

— Вино ваше будетъ-съ? Или мнѣ все сладите на аккордъ-съ?

— Извѣстно, на твой хохордъ лучше, ну гдѣ ему съ виномъ путаться?

— Оно, конечно, путаться не стоитъ, — согласился кондитеръ. — На сколько персонъ вы предполагаете балъ устроить-съ?

— На сто, такъ думаю.

— Можно-съ. Количество, собственно говоря, плевое, но можно-съ.

Кондитеръ вздохнулъ почему то и снова закрылъ глаза.

— Чтобъ все на ристократическую ногу было, меньше двухъ красныхъ съ персонъ взять нельзя!—проговорилъ, наконецъ, кондитеръ, обводя хозяевъ веселымъ взглядомъ.

У Крутозобова отъ такой цѣны даже затылокъ вспыхнулъ заревомъ пожара.

— Тоисъ это какъ-съ,—спросилъ онъ, испуганно смотря на кондитера,—двѣ красныхъ?

— Тѣисъ двадцать рублевъ,—отвѣтилъ тотъ, играя часовой цѣпочкой.

— Нѣтъ, ужъ это того-съ... черезчуръ даже, по моему взгляду... помилуйте-съ... какая же это персона на два красныхъ билета брюхомъ можетъ угощенія унести? Которые по недѣлѣ не жрамши, и тѣ на смерть перелопатятся могутъ за половину.

— Ну, что ты понимаешь,—замѣтила сваха,—персона—персонѣ розь... да въ другую

персону я тебѣ на парей полдюжины бутылокъ шипучки волью и она все персоной останется...

— Позвольте, Савишна... извѣстно, вамъ чужихъ денегъ не жаль, но только, по моему взгляду, это черезчуръ-съ... да я вамъ за три цѣлковыхъ любого ломоваго извощика въ гробъ уложу безъ всякаго дыханія, а вы вдругъ двѣ красненькихъ...

— Извините, многоуважаемый, — съ ласковою улыбкой подвинулся къ хозяину кондитеръ, — вы все на утробу уповаете, такъ сказать, всю цѣну на брюхо персоны кладете-съ... а наемъ дома-съ? а музыканты-съ? А инираль-съ? А танцоръ-съ? А официанты-съ? А мебель-съ? А сервировка-съ?

— Видишь, сколько расходовъ, а ты все на брюхо гостей валишь. Извѣстно, гость, какого ты ни возьми, на двѣ красныхъ ни въ жисть не слопаешь, а ты расходы учти.

— Расходы что же-съ, — неувѣренно протестовалъ хозяинъ, припертый аргументами кондитера и свахи къ стѣнѣ, — расходы не ахти что-съ...

— Какъ, не ахти что...

— Савишна, дозвоьте лучше господину кондитеру Аммосу Федорычу...

— Съ удовольствіемъ-съ... первый разрядъ: домъ... триста цѣлковыхъ съ освѣщеніемъ.

— Это за одинъ вечеръ то?

— А тебѣ, мраморный, на годъ бы за эту цѣну?

— Страсть какія деньги жарятъ.

— Съ васъ даже дороже возьмутъ. Дальше

оркестръ музыки, пятнадцать человѣкъ по синенькой — семьдесятъ пять цѣлковыхъ, да дилижеру красненькую, итого подь сотню-сь.

— Подешевле бы какъ, — почесалъ въ затылкѣ Крутозобовъ.

— Можно-сь, только за дешеваго музыканта я не отвѣчаю-сь, дешевый оркестръ переищется даже до ужина-сь и всѣ оперы заразъ портить начнетъ.

— Ты такихъ музыкантовъ бери, чтобъ всѣ во фракахъ были. Недавно я на свадьбѣ была, такъ вся музыка во фрачномъ одѣяніи пилила.

— Фракъ что-сь! У кажнаго музыканта, дорогой ли онъ, или дешевый, не свой, такъ чужой фракъ есть, а разница въ поведеніи и игрѣ-сь: дорогой музыкантъ и лепертуаръ держать модный, и пѣтъ въ мѣру... хватить для фантазіи и никакой оперы не испортить.

— Придется, видно, отецъ, хорошихъ брать, — замѣтила хозяйка.

— Безпремѣнно хорошихъ. На музыкѣ экономить не слѣдъ. Четверную съэкономишь, а на сотенную неудовольствія получишь. Проплылымъ мясоѣдомъ я одну свадебку дѣлалъ, такъ хозяева тоже надумали на музыкѣ съэкономить... срамъ одинъ и вышелъ-сь... всѣ инструменты польку лупятъ, а флейта вдругъ изъ «Демона»... «Не плачь, дитя»-сь! Насосалась, значить и загрустила. Дилижеръ сейчасъ флейту смычкомъ по лбу, а флейта выхватила у сосѣда фаготъ, да дилижера по затылку... всю польку, черти, испортили!

— На-да... надо взять хорошихъ.

— Слушаю-сь. Теперича насчетъ инирала, могу я съ хорошею видимостью меньше двухъ четверныхъ достать? Какъ вы полагаете?

— Только ты цѣльнаго инирала достань.

— Извѣстно, не половинку.

— Не про половинку я тебѣ толкую, а про то, что вашъ братъ тоже свой антиресъ соблюдаетъ.... выиграешь красный билетъ и привезешь либо въ параличъ, либо объ одной ногѣ.

— Зачѣмъ же-сь, у меня знакомство не такое... у меня инираль первый сортъ? Объ одной рукѣ, правда, есть, а чтобы объ одной ногѣ, такого и въ заводѣ нѣтъ-сь.

— Ну, то-то. мраморный, каждому тоже лестно такого заполучить чтобы весь вечеръ на ногахъ ходилъ и всей публикѣ себя показывалъ.

— Только намъ посмирнѣй котораго, да повеселѣй,—замѣтила хозяйка.

— Можно и такого-сь,—согласился кондитеръ,—что кому требуется, извольте! Инираломъ довольны останетесь, заслужу-сь!

— Заслужи, заслужи, я тебя и на другія свадьбы лекомендовать стану, у меня практика обширная, у другаго доктора столько пациенту нѣту, сколько у меня... такъ ты долженъ меня уважать!

— Мы всегда уважать можемъ-сь, увидите сами-сь.

— Главное, чтобъ цѣльный инираль былъ, и чтобъ каждая косточка при немъ существовала, а то, намедни, на свадьбѣ у Пережаровыхъ такимъ инираломъ публику угостили, что

хозяинъ-то чуть со стыда не провалился, нога въ параличѣ, языкъ въ параличѣ и глаза въ параличѣ... сидитъ у стола, пьетъ и мычитъ, и не инираломъ апосля оказался, а какимъ-то турецкимъ подданнымъ, его бы въ музей для рѣдкости, а кондитеръ на свадьбу приволокъ.

— У меня инираль живой-съ, а то неугодно-ли графа-съ, я графа сейчасъ въ моду ввожу, потому инираль прѣлся... антиресу ужъ у публики къ нему настоящаго нѣтъ...

— И графа, хорошо, цѣльный онъ у тебя?

— Цѣльный-то онъ цѣльный, — потрепаль свои бачки кондитеръ, — только не русскій онъ графъ...

— Ужели турецкій?

— Вендерскій-съ... подымайте выше!

— Это откудова шарманка къ намъ идетъ?

— Вѣроятно, что изъ сихъ мѣстностей.

— Да настоящий ли онъ, графъ? Можетъ, вретъ, шарманка безпутная?

— А шутъ его знаетъ, говорить, что графъ, и отъ другихъ тоже слышалъ, что настоящий графъ, и не простой, будто, а владѣтельный, только австрійскъ у него всѣ владѣнія отобралъ.

— Мраморные, а что вы думаете, не пуститъ ли намъ на свадьбу замѣсто инирала то графа вендерскаго? А?

— Какъ тебѣ сказать, Савишна, мы люди темные, тебѣ виднѣй, можетъ, онъ цѣну заломить графскую? Вендерцы, вѣдь, они народъ какой-съ, жулики-съ.

— Покуда я его въ моду ввожу-съ, онъ у меня дешево ходить, можетъ, черезъ годъ и

въ сотенную свою морду цѣнить будетъ, а сейчасъ—со смиреніемъ-съ.

— А по нашему то онъ лопочеть? По вендерски то мы ни рожна не понимаемъ.

— Отлично говорить, только у него разговоры больше все про лошадей.

— Смотри, не цыганъ ли съ Конной твоей графъ то вендерскій?

— Какъ это возможно, у цыгана совсѣмъ ухватка другая, а этотъ себя по благородному держитъ.

— Въ мундирѣ онъ у тебя?

— Въ вендеркѣ-съ, а сапоги длинные съ кисточками.

— Да онъ не изъ хору ли вендерскаго?

— Напрасно вы сомнѣваетесь, я зря рекомендовать не стану-съ.

— Такъ то такъ, а вдругъ напьется на свадьбѣ, да и запоетъ какую ни на есть вендерскую канитель, весь ифектъ къ лѣшему на рога полетитъ.

— Онъ не пьетъ.

— Всѣ вендерцы пьютъ, не ври...

— Да вѣдь что пить, выпьетъ стаканъ, другой хорошаго вина и довольно.

— Поди, учти его на свободѣ то... Такъ какъ же рѣшаете: инирала пригласить, али графа безвладѣтельнаго?

— Право, Савишна, трудно опредѣлить... и то, и другое хорошо по нашему.

— Любое выбирайте, вы свадьбу играете, вамъ и ифектъ выбирать.

— Возьмите графа-съ, — замѣтилъ кондитеръ.—По крайности новость, на манеръ фрук-

ты банану-сь, и собой не дуренъ, для барышней находка-сь, потому танцовать можетъ пять часовъ къ ряду безъ передышки и безъ всякаго поту, совсѣмъ сухой кавалеръ-сь.

— Намъ не барышнямъ угождать надо, а всей почтенной публикѣ... чтобъ всѣхъ проняло.

— Графъ пройметъ, будьте покойны... со стариками онъ про лошадей поговорить, а съ барышнями потанцуетъ.

— Дѣло не мое, какъ они хотятъ.

— А мы на тебя все упованіе... Главное, объ томъ заботиться надо, чтобы съ эстой Венгріей въ какую-нибудь скверную Австрію не влетѣть.

— Будьте покойны,—остановилъ кондитеръ Крутозобова.—За маіонезъ не могу ручаться, потому, онъ отъ поварской фантазіи въ зависимости, а за графа головой отвѣчаю.

— Мраморные, берите графа, Богъ съ нимъ. Пушай вендерецъ русской деньги понюхаетъ. Правду это я, Насосъ Ѳедорычъ?

— Аммосъ, а не насосъ. Насосомъ воду качаютъ-сь.

— Приглуховата я маленечко, и притомъ въ святыхъ невѣжлива, не упомяну всѣхъ. По моему, мраморные, графъ, хоша онъ и шарманочной вѣры, а все-таки графъ. Всему Замоскворѣчью носъ утремъ.

— Это дѣйствительно,—согласился хозяинъ, барабана пальцами по столу.—Только какъ бы надсмѣшку не пропустили.

— Какую надсмѣшку?

— Обноковенную-сь. Иниралъ все-таки ини-

ралъ, а у вендерца вѣдь на лбу не написано, что онъ изъ графскаго достоинства перваго сорту.

— Вотъ дурачье-то, прости меня, Господи! Да что-жь, по твоему, графъ то овощная лавочка, что-ли, чтобы на него вывѣску вѣшать? Кричи, что графъ, только и всего; и я буду кричать: «обратите, дескать, полное свое вниманіе на вендерскаго графчика». Пропустимъ слухъ, всѣ глаза и вытаращать. Во хмѣлю то онъ смиренъ?

— Докладываю вамъ, что акромья благороднаго вина викакого сиводеру не вкушаетъ.

— Да что ты мнѣ все благороднымъ въ носъ тычешь, мраморный? Словно благороднымъ нахлестаться невозможно?

— Нельзя-съ. Кто впился въ благородныя вина, отъ того никакого дебошу ждать невозможно, потому благородныя вина не опьяняютъ человѣка, а только подкрѣпляютъ и увеселяютъ.

— А пиво, по твоему, хмѣльной напитокъ, или нѣтъ?

— Пиво-съ? По моему мнѣнію, квасокъ-съ.

— То-то, квасокъ! Я одного нѣмца женила, и какъ путнаго его спрашивала: пьешь что или нѣтъ? «Акромья пива,—говорить,—ничего». Ну, что такое, думаю, пиво: тотъ же квасъ. Подошелъ день свадьбы, я съ невѣстою въ церковь пріѣхала, а его нѣтъ. Ждемъ-пождемъ—нѣту. Я къ нему, а онъ, чтобъ ему крапивою въ тощакъ подавиться, лежитъ какъ сороковая бочка; два ушата на него воды вылили, всѣ бока протыкали, можетъ, съ мил-

ліонъ ему чертей насулили — спить! Такъ и плюнули. Черезъ недѣлю ужъ его, каторжнаго, обсоюзила. Справлялъ мальчишникъ накзнувъ свадьбы и утонулъ въ пивѣ.

— Можетъ быть, выпилъ ведро?

— Ведро! Ведромъ сосиську съ ногъ не свалишь, а не токмо что нѣмца иностраннаго. Нѣмецъ, сказываютъ, и родится то на свѣтъ съ кружкой пива въ рукѣ и цыгаркой въ зубахъ. Ведро! Не видалъ ты моего нѣмца, а споришь.

— Я не спорю-съ...

— Онъ у меня сичасъ изъ нѣмецкихъ барабанщиковъ и при такомъ чревобѣси, что ни на ученье, ни на войну казеннаго барабана не бралъ, а на собственномъ брюхѣ всякую германскую зорю палками выбивалъ... такъ сколь много въ такой барабанъ пива можно помѣститъ? Пять ведеръ безъ всякаго штрафа упрячешь, а ты вдругъ ведро!... Стыдно, мраморный! Ему Бисмаркъ, можетъ, не одну медаль за его барабанъ пожаловалъ, а ты пива жалѣешь... Такъ графа, что-ль?

— Пожалуй, что и графа, Савишна, — согласились Крутозобовы.

— Валяй графа! Удивимъ Иврону шарманщикомъ!...

— Слушаю-съ... Графомъ заслужу-съ... потому, акромья поведенія, при немъ всякія натуральвыя достоинства...

— Жарь графа!... Пуцай затылки расчесутъ... Плясуна-то ты откуда возьмешь?

— Настоящаго возьму-съ, балетнаго-съ.

Который сичасъ всякимъ танцамъ обучить можетъ.

— Вы подешевле котораго, это вѣдь не музыка,—замѣтилъ хозяинъ,—музыка можетъ всякій танецъ испортить, а плясунъ дѣло излишнее.

— А ни одна свадьба безъ него, мраморный, не обходится.

— Для конплету больше приглашаютъ.

— Для конплету, али не для конплету, а безъ плясуна все одно, что безъ рукъ. Трезвеннаго только, мраморный, достань, не изъ фабричныхъ.

— Зачѣмъ изъ фабричныхъ, мы артиста настоящаго пригласимъ.

— Вотъ это такъ, а то я былъ на одной свадьбѣ, гдѣ плясунъ изъ русскихъ былъ, не то рабочій, не то артельщикъ, такъ онъ такое невѣстѣ мануфактурное слово сказалъ, что съ невѣстой то судороги сдѣлались.

— Это случается, надо знать, кого берешь.

— Именно... благороднаго возьмите—благородство наживешь, а невѣжу возьмишь—пропадеешь... Такъ артиста всамдѣлишняго пригласить?

— Такъ точно-съ... я на этотъ счетъ не скуплюсь...

— Извѣстно, за чужой счетъ тебѣ скупиться нечего, никакого расчета нѣту.

— Я не про это-съ.

— И я про другое. А ты вотъ что, и пѣвчихъ намъ найми, и карету подвѣчную съ гайдукнами, знакомые, чай, есть?

— Какъ же-съ, у насъ знакомство круго-

свѣтлое-съ, только эта музыка въ нашу цѣну входитъ не можетъ-съ.

— А ужъ мы сторгуемся. Мы тебѣ говорили, что ты дѣлать долженъ, а объ цѣнѣ послѣ разговоръ поидеть. Пѣвчихъ чтобы не меньше сорока человѣкъ было, а изъ какого хору — намъ все одно, потому нонче всѣ хоры хороши стали.

— Можно-съ.

— Чтобы мы ничего не знали, сѣли въ карету, пріѣхали въ церковь, повѣнчались, поѣхали на балъ, а потомъ домой на квартиру, а на другой день чтобъ карета была для визиту, понялъ?

— Извольте-съ.

— И чтобъ все это на ристократическую ногу было, чтобъ басы въ хору на манеръ архангельской трубы душу на изнанку выворачивали, а гайдуки у подвѣчной кареты въ своемъ видѣ были.

— Возможно, но...

— Мы бы и сами кареты наняли, да счастья намъ въ эвтомъ икипажѣ нѣту, какъ наймемъ, такъ и происшествіе, какъ возьмемъ — такъ анекдотъ... либо кучеръ пьянъ, либо глухой съ заиканіемъ.

— Все отъ цѣны зависитъ.

— Бери цѣну настоящую, но чтобъ и икипажъ, и гайдукъ былъ правильный, безъ колебанія.

— Мнѣ такихъ встрѣчать не приходилось.

— Мало на свѣтѣ живешь, а мнѣ всякаго разбору видѣть довелось. Съ тобой была та-

кая практика, чтобы гайдука невѣсту подѣ карету посадилъ, а самъ въ карету ввалился?

— Не приходилось видѣть.

— А я видѣла. «Я, говорить, это по близорукости». Что съ него возьмешь, ежели у него что кабака, что близорукость — одно и то же? Такъ ты ужъ все бери на себя, чтобъ у насъ никакой близорукости не вышло.

— Извольте-съ, хотя это къ моему художеству и не относится, но извольте-съ... я на манеръ похоронной бюры буду дѣйствовать, ты плачь только, а хоронить буду.

— Вотъ и вѣнчай ты нашего жениха на манеръ бюры, мы будемъ только радоваться, да шишучку пить, а ты вѣнчай.

— Можно-съ.

— Говори теперь свою цѣну, мраморный.

Кондитеръ сказалъ «крайнюю» цѣну. Крутозобовы и сваха стали торговаться.

XXII.

Поладивши съ кондитеромъ и отпустивъ его съ миромъ, Крутозобовъ вытеръ вспотѣвшую отъ переговоровъ лысину и вздохнулъ.

— Ободралъ! — проговорилъ онъ, укоризненно смотря на сваху.

— У васъ все ободралъ! Самъ обдираешь, такъ этого не чувствуешь, а какъ тебя ущипнули, сейчасъ и заахалъ! Сынка чай, женишь, пенъ древесный.

— Сына то дѣйствительно, что сына, а все-таки денегъ жалъ. Прахомъ уйдутъ. Мнѣ

думается, ежели бы съ нимъ еще часикъ по-торговаться, онъ бы уступилъ.

— И уступилъ бы, и скверно бы сдѣлалъ. Страмить себя передъ благородными людьми захотѣлъ? Такъ я этого не дозволю, у меня тоже на этотъ счетъ своя анбиція есть...

Пришелъ женихъ и подсѣлъ къ столу.

— Наняли, тятенька, кондитера-съ?—справился онъ.

— Нанялъ... да что: ободралъ! — махнулъ тотъ рукой.

— Ничего-съ, Богъ дастъ, обростемъ-съ: торговлю увеличимъ и того-съ... всю свадьбу вернемъ-съ.

— Умное слово отъ тебя слышу, а теперь возьми бумажку съ перомъ и черти...

— Чего-съ?

— Бумажку, говорю, возьми, безтолковщина, и черти.

— Да чего чертить-то-съ?

— А приглашенія-то на свадьбу! Составь черновую, а я билеты закажу.

— Да рази, Савишна, это мы должны?—спросилъ хозяйинъ.—Мнѣ кажется, это съ невѣстиной стороны должно.

— Ты всякую дрянъ готовъ на невѣсту взвалить. Вы сына жените, вы балъ и вечерній столъ устраиваете, вы и приглашенія должны...

— Ежели ужъ не невѣста, такъ кондитеръ долженъ... онъ за все взялся...

— Тьфу! Голова съ вами заболить отъ разговоровъ. Брюки еще кондитеръ не дол-

женъ ли сшить жениху? Садись и пиши, не слушай ты своего скареда-родителя...

— Я думаю, билеты подешевле заказать, Савишна...

— Дорого не дамъ и плохихъ не закажу. Пишешь?

— Пишу-съ.

— Читай, что пишешь...

— Приглашеніе на свадьбу-съ...

Знаю, что не на похороны, да что написано-то? Слова-то, слова-то какія?

— Обнаковенно чернильные-съ... приглашеніе-съ...

— Да что написалъ-то, идола чернильный?

— Я вамъ говорю что съ: «приглашеніе на свадьбу-съ».

— Это ты написалъ?

— Написалъ-съ.

— Ну и дуракъ! Гдѣ-жь это ты видалъ, чтобы такую вывѣску на свадебныхъ билетахъ писали?

— Да вы же сами говорили: пиши приглашеніе, я и написалъ-съ.

— Зачеркни и пиши, что я тебѣ буду сказывать...

— Этакъ лучше будетъ, Савишна,— одобрила сваху хозяйка.—А то Архипъ что можетъ безъ руководства? Счетъ еще онъ напишетъ покупателю.

— Пиши... перо то, у тебя хорошее?

— Новое-съ.

— То-то, а то потомъ и самъ не разберешь, что надарапаешь; со мной разъ была такая оказія, писалъ женихъ сломаннымъ пе-

ромъ приглашеніе, я его и отнеси въ типографію: «Печатай двѣ сотни, мраморный!» Они и отпечатали. А старикъ-то, отецъ же-ниха, не посмотрѣвши на билеты и пошелъ ихъ разсылать по роднымъ да знакомымъ, билетовъ, должно, съ полсотни разослалъ, а потомъ какъ заглянулъ въ билетъ и полѣзъ ко мнѣ драться... А въ типографіи-то, мраморный, знаешь, какую статью пропечатали? Надо было пропечатать: «Анкудинъ Савельичъ и Матрена Петровна Бѣлозубовы просятъ ва свадьбу», а они, черти, не разобравши писанія, и наляпали: «Акулина Савельевна и Матрена Петровна Бѣлозубовы въ день бракосочетанія своего сына»... Ужъ очень старику обидно стало, что его въ бабу передѣляли, до шестидесяти лѣтъ въ мужчинахъ состоялъ и вдругъ подъ конецъ жизни въ бабы перешелъ, чуть не удушилъ меня за Акулину! А чѣмъ я виновата, ежели у нихъ перо сломанное было?

— Типографія, по моему, повинна.

— При чемъ тутъ типографія, ежели онъ своимъ помеломъ такое слово вывелъ, что скорѣй на бабу схоже, ничѣмъ на мужика?.. Пиши!

— Что прикажете-съ?

— Пиши: «Семень Прокофѣичъ и Авдотья Максимовна Крутозобовы»... Написалъ?

— Сичасъ-съ... а меня не надо-съ?

— Раньше родителей въ петлю не суйся, и до тебя дойдетъ чередъ... «Въ день бракосочетанія сына своего Архипа Семеныча»...

— Савишна, мнѣ думается, что тутъ прибавить бы надо,—замѣтилъ хозяинъ.

— Къ чему прибавить?

— А къ Архипу-то... «Въ день бракосочетанія нашего любезнаго сына»... «любезнаго», понимаешь, къ Архипу прибавить, чтобы видѣли всѣ, какъ мы, родители, его любимъ...

— Тятенька-съ, я это и такъ чувствую-съ,— заморгалъ глазами сынъ.

— Ты-то чувствуешь, а вотъ которые на нашъ счетъ ѣсть да пить будутъ, этого не почувствуютъ... имъ что? Имъ бы только десерту въ карманъ напихать... Припустить «любезнаго», по моему, Савишна, хорошо будетъ.

— Нельзя. Никакой ты политики не понимаешь, а меня учить лѣзешь... Ты своего Архипа то женишь, али хоронишь?

— Извѣстно, женю.

— Ну, а «любезный», али тамъ «дорогой» только въ похоронныхъ билетахъ пишется...

— Чудно что-то.

— Ничего чудного нѣтъ, мраморный. Вживъ-то ты его нонче «любезный» прописалъ, а онъ завтрашняго числа, глядишь, либо тебя обворовалъ, либо по шеѣ наложилъ, а мертваго какъ ни называй, все мало будетъ, потому мертвый никакой ужъ тебѣ гадости не сдѣлаетъ... Понялъ?

— Понялъ. Слышишь, Архипъ?

— Слышу, тятенька-съ.

— Такъ ты ужъ того... «любезнымъ»-то себя не прописывай...

— Слушаю-съ... Я могу и безъ «любезнаго» просуществовать-съ.

— Пиди дальше: «съ дѣвицею такою-то»...

— Тятенька-съ, я думаю, много красивѣе будетъ, ежели я пущу: «съ купеческою дѣвицей»...

— Пиши, какъ тебѣ я сказываю, а на тятеньку не надѣйся... дѣвица, вездѣ дѣвица: что у дворянъ, что у купцовъ, что у мѣщанъ, и оттого, что ты ее купеческой обзовешь сладости въ ней не прибавится... пиши: «покорнѣйше просятъ пожаловать на балъ и вечерній столъ такого-то числа»... Написалъ?

— Написалъ-съ.

— Теперь пиши: «вѣнчаніе будетъ въ такой-то церкви и во столько-то часовъ»... Вотъ и все!

— Словно бы, коротко очень, Савишна, — замѣтила хозяйка.

— А тебѣ что-жъ за десять цѣлковыхъ сотня цѣльный хилъетонъ написать, что-ли? Которое писаніе короче, то завсегда вразумительнѣе. У меня всего на все одинъ крестникъ есть; служить онъ на желѣзной дорогѣ, и, какъ молодой человекъ, жалованье получаетъ махонькое. Такъ онъ завсегда мнѣ короткія письма присылаетъ: «Милая крестная! Приготовьте пять цѣлковыхъ, я найду за ними въ субботу»... Ну, и приготовишь, потому такое вразумительное письмо и читать-то не долго. А пиши онъ мнѣ длинныя письма, и читать бы не стала, и денегъ готовить не подумала бы... Короче-то, много лучше... Написалъ?

— Написалъ-съ.

— Ну-ка, прочти во всеуслышаніе, да

только съ чувствомъ читай, чтобъ родителямъ пріятно было, не барабанъ, мраморный...

Женихъ прочиталъ съ разстановкой приглашеніе и засыпалъ его песочкомъ.

— Чудесно. Давай его сюда, я сейчасъ же и въ типографію для пропечатанія сдамъ.

— Ужь потрудись, пожалуйста, Савишна.

— Да ужь будьте покойны, ни впервой съ эстимъ возиться. Съ алигоріей велѣтъ билеты то печатать?

— Съ какой алигоріей?

— Съ голубками цалующими, али съ амурами обнимающими?

— Ничего, пусти съ алигоріей. Архипъ, тебѣ съ которой пустить-то.

— Какъ хотите, тятенька-съ.

— Ты женишься, ты и алигорію выбирай... Намъ съ матерью собственнно наплевать на эту музыку.

— Въ такомъ случаѣ пріамурьте-съ, потому Лизочка сами сичасъ на амура схожи и имъ пріятно будетъ, ежели ихъ патреть въ алигоріи.

— Вели, Савишна, съ амурами. Не ободрали бы только за твои амуры-то.

— Не обдерутъ, — мои амуры дешевые... Такъ я сичасъ и отправлюсь въ типографію, а ты брюки-то вовые заказалъ?

— Нонче закажу-съ.

— Ну, и чудесно... теперъ, кажется, все... Да, чуть было изъ головы вонъ: шаферъ-то у тебя на примѣтъ есть?

— Никого-съ.

— А молчишь. Не позаботься объ васъ,

ни шиша толку не выдетъ. Ужли знакомыхъ молодыхъ людей никого нѣту?

— Нѣту-съ... живеть у насъ тутъ на дворѣ одинъ молодой чиновникъ.

— Ну, вотъ ты его и попроси.

— Не пойдетъ-съ... горбатый онъ-съ... для карликовъ еще онъ въ шафера годится, а къ моему росту не подходитъ... на креслы ежели его поставить, и то до самой шершавости не достанетъ.

— Еще кого не вспомнишь ли?

— Право, никого-съ... есть и знакомые, да только все женатые.

— Женатый не годится... Вотъ идола-то, шафера, и того съ прокату брать приходится!

— Знакомство у насъ не такое, Савишна... простое все больше.

— Какоежеэто знакомство, ежели ужъ такую дрянъ, какъ шаферъ, достать не можете?.. Съ прокату берите!

— Ужъ ты, Савишна, лучше это обдѣлаешь, гдѣ намъ его искать?... Такого еще, гляди, подсунуть, что послѣ чайныхъ ложекъ не досчитаешься,—говорила хозяйка.

— Постарайся, пожалуйста,—просилъ съ своей стороны хозяинъ. — Ты и выбрать умѣешь, и обращеніе со всякимъ человѣкомъ знаешь, а намъ гдѣ же съ такою пустяковиной возиться?

— Для васъ только я это дѣлаю. Идолы вы деревянные, но люди хорошіе. Сичасъ заѣду къ крестнику, и либо его въ шафера возьму, либо черезъ него достану.

— Сдѣлай милость, Савишна, мы ужъ на

тебя въ полной надеждѣ. Что стоитъ будетъ, мы съ удовольствіемъ.

— Хорошо, хорошо... не подгажу, будьте покойны, такого шафера отрою, всю вашу свадьбу скрасить... Ироя найду!

— Найди, милая,—кланялась хозяйка,—гдѣ ужъ намъ ироевъ-то искать, на такого, пожалуй, наткнешься, что серьги изъ ушей выдернетъ.

— Ужъ я отрою,—главное за цѣпой не стойте, благороднаго вамъ могу подыскать, только не скряжничайте, потому у иного благороднаго-то, благородства на тыщу рублей, а костюму на два двугривенныхъ...

— Понимаемъ-съ... Это мы, Савишна, все понимаемъ,—согласился хозяинъ.—У насъ сейчасъ одинъ маеръ на книжку забираетъ, такъ вѣрите ли, благородный, кажется, человѣкъ, семь ранъ имѣетъ, а деньги черезъ мирового платить... Хламидію пуцай онъ напрокатъ у жида возьметъ, я съ удовольствіемъ заплачу.

— Да ужъ безъ этого, не обойдешься,—потому, субъехтъ! Поняли?

— Это что же за субъехтъ такой? Насчетъ супу, что-ли, онъ?

— Не насчетъ супу, а насчетъ денегъ слабъ: благородныхъ словъ много, а фрака нѣтъ... поняли?

— Какъ не понять! Мы заплатимъ...

— Да ужъ извѣстно, должны платить... безъ фраку какой же онъ шаферъ? Просто пролетаръ, и больше ничего!... Ну, до свиданія, я сейчасъ первымъ дѣломъ къ крестнику насчетъ

шафера, а потомъ въ типографію. Такъ съ амурами билеты-то пустить?

— Съ амурами, Савишна, пушай молодые радуются.

— Можно. Я сама, признаться, къ амурамъ-то большое расположеніе чувствую, потому гдѣ амуры заведутся, тамъ сейчасъ и сваха потребуется... Большое эти амуры для нашей сестры подспорье!.. До свиданія, мраморные!

Сваха распѣловалась съ хозяйкой, потрясла руку хозяину съ женихомъ и мигомъ очутилась на извозикѣ.

XXIII.

Спустя полчаса, она подъѣзжала къ довольно грязнымъ меблированнымъ комнатамъ, на стеклянной двери которыхъ была наклеена безграмотная записочка, гласившая, что «ѣсть свободныя нумѣра».

Сваха расплатилась съ извозникомъ, юркнула въ дверь, вбѣжала съ быстротою некормленной козы во второй этажъ и зашагала по корридору. На встрѣчу ей попалась номерная горничная съ широкими скулами, вздернутымъ носомъ, вылупленными, словно испуганными, глазами и съ самоваромъ въ рукахъ.

Горничная окинула быстрымъ взглядомъ Савишну и фыркнула по привычкѣ.

Сваха не обратила на нее никакого вниманія и, поровнявшись съ однимъ изъ номе-

ровъ, остановилась, вытерла выступившій отъ быстрой ходьбы потъ на лицѣ и осторожно отворила дверь.

— Кто тамъ?—раздался мужской голосъ.

— Я, мраморный, я!—торопливо заговорила сваха, снимая проворно съ себя пальто и вѣшая его на вколоченный въ деревянную перегородку гвоздь.

— Это я!—появилась она въ зальцѣ,—не ожидалъ?

Съ дивана поднялся лежавшій въ растяжку мужчина лѣтъ тридцати, съ чудовищными усами и совсѣмъ карминнымъ румянцемъ, разлитымъ по полному лицу и довольно крупныхъ размѣровъ носу.

— Пардонъ, — остановилась сваха,—извини, мраморный, кажется я не въ тотъ номеръ со слѣпу то попала.

— Виновать, сударыня!—растерялся тотъ собирая руками въ комокъ воротникъ засаженного пиджака,—вы застали меня въ домашнемъ костюмѣ, а я думалъ, что это горничная Катя.

— Вы меня извините, — патилаь назадъ сваха,—вѣроятно, мой Павлуша въ другой номеръ переѣхалъ.

— Павлуша Исаевъ? Напротивъ, сударыня, я въ его номеръ переѣхалъ, то-есть, собственно говоря, пришелъ.

— Такъ, значить, здѣсь мой Павлуша живетъ? Я его крестная-съ.

— Очень пріятно познакомиться-съ,—подлетѣлъ къ ручкѣ свахи усатый господинъ, громко ее чмокая,—а я другъ и товарищъ

Павлуши. Валерьянъ Каплевъ, поручикъ въ отставкѣ.

— Ахъ, очень пріятно! Ужли онъ еще не приходилъ со службы?

— Никакъ нѣтъ-съ. Вѣроятно, теперь скоро прибудетъ. Прошу, madame, садиться.

— Сяду,—проговорила сваха, оглядѣвъ съ ногъ до головы отставнаго поручика,—а ты что же, мраморный, тутъ дѣлаешь, — сообразила она моментально,—безъ мѣста?

— Интриги-съ!—пожалъ тотъ плечами, закуривая папирску.—Пока до новаго мѣста перебрался къ Павлушѣ... Много отъ него слышалъ о вашей особѣ, madame, онъ, то-есть Павлуша, боготворить васъ.

— А ты встань, ничѣмъ языкъ то зря чесать!—приказала сваха.

— Извольте-съ.

— Повернись!

— Повернуться-съ?—въ недоумѣніи проговорилъ тотъ,—зачѣмъ-съ?

— Повернись, тебѣ говорятъ, вотъ такъ: въ профили стань. Танцевать умѣешь?

— Я? Все, что угодно, madame.

— По французскому можешь?

— Вуй, madame!

— Фракъ у тебя есть?

— Фракъ? Кажется, нонъ... Нонъ и есть.

— Да ужъ по носу твоему вижу, что у тебя во всѣхъ обстоятельствахъ нонъ французскій. Ну, я тебя обезною, листократомъ у меня будешь. Садись, мраморный, годишься для моей операціи!

Усатый господинъ сѣлъ и съ изумленіемъ уставился на крестную своего друга Павлуши.

— Акромя этого домашняго костюму, что на тебѣ сичасъ, никакихъ у тебя данныхъ нѣтъ?—спросила сваха, вертя большимъ пальцемъ правой руки вокругъ того же пальца лѣвой, — изъ суконнаго, напримѣръ, али изъ драповаго?

— Было, но волею судьбы...

— Сплыло?—подхватила сваха, —то-то ты и прозябаешь въ чужомъ номерѣ... Какъ тебя по имени и отчеству величать?

— Валерьянъ Сосипатровичъ, madame!

— Какъ?

— Валерьянъ Сосипатровичъ-съ!—крикнулъ тотъ во все горло.

— А ты не ори, я не глухая.

— Пардонъ! Я предполагалъ, вы не дослышали.

— Отлично все дослышала, только меня твой отецъ смутилъ... Отродясь такого мудренаго имя не слыхала... Изъ нѣмцевъ родитель-то твой?

— Совсѣмъ православный, madame!

— Счастье, видно, твое такое горькое: ни фрака порядочнаго, ни отца настоящаго нѣту...

— Отецъ у меня настоящій, —усмѣхнулся усачъ.

— Для тебя-то онъ настоящій, а для меня хоть бы и на свѣтѣ его не было... Сеси... Сеси... дальше-то какъ?

— Не Сеси... а Сосипатрычъ, madame!

— Выбралъ тоже отца, нечего сказать: на

тощакъ и не выговоришь... Перемѣнить тебѣ его придется, мраморный.

— Какъ перемѣнить-съ? Не могу-съ.

— На время только... нуженъ ты мнѣ для одной операціи махонькой, а отчество твое мнѣ не нравится... Покороче отца возьмешь, да попроще.

— Я не знаю для чего собственно это нужно.

— Узнаешь, Валерьянъ Ивановичъ, узнаешь.

— Сосипатровичъ, madame, а не Ивановичъ.

— Ивановичъ, тебѣ говорятъ. Твой отецъ при тебѣ и останется, а у меня ты въ Ивановичахъ пойдешь. Чего лучше и проще, Валерьянъ Ивановичъ? И упомянуть каждый, и выговорить пріятно.

— Мнѣ кажется, что суть не въ именахъ.

— Ну, ты еще мало на свѣтѣ живешь, мраморный, и понимать этого не можешь... ты, вотъ, поди, попробуй, въ свахи и говори тогда, что суть не въ именахъ.

— То-есть, конечно, какое взять имя-съ.

— Вотъ то-то и есть. Другому родители такое, съ большаго ума, имя заворотятъ, что языкъ высунешь и цѣльную ночь не заснешь.

— Теперь мудренныя имена рѣдки-съ... Впрочемъ, у меня былъ пріятель, котораго звали Акакіемъ-съ...

— Какъ, мраморный?

— Акакіемъ... Акакій...

— Женатый?

— Нѣтъ, холостой.

— И умереть холостымъ, потому ни одна барышня за твоего Акакія замужъ не пойдетъ. Я съ однимъ Мардаріемъ шесть лѣтъ билась, такъ и плюнула... Хорошій человѣкъ, а имя дурацкое... Какъ услышитъ барышня имя Мардарій, такъ сейчасъ и на дыбки: «лучше,—говорить,—я въ монастырь, ничѣмъ за Мардарія»...

— Имя неблагозвучное-съ.

— Прямо убійственное! Чувствительную дѣвицу въ обморокъ уложить можетъ! Ужъ онъ даже прошеніе подавалъ, чтобъ ему имя измѣнили, — ничего не вышло, не могутъ, значить, измѣну сдѣлать... Шляпа трахъ у тебя есть?

— Трахъ-съ?

— Да. Складная такая, на манеръ гармоніи. Для балу, мраморный...

— Была-съ, — вздохнулъ усачъ, подбирая подъ стулъ ноги.

— И шкиблеты танцевальные тоже были?

— Тоже были-съ.

— Да у тебя какой же сейчасъ собственно инвентарь есть?

— Особенно никакого, откровенно вамъ сказать, ибо были въ жизни минуты трудныя.

— А изъ неособеннаго то у тебя что? Тоже ничего?

— Помилуйте-съ, какъ же это можно, madame?... Лишняго, такъ сказать, прихотнѣть, но необходимое все есть...

— Пальто, на примѣръ?

— Есть-съ. Собственно говоря, лѣтнее, но... очень хорошее пальто-съ... на клѣтчатою под-

кладкѣ даже... было и ватное, разумѣется, но въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ...

— Улетѣло? Никакого, я вижу, у тебя инвентаря нѣтъ, а такъ одно только инвентарное воображеніе... Влѣзешь ты мнѣ, охъ, въ порядочную сумму влѣзешь!.. Положимъ, напрокатъ все возьмемъ, а все таки. Какъ же это ты смѣешь жить на свѣтѣ безъ ватнаго пальта, а?...

— А что-съ?

— Да то-съ, непорядокъ это — проклятушимъ жить. Ну, хорошо, ты сейчасъ у Павлуши въ обогрѣвнѣ находишься, а вдругъ тебѣ мѣсто представится, въ чемъ ты пойдешь?

— Я-съ? Въ Павлушиномъ пальто и пойдусь...

— А Павлуша то въ чемъ поидеть?

— А Павлуша дома день посидить... потоварищески.

— Ну, а послѣ то какъ... дадутъ тебѣ мѣсто, въ чемъ ты на службу то бѣгать станешь? Зимой, вѣдь, въ лѣтнемъ пальтѣ не побѣжишь...

— У кого крѣпкая натура, тому все возможно-съ. И затѣмъ, madame, нашего брата всегда кредитъ выручаетъ...

— Кредитъ?

— Вуй! Находясь безъ занятій, разумѣется, мнѣ на пути къ кредиту, такъ сказать, Кремлевская стѣна поставлена, но разъ я получилъ мѣсто,—я вполнѣ, если можно такъ выразиться, кредитоспособенъ... другими словами говоря, мнѣ дадутъ въ кредитъ все, начиная съ

полфунта чаю и кончая шубой съ бобровымъ воротникомъ...

— Всю жизнь, значить, въ долгу, какъ въ шелку живешь?

— Что дѣлать, madame?—пожалъ плечами усачь.—Таковъ законъ природы!

— Каторжный законъ, мраморный!... Впрочемъ, мнѣ собственно наплевать на это... не для того я тебя экзамирую... на прокатъ ты мнѣ нуженъ для одной операціи.

— Не понимаю-сь, но служить готовъ...

— На одинъ вечеръ. Понимаешь, мраморный, состряпала я одну свадебку, а шафера готоваго у жениха нѣтъ... можешь ты мнѣ услугу сдѣлать?

— Въ шафера идти? Avec plaisir, madame!—вскочилъ тотъ со стула, расшаркиваясь.

— А ты сядь лучше, потому весь твой инвентарь въ разныя стороны разъѣзжается.... Положимъ, я въ такихъ лѣтахъ, что меня никакимъ инвентаремъ не удивишь, а все таки я дѣвица...

— Слушаю-сь!—плюхнулся тотъ въ кресло, собирая снова въ комочекъ воротничекъ пиджака.

— У тебя и видъ есть внушающій, и обращеніемъ, думаю, въ грязь лицомъ не ударишь...

— О, будьте покойны, — вскочилъ было опять усачь съ кресла.

— Сиди, безъ волненіевъ... Вотъ только лицо у тебя подозрительное...

— У меня-сь? Кажется, лицо хорошее, —

наклонился тотъ въ бокъ, заглядывая въ зеркало.

— Подержанное лицо, мраморный!... Карминцу въ него переложилъ!

— Клянусь честью, съ роду не красился...

— А ты мнѣ зубы-то не заговаривай. Старого воробья на мякинѣ не проведешь. Не про краску я тебѣ говорю, а про хлѣбную... хлебаешь много...

— Весьма даже аккуратно, madame...

— Врешь... ты меня не стѣсняйся, говори, что попу на духу...

— Клянусь честью, умѣренъ въ высшей степени.

— Отчего-жь у тебя краска по всему зеркалу пущена?

— Природа такая, — развелъ руками усачъ, — ничего не подѣлаешь. Еще теперь меньше краски въ лицѣ стало, а если-бъ вы меня видѣли раньше, въ ужасъ бы пришли... меня и товарищи всѣ не иначе звали, какъ ракомъ варенымъ.

— Можетъ, и врешь, а, можетъ, и правду брешешь... да это ничего... не вредить...

— Я самъ такъ думаю. Напротивъ, я зналъ очень многихъ дамъ, которымъ нравится мужской румянецъ.

— Румянецъ румянцу розъ. Одинъ отъ природы, а другой — отъ Петра Смирнова.

— У меня отъ природы-съ.

— А баба, извѣстно, глупа: рази она станетъ разбирать, какой акварелью у тебя морда росписана? Усы у тебя хороши, гусарскіе

усы. Счастіе себѣ можешь усами составить, только ты ихъ въ колечки завей!

— Обязательно съ! Они у меня сейчасъ отчего повисли-съ? Отъ недостатка-съ, отъ бѣдности. А имѣй я ресурсы въ жизни, они всегда бы у меня *a la diable* завинчены были.

— Какъ, ты говоришь, завинтить ихъ хочешь?

— *A la diable!*

— Это по-каковски же, мраморный?

— А какъ у чорта, *madame!*

— Тьфу! Ужли у всѣхъ чертей усы колечками закручены?

— Говорять,—разсмѣялся усачъ.

— Умная публика. Знаютъ, дьяволы, что бабамъ ндравится! А на твои усы я тебѣ хорошую невѣсту найду. Есть у меня сорокалѣтняя вдова. Вдовами то не брезговашь?

— Зачѣмъ же-съ?

— Извѣстно, при твоей бѣдности никакой бабою брезговать не приходится,—ни денегъ, ни инвентарю, одни только усы дьявольскіе. Хорошая невѣста, мраморный, сто тыщъ капиталу, два дома и три лавки. Ты вѣдь холостой?

— Весьма даже холостой-съ.

— Вотъ и чудесно. А она скучаетъ. Все сны видитъ разные и въ скуку ударяется.

— Повимаю-съ.

— Ничего ты не понимаешь, и понять не можешь, потому она купеческая вдова, а ты пролетарь. У ней понятія сейчасъ, чтобы въ «Стрѣльню» съ хорошимъ кавалеромъ и бутылку шимпанскаго распить, для пріятно-

сти, а у тебя — полбутылки водки выпить и селедкой закусить.

— И мы пили редереръ-съ.

— Вотъ разниа и выходитъ: у тебя все «пили» да «были», а у ней этихъ словъ нѣтъ. Скучаетъ вдова, и потому собственно скучаетъ, что никакъ себѣ по сердцу мужа найти не можетъ, а ты ее обворожить можешь.

— Вы думаете-съ?

— Думаю, что можешь. Главное, мраморный, ее сны одолѣли... «Вижу, говорить, я, Савишна, мужчину все съ черными глазами...» У тебя глаза то черные?

— Каріе-съ.

— Къ чернымъ подходящіе. Стрѣлять умѣешь?

— Изъ ружья? Нѣсколько призовъ получилъ.

— Не изъ ружья, а глазами?

— Не пробовалъ.

— Практикуйся, бабы эту стрѣльбу любить... «Съ черными глазами,—говорять,—кавалеръ и усы вотъ какіе, на манеръ возжей, до самыхъ ушей». Ну, вотъ я тебя ей и представлю, а лучше всего на свадьбу ее приглашу, пускай тебя во всемъ паратѣ увидить. Ничего противъ женитьбы то не имѣешь?

— Кажется, ничего; положимъ, ей сорокъ лѣтъ, по вашимъ словамъ...

— А можетъ и тридцать девять, я ея пачпортъ не видала.

— Перезрѣлая, весьма перезрѣлая особа.

— А тебѣ со ста тыщами то восемнадцати-

лѣтнюю, чтоль, подать? И за эту то долженъ меня до гроба благодарить... безъ всякаго инвентаря, а туда же ломается!

— А дѣтей у нея нѣтъ?

— Есть одна дочь, да и та давно замужемъ.

— Вотъ видите, даже дочь есть.

— А тебѣ какая забота? Не твоя дочь, чай! Собой она не очень казиста, ну, да вѣдь и на твоей рождѣ, ежели отъ нея усы отнять, только одни пожи точить можно, а ты старайся: счастливымъ человѣкомъ быть можешь. Ну, что у тебя—ни кола, ни двора, ни шляпы, ни сапога, и вдругъ сто тыщъ, два дома и три лавки!

— Очень, очень вамъ благодаренъ за ваше вниманіе. Надо ее увидать.

— Увидишь! Такъ ты согласенъ въ шафера къ моему жениху?

— Съ наслажденіемъ.

— Окопировку возьмемъ на прокатъ, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы на другой день отдать по чести.

— Помилуйте, могу ли я?...

— Бываетъ, мраморный, не впервой это со мной.

— Павлуша за меня поручится.

— А что съ твоего Павлуши взять? Самъ у меня по пятеркѣ беретъ на перехватку.

— Во всякомъ случаѣ, я, какъ благородный человѣкъ, не допущу себя.

— И благородные меня не разъ надували, мраморный. Статскаго совѣтника Оболдуева не знаешь?

— Не имѣю чести.

— Брала я его въ посаженные отцы къ одной сиротѣ. Сирота то, понимаешь, инеральская была, на манеръ какъ бы воспитанницы... благодѣтелемъ ей былъ до двадцати пяти лѣтъ, а потомъ вдругъ замужъ пожелалъ отдать, потому узнала про эти благодѣнія инеральша и пошли у ей съ инераломъ каждадневныя сраженія, понимаешь?

— Понимаю-сь. Сироты, madame, разныя бываютъ...

— И эта изъ разныхъ. Вотъ инераль и говоритъ мнѣ, какъ я его сиротѣ жениха предоставила: «Достань ты мнѣ отца посаженаго для Настеньки, только чтобы непременно изъ благородныхъ, потому сирота не какая нибудь, инеральская сирота».

— Понимаю-сь.

— Ничего ты не понимаешь. Рекомендовали мнѣ вотъ, не хуже тебя, тоже благороднаго и тоже безъ всякаго инвентарю; взяла я ему изъ прокату всю аммуницію и четвертную за отцовскую роль заплатила. Приѣзжаю на третій день за обмундировкой, а онъ что же мнѣ вдругъ даетъ?

— Неужели въ шею-сь?

— Въ шею-то я и сама дамъ, не посмотрю, что онъ человѣкъ благородный... Билеты изъ ссудной кассы даетъ... «Заложилъ, говорить, нечаянно, можете выкупить!» Вотъ тебѣ и благородство!

— Я этого себѣ не позволю.

— А позволишь, я тебѣ и невѣсту сватать не стану... Сколько возьмешь за прокатъ то?

— За роль шафера?

— Да. Только безъ запросу, потому я, во-первыхъ, много дать не уполномочена, а, во-вторыхъ, все вѣдь ваше: и балъный парать, и извоицкѣ, и угощеніе. На три дня налѣпаться можешь...

— Это довольно трудно, — расхохотался усачъ.

— Ничего труднаго нѣту. Брюхо то вѣдь все одно, что резина: ты ѣшь, а оно растягивается, ты ѣшь, а оно не отказывается, а на купеческихъ свадьбахъ, мраморный, всего въ волю, до того облопаться можно, что три дня никакая пища на умъ не пойдетъ.

— Сколько дадите, я спорить не стану.

— Да по-моему и синенькой довольно, работы не Богъ знаетъ сколько, только вѣнецъ въ церкви поддержать, а потомъ одно только для тебя удовольствіе.

— Я спорить не стану-сь, если даже и ничего не заплатите, я обязанъ сдѣлать вамъ услугу: во-первыхъ, вашъ крестникъ, а мой товарищъ.

— Даромъ я тебя не возьму, не мои деньги и жалѣть мнѣ ихъ нечего, а пятерка все тебѣ годится на похмѣлье, только ты на свадьбѣ то не очень на бутылки налегай; мнѣ не жалко, понимаешь, а нехорошо, ежели моя рекомендація и вдругъ до ризположенія.

— До этого я себя не допущу, клянусь честью.

— Смотри, не осрами. Ну, а теперь, господинъ шаферъ, не угодно ли со мной за балънымъ паратомъ отправиться?

— До прихода Павлуши не могу-сь, ибо

въ такомъ видѣ съ благородной дамой не совсѣмъ прилично.

— Тьфу! Я и забыла совсѣмъ, что у тебя такой инвентарь, что носу съ нимъ на улицу показать нельзя... Ничего, подождемъ Павлушу, мраморный!

Сваха развалилась въ креслѣ и уставилась на съезжившагося усача.

«Усы, какъ у турка, а пальта теплаго нѣтъ! Совсѣмъ глупый человѣкъ!» — подумала она и вздохнула съ сожалѣніемъ.

XXIII.

Спустя часъ, сваха въ сопровожденіи шафера подъѣхала къ одному изъ магазиновъ «готоваго платья», которыхъ за послѣднее время развелось въ Москвѣ, что моли въ сырой квартирѣ.

— Ну, усы, слѣзай, пойдемъ икинироваться! — проговорила Савишна, быстро ныряя въ дверь магазина.

Настрѣчу къ ней подлетѣлъ прикащикъ съ обычнымъ вопросомъ: «Чѣмъ могу служить?»

— Хозяинъ то у тебя есть? — спросила она, критически окинувъ фигуру прикащика.

— Какъ-же-съ... прикажете позвать?

— Позови. Скажи мнѣ только сперва на перво, какой у него карактеръ?

— Обыкновенный... хозяйскій карактеръ-съ.

— Знаю, что не прикащицкій, да составъ-то характера какой?

— Кажется, ничего-съ.

— Да онъ изъ какихъ у тебя будетъ? Изъ русскихъ, али изъ нѣмецкаго происхожденія?

— Нѣмецъ.

— Женатый, али холостой?

— Женатый-съ. Даже давно женатый.

— Ну, значить, никакого у него для меня карактеру нѣтъ. Обдереть. А зовутъ то его какъ?

— Давыдъ Абрамычъ Позвать прикажете?

— Позови. Слыхалъ ты, чтобъ нѣмца Давыдъ Абрамычемъ величали?—отнеслась она къ своему спутнику.

— Не приходилось,—отрицательно мотнулъ тотъ головой,—у нѣмцевъ все больше Карлы.

— Не настоящій, значить, нѣмецъ, мраморный... помѣсь какая нибудь... я одну нѣмку такую знавала... отецъ у ей былъ нѣмецъ, а мать полька, и вышла она Анна Казиміровна.. не филей и не биштексъ, а на манеръ розбифу... потому ежели изъ двухъ блюдъ кушанье составить, завсегда третье выдетъ, которое даже и въ ротъ не возьмешь. Это черноволосый, что идетъ сюда, ужь не самъ ли хозяинъ?

— Похоже на это... манеры у него этакія.

— Хозяйскія манеры, словно онъ сичасъ въ зубы сѣздить поровить... и копченый со-всѣмъ, не то грекъ, не то цыганъ...

— Вѣрнѣе всего, что еврей-съ.

— А ты благодари Бога, ежели еврей, потому у еврея все сходнѣе достать можешь.

Къ свахѣ подошелъ хозяинъ магазина, вы-

сокій худощавый брюнетъ съ синими отъ бритья щеками и красивыми темными глазами.

— Вы меня желали видѣть, мадамъ?—любезно поклонился подошедшій къ посѣтителемъ,—весь къ вашимъ услугамъ.

— Весь то ты намъ, мраморный, не ну-женъ, а языкъ твой потребуется. Давыдъ Аб-рамычемъ тебя величаютъ?

— Такъ точно.

— Очинво пріятно... хотя ты и прокопченъ весь насквозь на манеръ сига, но повидимо-сти человѣкъ хорошій, а на хорошихъ я за-всегда располагаюсь безъ опаски.

— Мерси, постараюсь оправдать ваше до-вѣріе.

— Оправдай, оправдай. Останусь я тобой довольна—цѣльный магазинъ покупателей на-гоню... а у меня знакомство хорошее, безко-стюмные больше... Какъ кого женить, сичасъ къ тебѣ пригоню.

— Очень радъ. Вамъ чѣмъ теперь могу служить? Вѣроятно, нуженъ хорошій костюмъ молодому человѣку?

— Бальный паратъ ему нуженъ...

— Понимаю, фрачная пара. Есть самыхъ послѣднихъ фасоновъ. Вѣроятно, молодой человѣкъ желаетъ вступить въ законный бракъ? — улыбнулся хозяинъ, игриво посма-тривая на спутника свахи.

— Желать то онъ желаетъ, да невѣсту ему еще не приготовили. Апечить есть, а вечего ѣсть. Такъ ты, копчевый, и дай намъ по со-вѣсти паратъ... Шаферомъ онъ покуда у

меня, такъ чтобъ весь костюмъ былъ первый сортъ...

— Пожалуйте налѣво въ комнату, — пригласилъ ихъ хозяинъ и крикнулъ одному изъ прикащиковъ: — подайте двѣ—три фрачныхъ пары!

Сваха съ будущимъ шаферомъ вошли въ небольшую комнату, сплошь увѣшанную готовымъ платьемъ, и съ громадными зеркалами въ простѣвкѣ.

— Пропу, мадамъ, садиться.

— Постой. Ты можешь, думаешь, что мы покупать пришли? Намъ на прокатъ нужно... на одну свадьбу только...

— И это можно. Дайте ходовыя пары, — крикнулъ хозяинъ прикащикамъ. — Вы, мадамъ, выйдите, пока онъ будетъ одѣваться?

— Никуда не пойду. Должна я видѣть, что я беру и какъ на немъ сидитъ, или нѣтъ? Да ты не бойся, я отвернусь для стыдливости...

Прикащикъ принесъ нѣсколько паръ и положилъ ихъ на столъ.

— Вотъ отличная пара, — схватился хозяинъ за фракъ, — и какъ разъ на ихъ ростъ...

— Постой, покажи... распахъ его на рукахъ... вотъ такъ... къ свѣту то, къ свѣту то, мраморный, ближе... Модный?

— Самой послѣдней моды, мадамъ... вѣроятно, вы сами замѣтите...

— А пятна то у него на борту для чего? Тоже для моды?

— Это не пятно-съ... Это такъ, освѣчиваетъ... понимаете, отливаетъ сунно съ...

— Ты, я вижу, пули отливаешь, копченый, а не сукно... Валерьянъ Ивановичъ, гляди: пятно это или нѣтъ?

— *Ci-devant!* — отвѣтилъ тотъ, обняхивая борть фрака.

— Не про диванъ я тебя спрашиваю, а про фракъ! — покосилась сваха на диванъ, стоявшій около зеркала. — Не диванъ я на тебя надѣвать стану.

— Я говорю, что это... бывшее пятно-съ, было когда то, но въ данную минуту затерто самымъ тщательнымъ образомъ.

— Вотъ видишь, мужчина тебя уличаетъ, что пятно есть, а ты божишься. Не хорошо, мраморный, хотя ты и цыганской вѣры, а не хорошо.

— Позвольте-съ, и они говорятъ, что пятно было.

— Да у него все было, а сейчасъ ничего нѣтъ. Ты не обращай вниманія на его ничтожныя слова. Свѣжій парать давай.

— И этотъ совсѣмъ новый, мадамъ, смѣю васъ увѣрить. Согласитесь сами, что не можетъ же фракъ быть съ иголочки, разъ онъ ходитъ на прокатъ. Вѣроятно, господинъ, который надѣвалъ его раньше, залилъ чѣмъ нибудь жирнымъ борть, вслѣдствіе чего и получилось пятно. Но этого пятна, мадамъ, совсѣмъ не видно. Вѣроятно, вы сами это замѣчаете.

— У тебя, копченый, все вѣроятно, только фраки одни невѣроятные. За изъѣвъ я скину изъ платы. Какъ хочешь, а спущу.

— Я дешево и такъ возьму, просто хочу вамъ угодить. Прикажете помѣрить?

— Мѣрь. Усы, сымай Павлушину визитку-то!

— Надо всю ужь пару примѣрить. Позво-лите?

— Мѣрь. Усы, сымай Павлушину жилетку!

— Въ такомъ случаѣ, мадамъ, я попрошу васъ отвернуться.

— Ты дѣлай ужь свое дѣло, а я завсегда отвернуться могу. Отвернулась. Ты, главное, мнѣ паратомъ уважь, а на остальное мнѣ наплевать, понялъ?

— Будьте покойны, мадамъ.

— Свадьба у меня хорошая, а то бы я не взяла и вниманія тебя просить. Вендерскій графъ на свадьбѣ будетъ, такъ ежели ты мнѣ шаферовскимъ фракомъ подгадишь, я на тебя и глядѣть не ставу. Ты не изъ Кіевской губерніи?

— Я? Изъ Минской, мадамъ.

— А дяди у тебя въ Кіевѣ нѣту?

— Въ Кіевѣ нѣтъ, но за то въ Могилевѣ есть.

— И родство то у тебя все въ какихъ то каторжныхъ городахъ, игдѣ я никогда не была. Въ Кіевѣ я была, а въ Могилевѣ не доводилось... А въ Рязани тетки нѣту?

— Почему же вы думаете, что непременно тетка должна быть въ Рязани?

— Вѣра у васъ такая... иногородняя, въ каждомъ городѣ родня полагается.. У меня одинъ Шмуль Гаврилычъ знакомый есть, такъ у него родства, что сахарнаго песку въ ма-

газинѣ, и по всѣмъ городамъ разсыгано. Онъ куда ни прїѣхалъ — вездѣ дома, и за харчи, и за квартиру платить не надо, а я къ кїевскимъ чудотворцамъ разъ только съѣздила и то мнѣ эта поѣздка во сто цѣлковыхъ обошлась, а почему? Вѣра у насъ настоящая, понялъ, копченый?

— Какъ не понять, отлично понялъ.

— Только дорого я тебѣ за фрачный прокатъ не дамъ, хоть и минскій ты, а не дамъ.

— Я говорилъ ужь, что самъ дорого не возьму.

— Вотъ за это спасибо... Валерьянъ Ивановичъ, подвальный-то этажъ надѣлъ?

— Какъ-же, надѣлъ-съ...

— А бель-этажъ?

— Жилетку то-есть?

— Да.

— Надѣлъ-съ.

— Натягивай теперь мезенинъ.

— Все надѣто, пожалуйста... словно влито, мадамъ! Какъ будто на нихъ шито!—говорилъ хозяинъ, одергивая фракъ на шаферѣ.

— Ну-ка, покажись, — подлетѣла сваха къ шаферу, вертѣвшемуся передъ зеркаломъ, — руки протяни... такъ... Копченый, рукава коротки!

— Совсѣмъ нѣтъ, мадамъ... рукавъ въ самую пору... я васъ попрошу согнуть руку... Не угодно-ли посмотрѣть, мадамъ.

— Теперь впору. Ну-ка вытяни!.. Тьфу! Опять коротки... да что у тебя рукава-то на резинкѣ, что-ль?

— Вы не понимаете, мадамъ... будьте по-

койны, фракъ въ самую пору, на заказъ такъ не сошьете, смѣю увѣрить васъ, это обманъ зрѣнія: если сдѣлать рукава длиннѣй, маяжетъ совсѣмъ не видно будетъ... вѣроятно, на молодомъ человѣкѣ будетъ какосъ нибудь бѣлье...

— Какой-же онъ безъ бѣлья шаферъ? На голую кожу фракъ не надѣнешь... очумѣлъ ты, я вижу, съ своимъ Могилевомъ-то... Повернись, Валерьянъ Ивановичъ, не жметъ тебя въ проймахъ-то?

— Положительно нигдѣ... фракъ весьма покойный...

— Хвосты, по моему, коротки...

— Вы про фалды говорите? Длиннѣе не дѣлають.

— Смотри, не острами ты меня. Кому что, а меня ругать начнутъ: вотъ, скажутъ, въ кой-то вѣки поручили достать шафера, да и того взяла кургузаго. Куцые-то шафера вонче въ модѣ?

— Самая послѣдняя мода, мадамъ!

— Не надуй, сдѣлай милость. Отъ хвостовъ, чай, не отвалится, ежели дашь подлиннѣе.

— Не носять такихъ и дать вамъ съ длинными фалдами не могу... не все-ли мнѣ равно, скажите, пожалуйста?

— Я и сама такъ думаю, что никакого тебѣ расчёту нѣту надуть меня, рази только по привычкѣ.

— У меня такой привычки въ заводѣ нѣтъ.

— И не желаешь, да надуешь, природа ужъ у васъ такая коммерческая... Я про себя скажу: иной разъ и не хочется, а времь... и для

чего врешь, и сама не знаешь, и не просить тебя объ этомъ, а врешь... сколько разъ неприятности черезъ это получала, а отучиться не могла. Мѣсяць тому назадъ, копченый, какая со мной недоразумѣнія вышла... просить одинъ женихъ достать ему невѣсту блондинку, а у меня чудесная въ ту пору шатенка подъ рукой была. «Есть,—говорю,—поѣдемъ смотрѣть!» Посмотрѣли,—ѣдемъ назадъ. «Какая же,—говорить,—это блондинка? Съ которой сторовы? Съ затылка, что-ли?»—«У тебя,—говорю,—глаза неправильные: и спереди, и сзади она блондинка!» Онъ меня, мраморный, на всей ѣздѣ въ бокъ, я изъ саней кубаремъ, вывихнула руку и недѣлю въ постели пролежала. А изъ-за чего? Сама знаю, что шатенка, а вру, привычка коммерческая... Усы! повернись! Талія не длинна?

— На своемъ мѣстѣ. Видите?

— Я — женица, копченый, и ничего въ вашихъ костюмахъ не понимаю. Я изъ-за чего, собственно, тебя извожу: графы, да князя у насъ на свадьбѣ будутъ, такъ чтобы не острамиться моею рекомендаціей. Усы, шарки ножкой!

— Какъ-съ?

— Ногой шарки. Хочу посмотрѣть, какъ у тебя во фракъ торжественность выйдетъ.

— Это я сдѣлаю въ свое время.

— А ежели ты начнешь гордиться, такъ я сейчасъ съ тебя и фракъ сыму, и еще покруче твоихъ усовъ для операціи найду. Пройдись, сперва, а потомъ раскланяйся со всею достоинствомъ.

— Извольте-съ. Конечно, это пустяки.

— Для тебя пустяки, а для меня сурьезъ. Должна я видѣть, за что деньги плачу. Ты съ перевалочкой, съ перевалочкой, вотъ такъ... Король, право, король никовый. Словно тросточка камышевая гнется и хвосты врозь, на манеръ какъ бы отъ вѣтру колышатся. Теперича шаркни и поклонъ сдѣлай дамѣ.

— Вамъ-съ?

— Валяй мнѣ, я за даму сойду. Хорошо, съ большою вентиляціей поклонны дѣлаешь.

— Съ граціей, вѣроятно, — подсказалъ, ухмыляясь хозяинъ магазина.

— Все равно хорошо, что съ граціей, что съ вентиляціей. Вотъ только патреть у тебя деревянный.

— У меня-съ?

— У тебя. Когда дамамъ ножкой шаркнешь, долженъ перекроить патреть, нѣжность въ патреть пусти и глазами въ дамское сердце стрѣльни... Стрѣляй!

— Сичасъ не могу. Надо сдѣлать репетицію.

— А ты сдѣлай безъ этой петиціи. Для тебя же я стараюсь, тебѣ же счастье хочу предоставить, а ты ломаешься. Заводи глаза подъ потолокъ.

— Не умѣю... и вообще это... послѣ лучше.

— Заводи, тебѣ говорятъ, а потомъ устремим на меня и пронзи. Тѣфу, что значить во фракѣ то, мужчина: у меня даже сердце застучало... Покоримъ вдову, будь покоенъ. И усы у тебя вельзевуловскіе, и стрѣлять безъ пороху наскрозь можешь. Копченый, что возъ-

мешь, за прокатъ парата? Не ограбь только, мраморный!

Сваха живо сторговалась съ портнымъ, дала ему залогъ и, взявши фракную пару, отправилась съ будущимъ шаферомъ колесить по Москвѣ.

XXIV.

Заѣхавши мѣстъ въ пять, шесть, она уже къ вечеру привезла шафера къ Крутозобовымъ «познакомиться».

— Положимъ, тебя они наняли для торжественнаго случая, а все таки неловко не познакомившись... жениховскій шаферъ и вдругъ жениха въ глаза не видалъ... еще по шеѣ, пожалуй, для недоразумѣнія насыпать.

Крутозобовы пили вечерній чай, когда сваха ввалилась къ нимъ въ квартиру.

— Ну, вотъ, я вамъ и шафера привезла!— заявила она, громко чмокая хозяйку.—И даже весь его инвентарь паратный, получайте.

— Очивно пріятно-съ,—заговорилъ хозяинъ, протягивая руку шаферу.—Позвольте узнать имя и отчество.

— Копаевъ Валерьянъ Сосипатровъ.

— Иванычъ, а не Сосипатрычъ... благородный человѣкъ, а чиномъ полковникъ.

— Я полковникъ?

— Полковникъ, мраморный, всякій по усамъ твоимъ видить, что изъ полковниковъ, полковникъ. Въ пяти страженіяхъ былъ и въ семи мѣстахъ рану получилъ. Какъ эта рана называется то, усы? Конфузіей, что-ли?

— Контузіей-сь.

— Вотъ, вотъ! И спереди, и сзади его оконфузили, но человѣкъ со всѣхъ сторонъ достойный. Плохаго я и не взяла бы... съ понной свадьба, значить полковника бери... дешевле ни почему нельзя.

— Садитесь, пожалуйста... очень вамъ благодарны... Архипъ, кланяйся господину шаферу... это женихъ-сь.

— Весьма приятно-сь,—сѣлъ «полковникъ» на стулъ.—Кольца заказали?

— Нѣтъ-сь.

— Мраморные, какъ же это такъ?—всполошилась сваха.—А у меня и изъ ума вонъ, хорошо, что я такіе умные усы подхватила, всякую декорацію понимаетъ... Я сейчасъ же поѣду и закажу.

— Сдѣлай одолженіе, Савишна... можетъ, до завтра сложить можно?

— И сейчасъ успѣю... только вы ужь тутъ безъ меня полковника ублагодарите,—съ утра вѣдь не жрамши, все со мной путается.

— Это первымъ долгомъ... будь покойна, Савишна.

— А я поѣду... пойломъ то его не невольте... взойдетъ въ воинственный духъ и начнетъ у васъ небель ломать... Въ мѣру угощайте... Ну, до свиданія, мрамораше.

Сваха сорвалась съ мѣста, торопливо одѣлась и исчезла.

— Чѣмъ просить прикажете, господинъ полковникъ?—спросилъ Крутозобовъ, подсаживаясь къ гостю и смотря ему подобострастно въ глаза.

«Полковникъ» посмотрѣлъ ласково на хозяевъ, плюнулъ въ уголъ и проговорилъ:

— Водочки и селедочки!

Хозяинъ мигнулъ сыну. Женихъ опрометью бросился въ лавку.

XXV

Въ хлопотахъ и суетахъ Крутозобовы и не замѣтили, какъ подкатился давно желаемый день свадьбы ихъ родимаго дитятки Архипушки.

Архипъ каждый вечеръ ѣздилъ къ невѣстѣ, возилъ ей то шоколаду, то мармеладу, а иногда и «самыхъ французистыхъ», по его мнѣнію, конфетъ отъ Трамбле. Съ ролью жениха онъ, мало-по-малу, освоился вполне, и дня за два до свадьбы сталъ уже самъ лѣпить поцѣлунъ въ губки невѣсты, безъ всякихъ просьбъ и понужденій со стороны родныхъ.

— Вамъ это не противно-съ?—спрашивалъ онъ изъ приличія у невѣсты послѣ каждаго поцѣлуя.

— Ахъ, что вы! — вспыхивала она. — Совсѣмъ напротивъ.

— А то вы скажите-съ... Я покедова-могу и безъ эстого обойтись!

Сваха отъ жениховской смѣлости въ восторгъ пришла.

— Давно бы такъ скомандовалъ, а то сидить возлѣ бутона майскаго и на манеръ статуя глазами хлопаетъ... Въ такомъ разѣ губами нѣдо хлопать, а не глазами.

— Неловко какъ то и для нихъ конфузно-съ,

а то бы я давно приступилъ къ оному, — ежился Архипъ, съ развязностью поглядывая на невѣсту.

— Приучать дѣвицу къ такой пріятности надо... Поконфузится, поконфузится, да и бросить... такое ужъ дѣло наше дѣвичье, мраморный, конфузся не конфузся, а губы жениху подставляй.. Потачки нашей сестрѣ давать вельзя, а то апосля и сладу не будетъ... Лобызни еще разоѣкъ для комплекту.

Женихъ «лобызалъ» и снова спрашивалъ: «вамъ, можетъ, это противно-съ?»

Вечера у невѣсты проводились однообразно. Родители невѣсты, встрѣтивъ жениха и напоивъ его чаемъ, удалялись въ свои апартаменты, дабы не стѣснять молодежь своимъ присутствіемъ.

Невѣста садилась за фортепіано, а женихъ, вставши въ позу нечаянно подавившагося костью, оралъ благимъ матомъ «Среди долины ровныя» и тому подобные романсы, наводя своимъ задушевымъ пѣніемъ тоску и уныніе на прислугу.

Въ антрактахъ онъ цѣловался съ невѣстой и рассказывалъ ей смѣшные анекдоты вроде того, какъ одна чиновница, выходя изъ ихъ лавки, оступилась, упала и переломила себѣ ногу.

— Бутылку съ деревяннымъ масломъ она неслась... бутылка вдрызгъ-съ... она, понимаете, лежитъ и оретъ, а масло подъ нее течетъ... смѣшно-съ!

Невѣста на такіе анекдоты очень мило улы-

балась и уписывала за обѣ щеки жениховскій мармеладъ или «французистыя» конфекты.

Наканунъ свадьбы, какъ водится, былъ дѣвичникъ. Въ этотъ день, по изстари заведенному обычаю, женихъ принимаетъ приданое, а невѣста, въ кругу своихъ подругъ, прощается съ дѣвичьею жизнью.

Сваха еще наканунъ предупредила Крутозобовыхъ, что она заѣдетъ за ними часовъ въ пять вечера и просила, чтобъ они были къ этому времени готовы.

— Да ужь будь покойна, Савишна, — говорила сама, прощаась со свахой. — Все въ точности исполнено будетъ, только ты скажи сватьѣ-то, что я по росписи приданое принимать стану.

— Не дѣлай этого, — сама знаю, что съ излишкомъ всего положено... Вѣрь ты мнѣ, никакого рацету нѣту имъ свою родную дочь надувать... да и люди они, сама видѣла, какіе... Чистые дворяне благородные.

— Дворянинъ дворянину рознь, Савишна, — замѣтилъ самъ, выходя на бабій разговоръ. — У меня сичасъ дворянинъ одинъ девять мѣсяцевъ семнадцать съ полтиной не платитъ, и взять съ его нечего, потому у него одна только вѣтреная подвижность есть — картузъ съ кокардой...

— Хоть картузъ да есть...

— Да рази ему семнадцать съ полтиной дѣна? На толкучкѣ я тебѣ любую кокарду за три гривенника куплю...

— Архипу подари... Поѣдетъ онъ въ немъ верхомъ кататься, всѣ его за дворянина и примутъ.

— А потомъ въ участокъ за это дворянство заберутъ... Нѣтъ, ужъ Богъ съ ней и съ ковардой... безъ нея много спокойнѣй... На-счетъ приданныхъ денегъ тоже вотъ... чтобъ всѣ были готовы.

— Не зажимать, не бойся...

— Оттяжку сдѣлать могутъ, а я на это не согласенъ.

— И чтобъ все приданое развѣшали, Савишна... посмотрѣть-то пріятно. когда все оно красуется, ровно въ магазинѣ...

— Я скажу имъ, ну, только, по - моему, не надо бы такому обычаю подражать: люди они современные и отъ вашего невѣжества далеко ушли.

— Мы, вѣдь, по-просту, Савишна.

— Вы-то по-просту, а имъ можетъ обиднымъ показаться. Они же довѣряютъ вамъ, такую красоту писаную безъ всякой росписки отдають, а вы въ юбкахъ не довѣряете...

— Для порядку, Савишна... не нами это заведено, не нами и кончится.

— И потомъ, вѣдь, сами они роспись дали... по росписи и сдавай.

— Благородства въ васъ нѣту, ей-Богу, ни шиша нѣтъ. Мнѣ все равно, но только одно вы завсегда должны помнить, что она одна дочь и что апосля ихъ все ваше-же будетъ.

— Это очинно пріятво, но и упуцать своего тоже не слѣдъ. Сказано: по росписи. по росписи и сдавай; написано: десять тыщъ! Давай ихъ сюда: пересчиталь, въ карманъ положиль и крестикъ супротивъ десяти тыщъ поставиль, дескать, получилъ. Написано: Божіе милосер-

діе— давай сюда Божіе милосердіе... и сичасъ крестикъ супротивъ.

— Идолы вы и больше ничего! Прямо можно сказать, червь непросвѣщенная... Вамъ Архипа то на городовихѣ женить, а не на образованной дѣвицѣ... Какихъ объ васъ послѣ этого понятіевъ они должны быть?

— Кажный, Савишна, по-своему понимаетъ. А главное времена нынче такія: въ лучшемъ видѣ оплетутъ. Противъ насъ сичасъ Тяпкинь недавно сына женилъ. Роспись-то на трехъ листахъ была, а домой отъ невѣсты одинъ только серебряный самоваръ привезъ, да и тотъ безъ пробы... Облапошить дураковъ по нынѣшнему времени ничего не стоитъ-сь!

— Это вѣрно, милая,—подтвердила сама,— а намъ довѣрять никакъ невозможно: мы люди торговые...

— Скажу! Мнѣ, вѣдь, никакого антиресу нѣтъ ихнюю руку держать, потому отъ васъ я должна кутражъ получить, а съ невѣсты взятки гладки.

— Никакого мы тебѣ кутражу, Савишна, не общаемъ... Девьгами—это дѣйствительно.

— По вашему деньги, а по образованному кутражъ... Коли вы чего не понимаете, мраморные, у Савишны спросите... Савишна все вамъ прояснить и на умъ наставить. Не слѣдъ бы, по-моему, охъ, не слѣдъ по росписи приданное принимать,—себѣ только напередъ всю кальеру испортите, ну, да ужъ это ваше дѣло... Сказать я имъ скажу съ удовольствіемъ, потому ваши антиресы соблюдаю.

— И чтобъ все до копѣйки безъ оттяжки

приготовили, а то скажутъ: извините, мелкихъ нѣтъ, ну, и утрись, а эти «мелкія»-то, глядишь, тыщи въ три и въѣдутъ... Требууй, Савишна!

— Да ужь я свое сдѣлаю. Не такіе они только люди, чтобъ свое рожденіе обсчитать, да на лѣвую ногу обдѣлать... До свиданія, мраморные!

На другой день сваха запоздала. Во-первыхъ, ее задержали въ магазинѣ золотыхъ вещей, гдѣ передѣлывали кольца, оказавшіяся черезчуръ обширными. Сваха изругала прикащиковъ «мраморными пнями» и полетѣла навѣститъ, на всякій случай, шафера: живъ-ли? Богъ знаетъ! Все живъ, все живъ, а потомъ возьметъ да въ нужную минуту и подложетъ свинью. А Савишна въ «усастаго», по ея словамъ, «плохо вѣровала».

— Хоть и изъ военнаго онъ званія, а храбрости къ нему не чувствуешь! Ни кавалеръ, ни штатскій!... Просто мыло дурацкое: окуни его въ теплую воду, оно и расплзлось!

Несмотря, однако же, на «страхи» Савишны, шаферъ оказался совершенно живымъ и даже пьянымъ.

И его она изругала.

— На богатой вдовѣ жениться хочешь, а нализался! Дуракъ и больше ничего! Я ему и фрагъ, я ему и шляпу-трахъ, я ему и вдову, а онъ за сутки надушился! Нѣтъ тебѣ вдовы, ежели къ завтрашнему числу духъ съ себя не спустишь!

— Madame! Pardon! Milles pardons!—бормоталъ шаферъ, совсѣмъ не ожидавшій эк-

стренной «ревизіи» свахи. — Совсѣмъ нечаянно... сосѣди... милые люди... цвѣтъ молодежи... стали поздравлять съ брачной парой и... vous comprenez... sprysнули... честное слово, только sprysнули! Нельзя, madame, невозможно... такая блестящая роль... въ нѣкоторомъ родѣ дебютъ и... вдругъ безъ водки... Я не свинья, madame, я, наконецъ, не скотина... un animal... дебютъ и... voilà tout...

— За пьяный дебютъ завсегда бьютъ... и ежели ты мнѣ къ завтрашнему вечеру въ трезвенный курсъ не взойдешь, я тебя чѣмъ ни попадя изуродую... понялъ? Страмить я себя не дозволю... Пролетарь и свинья... тьфу!

Сваха плюнула отъ негодованія и заперла «свинью-пролетара» на замокъ.

Отдавая ключъ швейцару, чтобы тотъ передалъ его по возвращеніи со службы крестнику, Савишна сунула ему двугривенный и строго-на-строго наказала не носить водки «усастой свиньѣ», промочившей, по ея мнѣнію, «насквозь свое дворянское достоинство».

XXVI.

Опоздала она на цѣлыхъ полчаса и прилетѣла къ Крутозобовымъ вся въ поту и негодованіи на шафера.

— Что ты, Савишна, аль что стряслось? — встрѣтила ее хозяйка. — Лица на тебѣ нѣтъ!

— Ничего, мраморные, — плюхнулась та на стулъ. — Пустяки все: то въ одномъ мѣстѣ задержка, то въ другомъ остановка... Вы готовы?

— Готовы.

— А дроги-то за приданымъ посланы?

— Кондитеръ сказалъ, что къ восьми часамъ у нихъ на дворѣ будутъ.

— Ну, и чудесно... Фу-у! А женихъ гдѣ?

— Здѣсь-съ, — появился тотъ изъ другой комнаты. — А къ намъ нонче отъ невѣсты спальная мебель прислана.

— Ну, вотъ, видите, а вы не довѣряете... Хороша?

— Обнаковенная, — вздохнула сама. — Я думала и бо-знать што, ничего такого, — двѣ кровати...

— А тебѣ что-же, балдахинъ что-ли прислать?

— Не балдахинъ, а подъ обои бы, съ золотомъ, и потомъ двѣ кровати, ровно разводъ, а не свадьба.

— Вотъ идола-то, прости Господи! Да теперь все двѣ кровати пошли.

— Мы вѣдь по-старинѣ, Савишна.

— Такъ вы-бы и женили своего дурака въ старину, а сейчасъ у насъ, люди умные говорятъ, двадцать пятое столѣтіе поѣхало...

Крутозобовы собрались быстро и покатали за приданымъ въ каретѣ.

Сваха ворчала всю дорогу и обзывала ихъ «невѣжествомъ».

«Невѣжество» вздыхало и всю дорогу молчало. Только когда карета подкатила къ дому отца невѣсты, самъ нагнулся къ свахѣ и спросилъ добродушнымъ тономъ:

— Насчетъ десяти тыщъ то имъ говорила?

— Все сполна получишь, не таковскую

вамъ невѣсту сосватала!—съ гордостью отрѣзала сваха.

Крутозобовъ посмотрѣлъ съ ласкою на сваху и повернулся къ жениху.

— Архипъ, крестись! Пріѣхали!—проговорилъ онъ, хватаясь за ручку каретной дверцы.

Гостей хозяева встрѣтили честь-честью въ передней и всѣхъ по-очереди перецѣловали.

— Крендель, мраморный, крендель! — шепнула сваха жениху. — Не забывай своей позиціи!...

Женихъ свернулъ руку кренделемъ и нагнулся бокомъ къ невѣстѣ.

Невѣста подхватила его за крендель и повела въ залу, гдѣ на столѣ уже кипѣлъ самоваръ.

Чаепитіе совершилось въ обычномъ порядкѣ. Гости пили чай, толкуя о погодѣ и происшествіяхъ, вычитанныхъ изъ газетъ, затѣмъ опрокидывали вверхъ донышками чашки, привставали съ своихъ мѣстъ и благодарили хозяевъ за угощеніе.

Хозяева, съ своей стороны, перевертывали чашки донышкомъ внизъ, кланялись гостямъ и просили выпить ихъ «еще одну чашечку».

И гости, и хозяева въ теченіе двухъ-трехъ часовъ только тѣмъ и занимались, что перевертывали чашки, вытирали катившійся градомъ потъ съ физиономій и кланялись другъ другу чуть не въ поясъ.

— А вотъ тамъ, Архипъ Семенычъ, Лиза супризь приготовила!—проговорилъ, наконецъ, хозяинъ, одолѣвшій чуть не двадцатый ста-

канъ.—Ежели напились чаю, она вамъ покажетъ его!...

Женихъ сорвался со стула и посмотрѣлъ вѣпросительно на отца.

— Сочти!—прошепталъ тотъ, нагибаясь къ уху сына.— Для вѣрности!...

Крутозобовъ потеръ руки и съ сладкою улыбкой подвинулъ пустой стаканъ хозяйкѣ.

Женихъ поставилъ снова крендель невѣстѣ и прошелъ съ ней въ гостиную.

— Вы знаете, какой это сюрпризъ? —спросила его невѣста на пути.

— Какъ же это знать съ? Вѣроятно, что-нибудь пріятное-съ?

Женихъ сѣлъ. Невѣста отлучилась куда то на минуту и затѣмъ принесла ему коробку изъ-подъ конфетъ.

— Вы мнѣ всегда конфеты носили, теперь я вамъ хочу поднести.

— Пустая-съ?

— А вы посмотрите.

Женихъ взялъ коробку, открылъ ее и ухмыльнулся.

— Деньги-съ! — проговорилъ онъ и, чмокнувъ въ губы подсѣвшую къ нему невѣсту, справился:—Вамъ не противно-съ?

— Ахъ, что вы, что вы!

— Десять тыщъ?

— Право, не знаю, папаша велѣлъ вамъ отдать, а сколько—мнѣ неизвѣстно.

— Десять тыщъ, должно! — говорилъ женихъ, развязывая пачки. — Мы сочтемъ-съ, вы, Лизанька, ничего супротивъ не имѣете-съ?

— Я, что же, мнѣ папаша велѣлъ.

— Ну, вотъ мы и сочтемъ, покуда они тамъ себя пропариваютъ... между прочимъ, тутъ и серіи, и купоны, и облигаціи... полный шурумъ-бурумъ. Кредитными бы много покойнѣе-сь, Лизанька.

— Это не я, это папаша.

— Мы понимаемъ, что это папашенькино награжденіе-сь, но только во всякомъ случаѣ кредитными бы много способнѣе.

Невѣста сконфузилась.

— Я, право, Архипъ Семенычъ...

— Дозвольте поцѣловать-сь... не противно-сь?

— Напротивъ...

— Кредитными, какъ можно... вотъ сичасъ серіи взять-сь... по какое число они вашимъ родителемъ спущены-сь? Нонче, вѣдь, серіи ни почемъ-сь... полтора мѣсяца назадъ скидываютъ-сь... я намедни такъ ловко влетѣлъ: взялъ за мѣсяцъ впередъ, а меня тятенька по затылку: съ кого, говорить, я сорокъ семь съ половиной копѣекъ возьму? Съ твоей морды, что ль?

— Если хотите, я позову папашу.

— А мы сперва сочтемъ-сь... Что ихъ понапрасну утруждать?... Можетъ, тутъ и вѣрно все? Конечно, ежели окажется невѣроятность въ суммѣ, то я сичасъ тятеньку и вы тятеньку... Купонъ сичасъ посмотрите: не угоднели-сь! Склееный-сь!

— Неужели?

Склееный-сь, ему полцѣны—цѣна, и номера даже разные-сь, видите-сь, цифра шесть на концѣ-сь, задомъ напередъ написана-сь... Жу-

лики-сь! Навѣрно папашу отлично надули... мы въ сторожку отложимъ-сь и не станемъ считать... Поцѣловать ручку дозвольте.

Женихъ влѣпилъ поцѣлуй и потянулся за новой пачкой.

— И бумажки-то, Лизанька, у вашего тятеньки все какія-то засаленныя-сь,—говорилъ женихъ, аккуратно и медленно пересчитывая сотенныя кредитки,—словно изъ мясной, али изъ масляной лавки-сь... Положимъ, что которыя просаленныя, тѣ прочнѣе-сь, а все таки виду въ ихъ нѣту денежнаго: все одно, что оберточная бумага-сь...

— Папаша перемѣнитъ, если вамъ не правится...

— Зачѣмъ тятеньку беспокоить!... У насъ сойдегъ-сь.. Главное только, чтобъ фальшивыхъ не было, а съ масломъ, али тамъ съ салцемъ, это ничего-сь... Вотъ эта сотенная, по моему, фальшивая-сь,—остановился женихъ на кредиткѣ, рассматривая ее на свѣтъ,—взгляните, Лизанька-сь...

— Я ничего не понимаю въ бумажкахъ.

— Надо понимать-сь. Деньги—это первое дѣло-сь, а то завсегда вамъ могутъ фальшь всучить. Фальшивая-сь! Тыни совсѣмъ не тѣ-сь... я ее огложу-сь...

— Отложите, папаша перемѣнитъ.

— Безпремѣнно надо перемѣнить, потому это не красненькая и не пятерка... пятерку тамъ, али красненькую еще я могу спустить-сь. Мелкая бумажка завсегда уйти можетъ, а крупную трудно замужъ отдать: того гляди, тебя

самого на полиціи женять... Дозвольте губки на одну минутку...

— Вамъ, чай, ужь надоѣло цѣловаться?— оттопырила невѣста губки.

— Мнѣ-съ? Богъ съ вами-съ... Я только что во вкусъ вхожу, а вы такія подозрительныя слова. Напротивъ, весьма даже пріятно-съ, потому, главное, любовь-съ...

— А вы... очень меня любите?— потупила та глазки.

— Страсть-съ! Маменьку съ тятенькой такъ не люблю, какъ васъ

— Вотъ ужь ни за что не повѣрю!

— Ей-Богу-съ! Мнѣ что же врать передъ смертью?.. Завтрашняго числа полный аминь-съ: оставъ тятеньку съ маменькой, сказано, и прилѣпись къ женѣ-съ... Ежели я вамъ стану врать, вы сейчасъ увидите это, и никакого на меня взгляду не пустите... Опять же отъ тятеньки съ маменькой я съ малолѣтства, акромя бранной политики, никакого сочувствія не вижу, а вы сейчасъ и поцѣлуете, и все такое, честь-честью... Какъ же мнѣ васъ не любить послѣ такого происшествія-съ? А вы меня любить будете-съ?

— Ежели вы мнѣ сочувствіе, такъ и я вамъ...

— За меня не бойтесь: я васъ даже обожать буду, ежели прикажете... Мнѣ эта музыка ничего не стоитъ... Дозвольте губки на секунду-съ... Мерси-съ... Вотъ только кредитки недоброкачественныя, не изъ перваго сорту, а то бы я... вторая фальшивая-съ!

— Ужель опять?

— Смотрите-съ... радуга слиняла-съ: на одномъ концѣ радуга, а на другомъ ни шиша-съ... словно этотъ конецъ въ стирку отдавали-съ...

— Отъ времени, можетъ, стерлась... бумажка ужь очень замаятая...

— По моему, фальшивая-съ... Положимъ, что отъ временъ и человѣкъ всякую радугу теряетъ, и на манеръ тряпки по свѣту бродить, а все таки сотельную брать опасно: лучше отложить-съ...

— Отложите. Папаша, вѣроятно, не откажется перемѣнить.

— А не перемѣнить, я ее кондитеру спушу-съ... тыщи полторы за наше бракосочетаніе-то сдеретъ, такъ можно и фальшивую на память взять... Восемь, девять, десять... А люблю я деньги считать-съ... такъ-бы, вотъ, кажется, сидѣлъ съ утра до ночи и все бы считалъ-съ, а вы любите, Лизанька?

— Совсѣмъ не люблю.

— Какъ же это можно-съ? Деньги надо любить-съ... безъ денегъ человѣкъ, говорятъ, бездѣльникъ...

— Я этого совсѣмъ не повимаю. По моему, лучше про чувства разговаривать.

— Чувствы что-съ!... Дайте-ка мнѣ денегъ побольше, такъ я вамъ такія чувствы разведу, что вы ахнете-съ!

— И безъ денегъ можно.

— Безъ денегъ скучно-съ... Семь съ половиною кредитныхъ, акромья двухъ фальшивыхъ-съ... такъ-съ?

— Право, не знаю... папаша далъ мнѣ ко-

робку и говорить: какъ прїѣдетъ женихъ, такъ ты ее ему и вручи.

— Безъ счету, стало, отъ тятеньки приняли? Нехорошо-съ... деньги счетъ любятъ, а ежели онъ васъ обсчиталъ?

— Что вы, развѣ это можно?

— Случается-съ... Вдругъ нечаянно, или вдругъ со слѣпу, бумажка-то красненькая, а онъ безъ очковъ ее за сотенную поровитъ... вотъ тебѣ и прочеть... Когда мы поженимся, Лизанька, ни отъ кого деньги безъ счету не берите.

— Даже отъ вашего папаша?

— Отъ тятеньки? Да мой тятенька первый обочтетъ; у него ужъ привычка такая: то не доглядѣлъ, то проглядѣлъ... сколько разъ я отъ него таску получалъ; дастъ свертокъ съ мелочью, да рваными рублевками и пошлетъ въ городъ хоть-бы, къ примѣру, табаку съ папиросами купить «Тутъ, скажетъ, двадцать пять рублей, смотри, не растеряй!» Начнешь расчитываться, глядишь—двухъ, али трехъ цѣлковыхъ и не хватаетъ... ну, и сейчасъ таска! Не теряй!

— Мой папаша никогда и никого не обчитываетъ.

— Привычки не завелъ. У кажнаго родителя, Лизанька, своя привычка... Значить, семь тыщъ триста мы будемъ класть, такъ-съ?

— Я не знаю... Вы считаете, вамъ виднѣе.

— Семь тыщъ триста, будьте покойны. Дозвольте губки передъ купонами-то?

— И такъ ужъ, кажется, часто.

— Ничего-съ, кашу масломъ не испортишь.

Мерси-сь!... Акція Тьмутараканской желѣзной дороги въ двѣсти рублей... Лизанька, по-моему такой дороги и на свѣтѣ вовсе нѣтъ-сь.

— Откуда же папаша ее взялъ?

— Акцію то - съ? Напечаталъ, — только всего-сь.

— Какъ напечаталъ?

— А какъ печатають въ литографіяхъ .. на манеръ свадебныхъ билетовъ; бумага-то съ печатью, можетъ, цѣлковыхъ полтора стоитъ. а онъ ее за двѣсти зятю-сь... Я ее не возьму-сь.

— Скажите ему.

— Скажу съ... Да тятенька меня за эту Тьмутараканскую акцію, не говоря худого слова, прямо гнилою шпалой по затылку-сь... И къ чему намъ она, Лизанька? Совсѣмъ не къ лицу... Богъ съ ней, отложимъ-сь.

— Отложите.

— И не отложилъ бы изъ уваженія, да ужъ очень тятенька ядовитъ насчетъ денегъ-сь: акціонеръ, скажетъ, какой нашелся, сроду въ пассажирахъ не былъ и вдругъ акціи завелъ... У тятеньки вашего она уйдетъ, а намъ ни къ чему-сь. Серіи мы будемъ считать по курсу съ. по мѣсяцу съ ихъ скинемъ-сь.

— Вамъ лучше знать, я ничего въ этомъ не понимаю.

— Вотъ только пожениться намъ, а то я васъ всему научу-сь... Дозвольте передъ серіями-то чуточку лобызнуть...

— Да вы передъ акціей цѣловались.

— Передъ акціей, по настоящему, и цѣловаться не стоило съ... И выкопалъ же вашъ

тятенька городъ: Тьматаракановъ! Самое египетское мѣстоположеніе, по моему Блохокусаевъ городъ много чище-сь.

— Такого города, кажется, и нѣту вовсе.

— А вы думаете Тьматаракановъ существуетъ на свѣтѣ-сь? Просто аллегорія для дураковъ. Меня такъ-то махонькаго спросили: ты знаешь, гдѣ городъ Деркушинскъ находится?—Не знаю, говорю.—Показать?—Покажите, сдѣлайте милость... Ну, и показали... такъ уши надрали, что съ полчаса бѣлугой ревѣлъ-сь... Аллегорія глупая-сь... Щеты у вашего тятеньки есть-сь?

— Это которые съ косточками?

— Они самые-сь... Дозвольте на нѣкоторое время,—надо купоны съ серіями на ихъ прощелкать-сь.

Невѣста принесла счета, и женихъ, прикладываясь по временамъ «для облегченія счету» къ губкамъ невѣсты, принялся щелкать косточками.

— «Истинникъ», мраморный, считаешь?—сунулась было сваха къ жениху, съ жадностью поглядывая на разбросанные по столу деньги.

— Я васъ попрошу оставить насъ въ покоѣ-сь,—отрѣзалъ женихъ, прикрывая руками деньги. — Событе меня въ счетъ и никакого черезъ это у насъ приему приданого не выйдетъ.

— Уйду, уйду, считай, знай!—отмахнулась та, повертывая назадъ оглобли.—Что значить человекъ до денегъ-то дорвался, совсѣмъ другою словесностью заговорилъ... тьфу!

— Глупая женщина, Лизанька,—говорилъ

въ это время женихъ невѣстъ,—завсегда суетъ свой носъ, гдѣ ее не спрашиваютъ... Вы ее не очень-то принимайте, какъ поженимся: свахи—такая уже прожорливая нація, имъ бы только пожрать, да попить на чужой счетъ... Въ шею-съ!

— Развѣ это возможно? Она же насъ со-сватала.

— За это и вознагражденіе получить. Вотъ ежели бы она даромъ старалась дѣло десятое, а то вѣдь своего не упустить... И тятенька того же мнѣнія: какъ свадьба, говоритъ, кончится, такъ ей полную сичасъ отставку по шеѣ!... Аккуратъ трехъ сотъ и двухъ съ полтиной не хватаетъ... вѣроятно, у вашего тятеньки прочетъ вышелъ-съ... Два съ полтинкой я скину съ, а три сотенныхъ прикажите получить-съ.

Невѣста сконфузилась.

— Какъ же это вышло?... Папаша, кажется, вѣрно считали.

— Это бываетъ-съ... Акцію-то тѣмъ таракановскую я въ коробку положу, потому все одно, что у вашего родителя... Вы ему на ушко шепните: дескать, прочетъ, тятенька-съ!... При мнѣ, дескать, считаль...

Невѣста ушла и, спустя минутъ пять явилась снова

— Мамаша изъ своихъ дала, папашу мы не хотѣли беспокоить,—проговорила она, передавая жениху деньги.

— Намъ, Лизанька, съ вами все равно, лишь бы деньги были настоящія... теперь все

сполна-сь!—захлопнулъ онъ коробку.—Дозвольте сперва ручку-сь...

— Зачѣмъ это?

— Нельзя-сь: десять тыщъ — деньги-сь... а теперь губки-сь... Мерси-сь! А я думалъ, у васъ нонче форменный дѣвишникъ, съ барышнями, два купона было имъ на орѣхи приготовилъ.

— Папаша не захотѣлъ, теперь ужъ это несовременно.

— Одобрѣю вполне: и расходъ лишній, и... пользы отъ ихняго пѣнія никакого.

— Ну-сь, зятекъ, — вошелъ въ гостиную хозяинъ,—супризь отъ Лизы получилъ?

— Дозвольте ручку-сь!—бросился женихъ къ будущему тестю.

— Лучше такъ поцѣлуемся.

— Покорнѣйше васъ благодарю-сь... всегда-сь...

— Смотри только, люби ее и береги, аки зѣницу ока.

— Слушаю-сь! Я могу... отъ души... помилуйте, рази это можно?

— Такой бутонъ да не любить, мраморный? — вынырнула изъ подъ руки хозяина сваха, — да онъ за счастіе долженъ почитать... Архипъ Семенычъ, докажи родителю свою любовь.

— Сичасъ-сь!.. Лизанька, губки-сь...

— Ну, вотъ, чтобъ весь вѣкъ такимъ манеромъ прожить, — говорилъ хозяинъ, смотря на цѣловавшагося жениха съ невѣстой, — се будешь любить, а я тебя вдвое за это...

— Слушаю-сь, будьте покойны-сь! — говорил женихъ, кланяясь тестю.

— Лобызни, лобызни кестя-то, — толкала его подъ локоть сваха, — ну, кто за такого дурака десять тыщъ отвалить?

Хозяинъ принялся съ охотой лобызать зятя и сказалъ вошедшей сватьбѣ:

— Ну, сватьюшка, вы желали приданое по росписи принять, — пожалуйста въ спальную. Роспись-то захватили?

— Она у меня-сь, — отвѣтилъ женихъ, вытаскивая изъ кармана вчетверо сложенный листъ бумаги. — Маменька, — шепнулъ онъ на ходу матери, — вы принимайте, а я буду крестики ставить.

Всѣ гурьбой вошли въ спальню, довольно обширную комнату, въ которой и висѣло, и лежало на всѣхъ стульяхъ приданое невѣсты.

— Маменька, кажется, шелковое-сь? — бормоталъ женихъ, ощупывая висѣвшее на двери платье.

— Смотри, не съ шерстью ли шелкъ-то, — отвѣтила та.

— А вы смотрите-сь...

— Рази все углядишь! Сичасъ ситцевыя платья пойдуть, а вдругъ линючя? Застирать бы, по настоящему, платья слѣдовало...

— А вы на языкъ, маменька-сь... пожуете и узнаете.

— Неловко, какъ быдто.

— Ничего-сь... отвернитесь какъ нибудь въ сторонку и пожуйте, ежели на языкъ краску почувствуете, значитъ линючая...

— Мраморная, принимай! — подошла къ

нимъ сваха.—Только глупо вы это дѣлаете; всего излишнее положено... Платьевъ шелковыхъ сейчасъ въ росписи восемь, а ихъ десять...

— Можетъ, пошеныя, Савишна?

— Сами-то вы черти пошеныя, прости, Господи! Одна только конфузія съ вами.. Ну, а ты чего, мраморный, тутъ торчишь?—обратилась она къ жениху, — ну, твое-ли здѣсь дѣло, въ бабьихъ юбкахъ разбираться?...

— Я для крестиковъ больше...

— Для какихъ крестиковъ?

— А которые на росписяхъ ставятся. Какъ получалъ, такъ сейчасъ и отмѣтилъ...

— Безъ тебя отмѣтимъ; предложи невѣстѣ крендель и уходи къ фортуныномъ въ залу.

— Маменька, какъ же быть-съ?—нерѣшительно проговорилъ тотъ.

— Пуцай, Савишна, онъ крестики ставить, я буду доброту смотрѣть, отецъ считать, а Архипушка отмѣчать.. Въ сундуки ужъ только ты укладывай.

— Тьфу! Сроду такихъ идоловъ не вѣнчала!... Сейчасъ уходи, мраморный!

— Какъ маменька.. Мнѣ чтожъ!... Главное, чтобъ не обдули.

— Вели ему уйти. мать родная!... Какъ ты полагаешь, пріятно будетъ невѣстѣ, ежели онъ весь ея туалетъ будетъ разсматривать?

— Мнѣ, Савишна, на туалетъ наплевать,—заявилъ женихъ,—мнѣ, главное, крестики...

— Тебѣ-то наплевать, а невѣстѣ стыдно, дубъ ты маврійскій! Уходи, мраморный, и

невѣсту уводи, видишь она и сичасъ ужъ въ конфузію взошла, щеки то ровно жаръ горять.

— Иди ужъ, Архипушка, — разрѣшила мать, — уважь на послѣдяхъ Савишну.

— Слушаю-съ... Только ежели, маменька, они обошьютъ васъ въ чемъ, я не виновать.

— Сватыюшка, пожалуйста сюда! — крикнулъ хозяинъ, — что у васъ тамъ за пренія такія?

Женихъ подошелъ къ невѣстѣ и свернулъ руку кренделемъ.

— Лизанька, вы желаете здѣсь быть-съ?

— Ахъ, вовсе не желаю!

— Въ такомъ случаѣ уйдемте-съ, вы сыграете-съ, а я спою-съ.

— Очень даже рада.

— Я такъ думаю, что все въ наличности безъ обману, — говорилъ женихъ, уходя съ невѣстой изъ спальни.

— Даже больше, чѣмъ по росписи.

— Неужели?

— Право, больше, въ особенности бѣлья.

— Дозвольте губки-съ для сахару... Мерси! Это хорошо, что больше, а то маменька насчетъ ночныхъ кофточекъ сумѣвалась. При такомъ приданомъ и вдругъ только полдюжина. Еще вотъ насчетъ...

— Перестаньте, давайте о другомъ говорить!

— Виновать-съ, дозвольте губки... мерси-съ!

Въ спальнѣ въ это время шелъ формальный пріемъ.

— Вотъ Божье милосердіе въ иконостасѣ, —

говорилъ хозяйнѣ,—четыре образа; вынимать не надо, полагаю, потому они вмѣстѣ съ иконостасомъ къ вамъ пойдутъ?

— Зачѣмъ вынимать? Совсѣмъ лишнее,—согласился Крутозобовъ. — Растревожись только.

— Пробу-то, пробу посмотри,—толкала въ бокъ Крутозובה жена.—Сказалъ, серебряный окладъ, а вдругъ мѣдный.

— Да какъ пробу-то смотрѣть, дура? — шепнуть тотъ въ отвѣтъ.—Ризу, что-ль, съмать съ образа?

— Ну, смотри, обошьютъ тебя на ризахъ.

— На чемъ другомъ, а на этомъ Богъ не попуститъ... Родная дочь, чай...

— Родная, а подоль сейчасъ на шелковомъ платьѣ грязный: накупили въ ссудной кассѣ съ укціону и награждаютъ.

— Ничего ты не понимаешь... Главное, деньги заплучили, а на ваши подолы и плюнуть можно.

— Свать, — перебилъ его хозяйнѣ.—Принимай золото: двѣ пары серегъ брилліантовыхъ...

— Мелки ужъ очинно брилліанты,—вырвалось у Крутозобовой.

— А крупные мужъ купить,—оборвалъ ее отецъ невѣсты.—Двѣ брошки съ брилліантами и сапфирами... Три браслеты...

— И брошки, свать, жиденъки... совсѣмъ жидоватыя браслеты...

— Эти брошки плохи? Да такихъ браслетъ и въ Москвѣ-то нѣту... Въ Питерѣ я ихъ по случаю купилъ.

Начался споръ. Спорили долго и по всякому поводу: то мѣхъ лисій на ротоцѣ какъ будто съ проплѣщинами, то простыни заштопаны.

Сваха, какъ уторѣлая, отирая потъ, летала отъ отца невѣсты къ отцу жениха и отъ матери жениха къ матери невѣсты и водворяла компромиссы.

— Мраморные! — кричала она, покрывая голоса «сдатчиковъ» и «пріемщиковъ» — изъ-за такихъ пустяковъ и разговоръ вдругъ на-канунѣ бракосочетанія? И изъ-за чего, спрашивается? Гдѣ недохватки, а гдѣ и пере-хватки... По моему, даже перехватки больше, ничѣмъ недохватки...

— Въ чемъ перехватка-то? Въ чемъ? — кричала Крутозобова

— Первое: въ юбкахъ фланелевыхъ, мраморная. Сказано — три, положено — шесть...

— Ты мнѣ, Савишна, юбками носъ не утирай, у меня носовые платки есть, — парировала та. — Ты на шерстяныя платья обрати вниманіе... пополамъ съ бумагой...

— Сватья! Сватья! — остановилъ хозяинъ Крутозобову. — Грѣхъ! Грѣхъ! Не лежало даже возлѣ бумаги...

— А простыни? Сказано — голландскаго полотна; а вы — изъ русскаго даете...

— Какое русское, сватья?... Ты думаешь, что голландское, такъ бархатъ?

— Мой Архипушка не согласенъ... Не можетъ онъ на русскомъ спать...

— Мраморная! — бросилась сваха къ спорщицѣ; — ну, что твой дуракъ въ Голландіи

понимаетъ? Ей-Богу, ни шиша! И на Ярославль за милую душу дрыхнуть станетъ... Плюнь ты на Голландію!

Спорили вообще долго, но въ концѣ концовъ благодаря компромиссамъ и добавкамъ, приданое было принято, и сваты остались друзьями.

Весь скарбъ невѣсты уложили въ сундуки, другими словами — «укладки», мать невѣсты заперла ихъ со звономъ, напоминавшимъ бой старинныхъ англійскихъ часовъ, и поднесла ключи матери жениха.

Всѣ снова расцѣловались и, прослезившись для порядка, двинулись откусывать хлѣба-соли.

XXVIII.

— Такъ вы завтра къ семи часамъ карету то пришлите, — говорила невѣста, прощаясь съ женихомъ.

— Въ аккуратѣ-съ. Съ шаферомъ даже-съ.

— А кто у васъ шаферомъ будетъ?

— Полковникъ, Лизанька-съ... Положимъ, что онъ въ отставкѣ, но усы военные... Усы у ихъ, все одно что знамя-съ... сейчасъ видно, котораго полка.

— Конный?

— Кажется, что конный, а можетъ и по пѣшеходной части... Вы завтрашняго дня по-ститься будете-съ?

— А какже... а вы?

— Я тоже, на просвирки себя посажу.. Маменька мнѣ ужъ пять просвирокъ по дву-

гривенному купила, акромья ничего-съ... до-
бызните для адыю-то-съ!

Распростившись съ невѣстой и, отправивъ
впередъ дроги съ приданымъ женихъ съ ро-
дителями и свахой покатишь во свояси.

— А я, тятенька, дворнику ихнему за про-
пускъ приданого то купонъ всучилъ-съ,—до-
ложилъ женихъ родителю, — склеенный этакой
купонъ, изъ двухъ разныхъ, повидимости.

— Дѣло,—отвѣтилъ тотъ.

— Все одно прошьетъ-съ, а въ кабакъ ка-
кой хочешь купонъ уйдетъ, а на приданныхъ
деньгахъ я нажилъ акцію-съ и двѣсти кре-
дитными.

— Обсчиталъ?

— Не обсчиталъ, а со счету сбился-съ.

— Это ничего.

— Я думаю, тятенька, что ничего-съ... дру-
гой бы на пятьсотъ махнулъ, а я по совѣ-
сти... Богъ съ ними, по моему соображенію,
теща моя дура-съ.

— Ну?

— На слово вѣрить... Положимъ, я зять-съ,
это вѣрно-съ, а вдругъ я жуликъ-съ?

— Благородная дама.

— Благородная дура-съ, тятенька... Для
меня, конечно, это весьма пріятно, но только
ежели она ко всѣмъ такое довѣріе распускаетъ,
отъ ихняго капиталу ни шиша намъ послѣ ихъ
смерти не останется... Надо принять свои
преждевременныя мѣры.

— Умница! Прими, Архипъ, прими! За ду-
рака я тебя считалъ до сей поры, а сичасъ

вижу, что у тебя всякія соображенія есть... Умереть могу спокойно.

— Умирайте, тятенька, спокойно, вашего имени не пострамлю-сь, а тещу надо къ рукамъ прибрать.

— Прибери.

— Приберу-сь, мнѣ главное только сочувствіе въ Лизанькѣ найти; ежели она въ мою дудочку играть начнетъ, мы тещу обсосемъ-сь, обгложемъ даже-сь.

— Обгложи.

— Обгложу-сь... Все одно вѣдь капиталы прахомъ пойдутъ-сь.. Ахъ, тятенька, какъ я деньгу возлюбилъ, ежели бы вы только знали,—какъ зачалъ я считать деньги, меня даже въ дрожь ударило...

— Ишь ты, вѣдь. Моя въ тебя жадность то переселилась!—съ завистью проговорилъ Крутозобовъ.—Мать, ты спишь? — толкнулъ онъ въ бокъ жену.

— Съ Савишной шепчусь насчетъ атласнаго одѣяла... не готово у нихъ оно, такъ можно довѣрить али нѣтъ?

— А вы бы, маменька, матеріалъ то взяли,—вмѣшался въ разговоръ женихъ.

— Взяли. За шитье, боюсь, не отдадутъ...

— Не пропадетъ... Теща у меня, маменька, добрая..

— Анделъ, а не женщина!—замѣтила сваха,—Архипъ Семенычъ лучше ее произошелъ, ничѣмъ ты...

— Я получу-сь, будьте покойны... Сторичей даже могу-сь, ежели охота придетъ.. она ничего-сь.

— Андель, мраморная!

— Вобщѣ дура-съ... я ихъ за это уважаю...

— И завсегда уважать долженъ... она для тебя ничего не пожалѣетъ, коли ты къ ней со всѣмъ обожаніемъ подойдешь..

— Я подойду-съ, будьте покойны.. Тятенька, а вы бы сегодня съ Савишной-то затруды ея праведные разсчитались.

— Можно... Это первымъ долгомъ.

— Потому, тятенька, теперича ихнее дѣло кончено совсѣмъ-съ.

— Ну, не совсѣмъ, а кто васъ въ новую квартиру съ балу привезетъ? — Сваха! Кто васъ утромъ съ постели подыметъ? — Сваха!

— Оно, конечно-съ, это случается, но только я подражать этому не желаю-съ... Я человѣкъ простой и никакихъ мнѣ горничныхъ не надо съ: и лягу самъ, и встану самъ съ... собственно на этотъ случай вы предметъ лишній.

— Откуда у тебя такіе разговоры взялись, мраморный? — изумилась сваха.

— Все оттуда-съ, откуда и у васъ... А что сейчасъ промежду насъ дѣло покончено, это вѣрно-съ.

— Вотъ какъ! И на свадьбу, значить, я не гоюсь?

— Какъ возможно-съ?!.. Очень даже пріятно васъ будетъ встрѣтить, но только руководству вашему полный аминь выходить-съ...

— Завсегда я думала, что изъ тебя чудесный жуликъ выйдетъ...

— Покорнѣйше благодарю за комплиментъ-съ.

— Не стойтъ по заслугамъ тебя воздаю..

То не зналъ, куда сваху и посадить, а сейчас плевать на меня началъ... Жуликъ и есть!

— Зачѣмъ я стану на васъ плевать, для этого плевательницы продають.

— Да не всѣ ихъ покупають.

— Вчера-съ двѣ купить... нельзя-съ! Тестъ прѣдетъ, али теща... квартира хорошая, а плюнуть некуда... мы благородство не хуже васъ понимаемъ... только плюй, знай!

— На тебя плюнуть за твои слова слѣдуетъ, а не въ плевательницу... Отъ дурака и вдругъ такія рѣчи слышу... Да гдѣ это видано, чтобы молодыхъ сваха не подымала? А? Да ты что, социалистъ, что-ль, али нѣтъ?

— Мы православные-съ. Зачѣмъ намъ въ чужую вѣру, коли своя хорошая есть? И обижаться вы не вправѣ-съ. Желаю я встать безъ свахи, и никто мнѣ въ этомъ препятствовать не можетъ.

— Врешь! Родители не позволяютъ!

— А намъ что, Савишна? — поторопился Крутозобовъ. — Онъ теперича самъ семьяниномъ станетъ, значить намъ ему указывать нечего.

— Глупая процедура-съ.

— Тьфу! Ошалѣли вы, я вижу, деньгами-то обожрамшись. Да къ матери-то невѣсты должна я ѣхать, какъ васъ съ постели подыму, али нѣтъ?

— Незачѣмъ-съ, мы сами съ визитомъ поѣдемъ, и напрасно вы объ этомъ беспокоитесь.

— Весь свѣтъ наизнанку выворотили, тьфу! Нога моя опосля этого у васъ не будетъ.

— Какъ угодно-съ только съ нашей стороны никакихъ поводовъ нѣту-съ.

— Хорошо! Будь по вашему, глядите, какъ бы хуже не было, а ужъ въ тѣ поры я пальцемъ о палецъ не ударю.

— Да теперъ, что-же-съ, дѣло конченное, завтра повѣнчаемся и аминь... Тятенька, отпустите съ миромъ Савишну съ.

— Очень благодарны тебѣ, Савишна, за всѣ твои труды праведные... конечно, трудовъ не бо-знять сколько было.

— Какъ не бо-знять сколько? Да что же вы меня ограбить желаете? Такъ я васъ въ Окружной, мраморные.

— Не горячись зря, по царски награжу, — остановилъ ее Крутозобовъ. — Ограбленія твоего никто не желаетъ, а говорятъ только, что труды не ахти какіе были... свела, больше и ничего.. а за сводку кутражъ получай. Архипъ, какой ей кутражъ-то выдать?

— Хорошій, тятенька-съ, чтобъ помнила, какіе мы жулики-съ... Маклера, которые на биржѣ, сейчасъ четверть процента получаютъ, — по закону-съ тятенька.

— Ну, что же, и мы ей по закону.

— Я не согласенъ... такихъ людей, какъ Савишна, награждать сверхъ закону слѣдуетъ: она со мной и къ художнику, она и къ паликмахтеру, она и къ Чуркину и къ танцовальщику.. нельзя по закону.

— Дѣброты-то въ тебѣ сколько! И ругаю тебя, и люблю, ей Богу! — умилилась сваха. — Не разберешь тебя даже: не то ты андѣль, не то жуликъ.. Думаю такъ, что андѣль.

— Анделъ и есть-съ.. Маклера сичасъ по закону четверть проценту кутражу получить, а я цѣльный процентъ жертвую.

— Не много-ли, Архипъ, разошелся ты съ подѣлуевъ-го невѣстиныхъ?

— Богъ съ ней, тятенька-съ... Трудилась тоже-съ, и туда, и сюда, однѣхъ румянъ, можетъ, сколько истратила, къ невѣстѣ со мной шлямшись.

— Ну, ужъ это ты врешь, съ роду не карминилась.

— Я между прочимъ, вѣдь, не въ сурьезъ-съ.

— И между прочимъ врать не слѣдуетъ, а что трудовъ съ тобой я положила нѣсть числа, это ты вѣрно сказать: такого дурака да на десяти тыщной невѣстѣ женить — большіе труды нужны.

— Вѣрно-съ, — согласился женихъ, — дайте ей процентъ, тятенька-съ. Богъ съ ней-съ, пушай меня съ Лизанькой до гроба своей жизни добромъ поминаетъ.

— Хорошо. Деньги твои, мнѣ что-жь? — согласился Крутозобовъ. — Ежели ты чувствуешь, что Савишна стоитъ цѣльнаго проценту, отдадимъ и процентъ.

— Стою, ахъ, какъ стою! — нагнулась къ отцу жениха сваха, — какую кралю то подцѣпили, ума помраченіе, другая бы за такой амуръ тыщу слупила; а я на совѣсть дѣйствую, процентъ, такъ процентъ. Это сколько же, мраморный, на рубли то абкутражится?

— Сто цѣлковыхъ, Савишна, — доложилъ свахѣ женихъ, пріятно улыбаясь, — денегъ чер-

това пропасть. Въ банку, чтоль, ихъ потащишь?

— Какъ сто цѣлковыхъ?—вышла изъ столбняка сваха,—рази процентъ—сто цѣлковыхъ?

— А вы думали, пятьдесятъ? Ахъ, Савишна, счесть не умѣете, а десятитыщныхъ невѣсть сватаете!

— Да вѣдь это грабежъ, мраморные!—закипѣла та, ерзая на своемъ мѣстѣ.

— Какъ грабежъ? Мы даже сверхъ закону-сь,—цѣльный процентъ.

— Не согласна я! Триста цѣлковыхъ подавай, а то и свадьбу врозь.

— Ну, это немножечко вы запоздали,—усмѣхнулся Крутозобовъ, — а ежели вы кипятиться начнете, такъ мы по закону-сь,—четвертушку-сь.

— Грабители! Просто, жулики. Да какая дура за сто цѣлкачей столько мукъ приметъ, сколько я съ вашимъ дуракомъ приняла?

— Муки обнакнавенныя-сь, да и пословица говорить: «взявшись за гужь, не говори, что не дюжь».

— Тьфу! Никакого въ васъ благородства нѣту. Какъ были мужичьемъ сѣрымъ, такъ имъ и передохвете.

— Куда ужъ намъ въ благородные лѣзть, мы люди простые, а сто цѣлковыхъ денегъ много-сь, поди-ка, наживи ихъ въ лавкѣ, всѣми святыми двѣ недѣли божиться станешь, а сто цѣлковыхъ не наживешь, а тебѣ и божиться то даже ни разу не пришлось.

— Мнѣ? Ахъ, черти каторжные! Да чуть не каждый день божилась изъ за вашего дурака.

— Бабьей божбѣ цѣна совсѣмъ другая, — авторитетно рѣшилъ Крутозобовъ, — кто ей нонче повѣритъ? Никто, изъ вѣры бабы вышли.

— Да вѣдь брала я грѣхъ на душу, али нѣтъ, идолы мраморные?

— Бабій грѣхъ по новѣшнему времю тоже ни шиша не стоитъ, и черти то даже вашими грѣхами антиресоваться перестали, — все на одинъ манеръ!

— Да ты, толстобрюхій, теперь что хочешь наговорить можешь. Забралъ деньгу въ лапы и ломаешься, какъ ахтеръ въ кіятрѣ... А я то, дура, имъ на совѣсть вѣрила, думала, оцѣнятъ мои труды и старанія и вознаградятъ по присъ-куранту!

— Мы и вознаграждаемъ, даже сверхъ присъ-куранту. На биржѣ тебѣ, по закону, четвертушка цѣна, а мы—цѣльный процентъ даемъ. Поди-ка поищи еще такихъ дураковъ добродѣтельныхъ!

— Молебень за наше здравіе должны отслужить, а не т. кмо что апелациі разводите,—добавилъ женихъ.

— А ты, кругломордая дубина, молчи лучше!—крикнула сваха на жениха. — Чуть что не такъ, первымъ дѣломъ за сваху цѣплялся, а сичасъ, какъ не нужна стала, такъ и ротъ, ворона дурацкая, разѣвать сталъ. Испорчу я вамъ свадьбу, не я буду, ежели не испорчу!

— А ты не шуми, Савишна,—осадилъ ее Крутозобовъ. — Ъдешь въ каретѣ, а орешь, какъ кухарка на постояломъ дворѣ; другой бы тебѣ и ста цѣлковыхъ за эту музыку не далъ. Сосѣдъ вонъ съ двадцатію тыщью не-

вѣсту взялъ, а свахѣ два ситцевыхъ платья только подарилъ.

— И сосѣдъ твой жуликъ!

— Я людей никогда не осуждаю, этого грѣха у меня на душѣ нѣту, а тебѣ даю совѣтъ по благородному, даже переблагородилъ, по моему мнѣнію.

— Переблагородилъ! За амуръ, пукетъ розовый съ десятитыщнымъ кошелемъ и вдругъ— сто цѣлковыхъ! Къ мировому судѣ за такое благородство притягиваютъ, мраморные!

— Инираль, что супротивъ насъ живетъ, сына женилъ, такъ замѣсто благодарности сваху съ третьяго этажа спустилъ, а я тебя и бить не собираюсь, и сто цѣлковыхъ даю. Можешь, кажется, повимать, съ какими людьми дѣло дѣлаешь?

— Прибавь хоть полсотни, напередъ го-жусь... Вдругъ, молодая помретъ, за меня же ухватитесь.

— Съ чего ей помирать, дѣвка здоровая.

— Возьметъ и помретъ. Ужли четвертную то не накинешь, въ виду погребенія?

— Ни копейки, тятенька, прибавлять невозможно-съ, — вздохнулъ женихъ. — И безъ эстого расхода безъ числа, а потомъ, собственно, сто цѣлковыхъ за что-съ? За языкъ, напимѣрь... Да я чудеснаго абваката за четвертную найму для болтовни.

— Такъ ты бы и бралъ, дубовый, абваката, а не сваху.

— Абвакатъ намъ зачѣмъ же-съ? Вотъ ежели я васъ съ лѣстницы спущу, да вы къ мировому дойдете, въ ту пору и адвоката найму,

а сичасъ ни къ чему-съ,— у насъ все по благородному. Вы для насъ старались, а мы вамъ сверхъ всякихъ сенатскихъ законовъ цѣльный процентъ за хлопоты... Кажется, должны вы понимать, что ежели мы съ вами по благородному, такъ и вы свиньей не станете?

— Тьфу! А платье?

— Платье? Какое платье?

— Какъ какое? Шелковое платье. Такой уговоръ былъ.

— Архипъ, былъ у насъ договоръ насчетъ шелковой матеріи?

— Не былъ-съ.

— И не слыхивали даже, Савишна... Что это тебѣ во снѣ что ли, приснилось—сто цѣлковыхъ берешь, да еще на шелкъ ротъ разѣваешь?—замѣтила Крутозобова.

— Вотъ, видишь, Савишна, какая съ твоей стороны ошибка произошла,—замѣтилъ Крутозобовъ и хлопнулъ сваху по плечу,—ситцу, такъ и быть, изъ уваженія подарю... стану, вотъ, лѣтомъ своимъ бабамъ покупать на капоты и тебя не забуду... Подарить, Архипъ, а? Уважить Савишну?

— Уважьте, тятенька, Богъ съ ними-съ, мы добрые-съ!

Сваха посмотрѣла поочередно на плохо освѣщаемыя уличными фонарями физіономіи Крутозобовыхъ и плюнула въ негодованіи въ окно кареты.

— Жуликами вы были, жуликами и кончину примите!—проговорила она, грозя пальцемъ.

— Все отъ Господа Бога зависяще!—вдохнулъ Крутозобовъ.

— Впередъ умиѣ буду, безъ подписки никакого дѣла дѣлать не стану.

— Записочка самое лучшее-сь, съ записочкой какъ возможно... Только ты понапрасну это: мы вѣдь по благородному съ тобой. Завтрашняго числа утречкомъ за деньгами пожалуйте.

— Акцію не возьмете ли-сь? — справился женихъ.—Тьматаракановской желѣзной дороги? Вамъ все равно въ прокъ деньги класть, а акція чудесная, большіе дивиденды даетъ-сь.

— Я тебя завтра такую акацію покажу, что ты и на невѣсту не взглянешь.

— Не акацію, а акцію-сь... бумага такая-сь .. прочная-сь.

— Я съ вами, съ жуликами, и говорить больше не хочу... Кучерь, стой! Стой!—закричала сваха, высовываясь въ окно.—Ограбили благородную женщину и надсмѣхаются. Стой!

Карета остановилась, сваха выскочила и, захлопнувъ съ сердцемъ дверцы, крикнула въ окно:

— Подавитесь, мраморные, моими деньгами!... Завтра же чтобъ сто цѣлковыхъ готовы были!

— Пріѣзжай, получишь сполна! Покойной ночи, пріятнаго сна!—крикнулъ Крутозобовъ ей вслѣдъ.—Осерчала!

— Дура-сь, тятенька! — пожалъ плечами женихъ,—своей пользы не понимаетъ-сь!

XXIX.

Крутозобовы благополучно добрались до своего пепелища и, отпустивъ извозчика, на-силу дозвонились дворника.

— Привезли приданое?—справились они у заспаннаго дворника, отворившаго имъ калитку.

— Муку привезли давеча.

— Не муку, а приданое, что ты мелешь зря?

— Приданнаго не привозили

— Не можетъ быть, мы его часа два тому назадъ отправили.

— Ничего не было. Городовой приходилъ насчетъ, то-ись, очистки, а приданнаго не было.

Крутозобовы плюнули и бросились въ квартиру «молодыхъ», гдѣ ихъ ждала дальняя родственница Крутозобовой, старая сморщенная дама въ кружевномъ чепчикѣ и большою бородавкой на носу.

— Михайловна, ужли не привозили приданнаго?—спросила сама, быстрымъ взглядомъ окидывая зальцу.

— Ничего, мать моя, не привозили. Я все жду, вотъ привезутъ, вотъ привезутъ, анъ замѣсто того—ничего!

Крутозобовъ развелъ въ недоумѣніи руками.

— Тятенька-сь,—чуть не плакалъ женихъ,—какъ же это-сь? Тутъ грабежъ-сь... Маменька! Гдѣ-жь мое приданое-сь?

— Куда приданое могло пропасть, не можетъ этого быть!—растерялся и самъ Крутозобовъ, разводя руками.

— Гдѣ-же оно, тятенька, въ такомъ случаѣ? Въ участокъ, рази, не попало-ли?

— Приданое-то въ участокъ?

— Да вѣдь городовые, тятенька, не станутъ разбирать, что за багажъ везутъ, заберутъ въ ночевку, только и всего-сь.

— Кучеръ пьяный, стало быть, былъ?

— Это который дрогами то управлялъ? Совсѣмъ тверезый, тятенька... Я тоже держалъ это въ предметъ, но вышло совсѣмъ напротивъ.

— Чудно! Можетъ, шагомъ ѣдетъ... подождемъ полчаса.

Крутозобовы стали ждать. Но прошло больше часа, а приданого и слѣдъ простылъ.

— Тятенька, надо искать,—волновался Архипъ.

— Въ два часа ночи-то? Гдѣ же его искать будешь?

— Въ участкѣ надо справиться.

— Въ какомъ? Москва велика и участковъ въ ней нѣтъ числа.

— По пути-сь...

— Ничего не найдешь.

— По-моему, отецъ, лучше всего на иппажномъ дворѣ справиться, откуда дроги взяты,—замѣтила Крутозобова.

— Это еще на дѣло похоже, — согласился Крутозобовъ, — я съѣзжу сейчасъ.

— Съездите, тятенька. Какъ же это возможно безъ приданого? Завтрашняго числа бракосочетаніе, а у насъ никакого бенуара для невѣсты нѣту.

— Бенуара, Архипушка...

— Все одно—капотъ-съ, маменька... Не въ вѣнчалномъ же платьѣ Лизочкѣ спать ложиться... страмъ-съ!

— Ну, капотъ-то я ей и свой могу дать.

— Какой ужъ это видъ, маменька? Не вѣста и вдругъ въ чужомъ капотѣ... Ужъ лучше свадьбу отложить, покада приданое разыщется.

— А ты не хнычь, я поѣду и, можетъ, разыщу пропажу. Сроду такой оказіи не слыживалъ...

— Такой ужъ видно, тятенька, я несчастный человекъ: чего другому и во снѣ не приснится, а со мной на-яву случится. Поѣзжайте поскорѣе-съ, а то, того гляди, разграбятъ все-съ.

— Ну, за это и подъ судъ попасть можно.

— Пока тамъ судъ да дѣло, а Лизочка безъ бенуара ложись... Отыщите, тятенька!

— Не хнычь, говорю, ну, тебя... заскулилъ прежде времени... можетъ, кучеръ адресъ хорошенько не разслыхалъ и путается съ твоимъ приданымъ по Москвѣ.

— Я ему очень хорошо даже растолковалъ... Чуетъ мое сердце, что пропадетъ приданое-съ!

Крутозобовъ махнулъ рукой и отиравился на извозничій дворъ.

Крутозобова поахала, а потомъ и завалилась спать, наказавъ жениху подождать возвращенія отца.

— Подожду, маменька, какъ не подождать! — успокоилъ ее Архипъ, подсаживаясь къ окну. — Такая пропажа и вдругъ я спать завалюсь... А что теперь съ Лизочкой будетъ, какъ узна-

еть она, что все ея имущество пропало? Съ такимъ укуснымъ патретомъ въ церковь прїѣдетъ, что въ ротъ не возьмешь... Напрасно, маменька, мы сваху прежде времени огорчили; она бы сейчасъ гончей во всѣ концы ударилась.

— А кто же это зналъ, что такое приключеніе выдетъ?

— Конечно, маменька, ежели-бъ зналъ, гдѣ упасть, соломки подостлалъ-бы... Теперича она даже обрадуется, что со мной такое несчастіе совершилось. Накинуть бы ей четвертную для примиренія, а? Маменька, накинуть, что-ль?

Но маменька въ отвѣтъ пустила такой храпъ, что женихъ только головой покачалъ.

Спустя часъ, возвратился Крутозобовъ и сообщилъ бросившемуся къ нему навстрѣчу жениху, что приданое нашлось.

— Ну, слава Тебѣ Господи! Гдѣ же оно, тятенька? Въ участкѣ?

— На извощичьемъ дворѣ стоитъ. Выкупить его надо

— Кто же его заложить успѣлъ?

— Никто не закладывалъ, а кондитеръ извощику полтора ста цѣлковыхъ долженъ. Ну, хозяинъ и воспользовался случаемъ. «Привезите, говоритъ, за него долгъ, и получайте ваше приданое».

— Ахъ, лысый чортъ-съ!—выругался Архипъ.—Сколько изъ-за него непріятностей! Заплатили вы, тятенька?

— Какъ же я буду платить, глупый чловѣкъ? А кондитеръ скажетъ: «я ему и не дол-

женъ вовсе, вольно тебѣ было платить за меня».

— Какъ же быть, тятенька? Не могу же я безъ приданого подъ вѣнецъ?

— Погодимъ до утра. Утромъ возьму я кондитера и всю его музыку распутаю.

— А до утра извозчики и ключъ могутъ къ сундуку подобрать, и вещи которыя по-вытаскать. Такъ нельзя-сь. Вамъ, конечно, все равно, не вы женитесь, а я долженъ свой интересъ соблюдать?

— Да дурень ты этакой! Что жъ, по-твоему, дѣлать надо? Полтораца цѣлковыхъ бросить? А, можетъ, кондитеръ-то съ извозчикомъ заранѣе согласились насъ на эту сумму памя-зять? Народъ, дескать, темный, облапошимъ въ лучшемъ видѣ.

— Зачѣмъ платить-сь! Это ужъ въ крайности можно, а потомъ, при ращетѣ, съ кондитера и вычестъ... Я сейчасъ его, лысаго чорта, на ноги подыму.

— Ночью беспокоить, по моему, нескладно.

— А складно, тятенька, его долги моимъ приданнымъ обезпечивать? Я пойду-сь.

— Иди, а я спать завалюсь. На всякій случай возьми вотъ деньги для выкупа.

— Ложитесь, тятенька, съ Богомъ. Я безъ васъ все оборудую-сь. Вотъ тоже на какого кондитера налетѣли, того гляди, завтра безъ балу насъ оставить.

— Баль—что! А вотъ какъ извозчикъ кареты завтра не пришлетъ,—одичъ скандалъ выйдетъ. Ты его, Архипъ, изругай хорошенько!

— Кондитера-сь? Избить даже могу... По-

милуйте, бракосочетаніе и вдругъ приданое на извощичьемъ дворѣ.. Покойной ночи, тятенька-съ!

Женихъ надѣлъ пальто, надвинулъ на самыя уши картузь и отправился черезъ дворъ къ кондитеру.

XXX.

«Черезъ парадную ежели звониться, ни въ жизнь не дозвонишься, — размышлялъ женихъ, шагая по двору, — надо черезъ кухню дубаситься».

Онъ пробрался ощупью въ темный корридоръ и, напавъ въ потьмахъ дверь, принялся въ нее дубасить.

— Послушайте, какъ вась... куфарка-съ! — говорилъ онъ въ антрактахъ, припадая ухомъ къ двери. — Дрыхнетъ!... И худая совсѣмъ кухарка, а спитъ, словно ее жиромъ придушило... Послушайте, отворите дверь-съ!...

Отвѣта не было.

— Черти, а не люди-съ! Ну, кто-жъ такимъ манеромъ спитъ? а вдругъ пожаръ? Живьемъ, вѣдь, сгорятъ... Послушайте, какъ вась... Степанида-съ!... Проснитесь на минуточку!

Въ отвѣтъ изъ кухни неслось урчаніе, похожее на полосканіе горла.

— Тьфу-съ! Никакого даже слуху-съ! — дернулъ онъ съ досадою дверь.

Что-то звякнуло и дверь отворилась.

— Крючокъ даже сорвалъ, а она никакого

вниманія,—проговорилъ онъ, входя въ кухню.—Степанида-съ... Степанида... это я-съ... хозяина мнѣ вашего побудить... Гдѣ вы-съ?

Изъ угла неся храпъ.

«Эхъ, спичекъ не захватилъ! — подумалъ молодой Крутозобовъ, пробираясь на «храпъ» въ уголь: послушайте, Степанида-съ... совсѣмъ бревно глупое... ну, жулики вдругъ... хорошо это я, а ежели жулики... всю квартиру оберутъ... Степанида-съ! Степа-ни-да-съ!

Степанида и ухомъ не вела. Женихъ пошелъ дальше и наткнулся лбомъ на ручку кофострюли, стоявшей на полкѣ.

Крутозобовъ вскрикнулъ отъ боли, кофострюля сорвалась отъ толчка съ полки и съ громомъ покатила по полу.

— Ахъ, дьяволъ! Подсадилъ таки синякъ для бракосочетанія!—проговорилъ онъ, растирая лобъ. Кухарка перевернулась на постели и, оборвавши свою музыку, спросила сиплымъ голосомъ:

— Василій, ты?

— Это я-съ, Степанида, — поспѣшилъ доложить тотъ, идя на голосъ,—сынъ лавочника Крутозобова-съ...

— Ишь тебя черти, полунощника, по чужимъ кухнямъ таскаютъ... уходи!—бормотала кухарка.

— Кухня мнѣ что... мнѣ хозяина вашего взбудите-съ... очень нужно.. такое дѣло вышло... ѣхало приданое и не доѣхало... а дроги отъ вашего хозяина, потому онъ у насъ все на ахордъ взялъ... Степанида, вы спите-съ?

— Ты не ушелъ, лѣшай? Завтра же женѣ нажалуюсь.

— Моей женѣ? Да я не женатъ... только завтрашняго числа бракосочетаніе.

— Уходи, лодырь, — дома жена, а онъ по чужимъ кухнямъ, — бормотала та, засыпая.

— Не угодно-ли, опять засвистѣла! — плюнулъ женихъ и, поймавъ кухарку за голову, сталъ ея трясти. — Степанида! Степанида!...

Степанида развела руками и такъ хлястнула непрошеннаго будильщика по носу, что у того чиханье поднялось.

— Чхи! Вотъ дура-то-съ! Чхи! Какъ урѣзала! И опять дрыхнетъ... Ни за что бы я такую куфарку держать не сталъ... помилуйте, рази долго обворовать?... Да ее сичасъ выпотроши всю, какъ индѣйку, она и вниманія на это не обратитъ... Степанида!... Нешто самому пойти и безъ нея лысаго чорта побудить? Надо идти, ничего не подѣлаешь... Эхъ, спичекъ не взялъ съ собою!

Женихъ ошупью добрался до двери, ведущей изъ кухни во внутреннія комнаты, и очутился въ корридорѣ.

«Вотъ тутъ и ищи кондитера! — подумалъ онъ, размахивая руками во всѣ стороны. — Главное, я къ нему съ параднаго входа ходилъ и никакого расположенія комнатъ не видалъ... спросонку еще испугается, пожалуй, приметъ за жулика и дерябнетъ караулъ! А мнѣ наплевать-съ... у меня свое оправданіе; тоже ежели за долги кажнаго кондитера приданое стануть въ залогъ оставлять, такъ этакъ и жениться никому нельзя... Стой! Дверочка...

да какая скрипучая-сь... Кажется, въ самую опочивальню втюрился».

Крутозобовъ прислушался и мотнулъ головой.

— Никакого движенія... Амосъ Ѳедорычъ! Амосъ Ѳедорычъ!... Ни души-сь!...

Онъ шагнулъ въ комнату и помахалъ въ воздухъ руками.

— Никакой богобоязненности нѣту, ну, чтобы лампадку передъ образами зажечь?... И богобоязнымъ людямъ пріятно, и мнѣ бы свѣтло было... морда кондитерская!... Амосъ Ѳедорычъ!... А вдругъ его дома нѣту? И вдругъ его супруга возьметъ проснется, да съ перепугу и помретъ? Чортъ бы его побралъ, лысаго лѣшмана! Нашелъ тоже кому задолжать: извознику!... Ну, лавочнику тамъ, мяснику, или рыбнику — дѣло десятое, а то извознику! И нанесла насъ нелегкая на такого кондитера... весь балъ и вечерній столъ испортить можетъ! Амосъ Ѳедорычъ! Кхмъ! Кхмъ!... Тьфу, не въ ту, значить, комнату попалъ... пойду прямо-сь, авось Богъ дастъ и розыщу идола...

Женихъ прикусилъ языкъ, споткнувшись обо что-то, и плюхнулся на какую-то жесткую и скользкую грудку. Грудка развѣхалась моментально и съ трескомъ и звономъ разлетѣлась на полу.

— Посуда! — пробормоталъ Крутозобовъ, стараясь приподняться съ пола и снова шлепаясь обратно.— Батюшки, это я въ кладовую затесался-сь...

Въ сосѣдней комнатѣ завозились и до ушей жениха донесся голосъ кондитера:

— Воры! Степанида!... Я ихъ сичасъ изъ револьвера!... Жена, зажигай свѣчку!

— Убѣть! Ей-Богу, убѣть! — завопилъ Крутозобовъ, поднимаясь и снова падая на разползавшіяся тарелки. — Тятенька-съ... маменька-съ!... Карауль-съ!

Въ задней комнатѣ забѣгаль огонекъ.

— Какой это жуликъ, Ѳеодорычъ, слышишь карауль оретъ!—говорилъ, кто-то.

— Знаю я эти жульничкія уловки, попался въ капканъ, вотъ теперь и притворяется либо пьянымъ, либо полоумнымъ... Убью! Давай свѣчку!

— Это я-съ, ей-Богу, я-съ!—вопилъ Крутозобовъ, сидя на полу.—Не жуликъ совсѣмъ!

Въ комнату, гдѣ находился злосчастный женихъ, влетѣлъ кондитеръ со свѣчей въ одной рукѣ и револьверомъ въ другой, въ самомъ отчаянномъ дезабильѣ.

— Не шевелиться, мошенникъ! — крикнулъ кондитеръ, наставляя и револьверъ, и свѣчу на дрожавшаго Крутозובה.

— Амосъ Ѳеодорычъ, это я-съ, ей-Богу, не мошенникъ-съ, спрячьте свою... пушку-съ... умру со страха-съ!—пролепеталъ тотъ, закрывая лицо руками.

— Вы-съ? — изумился тотъ, узнавъ гостя.— Какъ же это такъ-съ... ночью?

— Куфарка ваша причина... уберите, ради Христа, самострѣль-то-съ.

— Такъ это вы къ кухаркѣ, — протянулъ тотъ. — То-то я смотрю у ней то шаль, то полушалокъ.

— И не къ кухаркѣ, а къ вамъ-съ... Бу-

дилъ ее—дыхнетъ... и самъ пошелъ васъ будить, да въ темнотѣ вонъ какое истребленіе вышло.

— Однако, вы у меня посуды рублей на двѣсти перекрушили, — поставилъ кондитеръ подсвѣчникъ на столъ. — Для вашей свадьбы сервизъ вынулъ и вы же его въ порошокъ смололи.

— Какъ на двѣсти? — поднялся женихъ съ пола, почесывая то колѣнку, то лобъ, то носъ.

— Еще больше-съ, это я со сна плохо сообразилъ... вы мнѣ сервизъ разрознили, а за этотъ сервизъ на сто персонъ я полторы тысячи далъ-съ.

— Я... я ей - Богу нечаянно... Главное, темно-съ.

— Я не виноватъ-съ... подкупите къ этому сервизу разбитыя вещи, мнѣ все одно-съ... и не подкупите, потому я его по случаю послѣ княжескаго аукціона купилъ.. рублей на триста накрошили-съ.

— Какъ же это... это невозможно... вы, вы виноваты, да-съ! Вы должны извознику, а извозникъ мое приданое къ себѣ на дворъ поставилъ, вы и платите-съ... Я за приданнымъ къ вамъ пришелъ, а вы посуду на полу разставили-съ, это подлость-съ.

— А вы не кричите-съ, вы лучше скажите, какимъ манеромъ въ мою квартиру попали?

— Обнаковено, дернулъ за дверь, а она и отворилась.

— Значить, со взломомъ вы ко мнѣ зашли? И дверь сломали, и посуду перебили, и

орете-сь? Хотите, я сейчас за полицией пошлю и протоколъ составляю-сь?

— Какъ-сь?—разинулъ ротъ женихъ.

— Такъ-сь вотъ, возьмутъ васъ сейчасъ подъ стражу и поведутъ въ Окружный Судъ за взломъ чужаго имущества.

— Я... я нечаянно... собственно куфарка ваша подлая-сь, спить, ну, я и... Амосъ Федорычъ, да Амосъ Федорычъ, а тарелокъ и не замѣтилъ.

— Меньше трехсотъ рублей я копѣйки не возьму... полтора ста извознику заплатите, а полтора ста я вамъ въ счетъ поставлю... Помилуйте, самый парадный сервизъ испортили... Это что? Жалость одна-сь... На немъ князья, да графы кушали, а вы сапогами по мужицки... Пятьсотъ рублей за это мало взять!...

— Вы ужъ съ тятенькой лучше... потому онъ послалъ васъ будить... Помилуйте, взяли приданое у неvěсты, увезли и вдругъ не отдаютъ-сь...

— Это ничего.. заплатите полтора ста рублей извознику и все доставятъ, а бить чужіе сервизы, молодой человекъ, никому не дозволять. Вы, вотъ, женитесь и бейте жену сколько вамъ угодно, а я свою посуду не дозволю-сь... такъ и тятенькѣ скажите съ... идите, я вамъ посвѣчу, а то еще чтонибудь у меня испортите!...

Женихъ, ошеломленный неудачей, прилетѣлъ домой и сталъ будить отца.

— Тятенька-сь!.. Грабежъ вышелъ-сь! Разбой-сь!... Тятенька-сь!... Проснитесь для со-

вѣту... Тьфу! И они на манеръ Степаниды... балка какая-то безчувственная, а не тятенька родной!... И какъ вамъ не совѣстно такъ отчаянно спать-съ? Ну, маменька — женщина, онѣ для сна больше и приспособлены, а вы мужчины-съ... Тятенька-съ! — щекоталъ онъ пятки у родителя, — возьмите вотъ его, даже щекоткой не проймешь... одно средство осталось! — проговорилъ онъ и, нагнувшись къ уху Крутозובה, крикнулъ: — Покупатель, тятенька-съ!

— А? — вздрогнулъ тотъ.

— Покупатели пришли...

— Что прикажете-съ! — потянулся тотъ инстинктивно по привычкѣ къ головѣ за картузомъ.

— Это я-съ... Архипъ-съ... Кондитеръ то жуликъ, тятенька съ... посуду по всѣмъ коннатамъ разставилъ и пятьсотъ рублей содрать хочетъ... за что-съ? Ограбить всякій можетъ.

— Отстань, ну тебя... спи!

— А какъ же приданое-съ? Пропадеть вѣдь, тятенька... ѣхать за нимъ, аль нѣтъ-съ?

— Спи. .

— А не пропадетъ изъ сундуковъ то? Вамъ, конечно, не жалко, а мнѣ каково-съ... Тятенька-съ... заснулъ таки... тьфу! Покупатель пришелъ!

— Что прикажете?

— Кондитеръ не платитъ извознику, а ты... говоритъ, заплати... за что-съ? И за посуду я, и извознику я... Тятенька... Сонсѣмъ мертвый!

Женихъ махнулъ рукой, зажегъ свѣчку и, поглядѣвши на себя въ зеркало, сталъ раздѣваться.

— Наканунѣ бракосочетанія и такія не-пріятности: и рогъ на лбу, и посуду перебилъ, и приданое на извощичьемъ дворѣ ночуетъ... а все сваха-сь: поѣзжай она съ приданнымъ и никакихъ бы происшествій не случилось... и приданое привезла бы, и посуда была цѣла... Какъ можно... барыня-сь! Съ нами въ каретѣ непременно надо... не дамъ я ей сто цѣлковыхъ, ни за что не дамъ... пятьдесятъ ей, а пятьдесятъ кондитеру за посуду... Ихъ ежели не учить, такъ и жениться совсѣмъ невозможно-сь... Другой бы и всѣ вычелъ за такіе поступки, а я половину только... Богъ съ ней! Я добрый!

И женихъ, вздохнувъ отъ души по своей добротѣ, закрылъ глаза и пустилъ легкій свистъ.

XXXI.

На другой день, утромъ, Крутозобовъ, узнавъ отъ сына подробности его ночныхъ походовъ, вышелъ изъ себя и чуть не приколотилъ жениха.

Затѣмъ, сбѣжавъ къ кондитеру и изругавши его на всѣ фасы, онъ полетѣлъ выручать приданое «своего дурака».

— А чѣмъ я виноватъ, маменька-сь?—плакался Архипъ матери, натиравшей свои обвислыя щеки какою-то косметическою дрянью.—

Я, свое-же добро жалѣючи, пошелъ къ кондитеру. А онъ, лысый чортъ, по всему полу посудину разставилъ, нарочно это онъ, маменька, ей-Богу нарочно, чтобы за старую посуду съ меня денежки содрать.

— Отецъ не отдастъ, не беспокойся...

— Балъ можетъ испортить.

— А отецъ ему шею свернетъ, попробуй только—испортъ. Что ты отца-то не знаешь, что-ль?

— Какъ не знать, слава Богу-съ, не первый годъ онъ моимъ родителемъ числится,—вздыхнулъ женихъ, почесывая съ ожесточеніемъ затылокъ...—Меня сичасъ за воротъ такъ дернулъ, что въ головѣ мозги раза три перекувыркнулись Конечно, тятенькѣ обидно, что черезъ меня посудная дробь вышла, а я же чѣмъ виновать? Говорятъ: иди, ну, я и пошелъ-съ. Еще спасибо долженъ сказать, что меня не подстрѣлилъ кондитеръ-то,—съ перепугу, маменька, человѣка не долго испортить... пулънулъ и аминь, никакого-бы бракосочетанія, акромѣ погребенія, не вышло.

— Отецъ обойдется, Архипушка.

— Конечно, обойдется, слѣзетъ съ него сердце-то, какъ кожа съ ужа, и смякнетъ-съ, а досадно ужъ оченно... я же старался и я же виновать... Богъ съ вами... Только вы, маменька, скажите тятенькѣ, чтобъ онъ меня при женѣ-то за шиворотъ не вздумалъ.

— Женатыхъ рази учатъ родители? Господь съ тобой... Самъ въ отцы попадешь, такъ какое ужъ тебѣ ученье.

— Тятенька ужъ оченно забывчивы, ма-

менька... Забудутъ, что я самъ папаша, и зададутъ трепку. Какого обо мнѣ въ ту пору Лизочка мнѣнія будетъ-съ?

— Не забудеть... а забудеть, я напому.

— Вы впередъ его, маменька, остерегите. А ежели, молъ, ты забудешься, такъ онъ сейчасъ уйдетъ отъ насъ и свою лавочку откроетъ... И открою съ. Подставляю я ножку тятенькѣ-съ.

— А ты скажи ему попробуй это, на мѣстѣ уложить.

— Зачѣмъ же я-съ? Вы скажите.

— Скажу обвиняками, а ты посмотри вотъ лучше, хорошо-ли я себя изукрасила?

— По-моему, маменька, переадебастрили.

— Блѣдна?

— Просто хотъ сейчасъ въ гробъ клади.

— Красотцы, значить, надо припустить.

— Припустите-съ... только чего это вы колеромъ себя съ ранняго утра утруждаете-съ? Свадьба-то въ семь часовъ-съ.

— А чтобъ окрѣла краска-то; гдѣ обсыпется за день, то сейчасъ и подправить можно, и тебѣ бы я совѣтовала въ цирюльню сходить и волосы припалить.

— Разовьется до той поры... рано-съ.

— Ну, фракъ надѣть, Архипушка, а я посмотрю на тебя, сколь ты важенъ во фракъ-то новомъ.

— Это можно-съ, только, маменька, я жилетку надѣвать не стану-съ, прямо на рубашку.

— Надѣнь безъ жилетки, ничего, ужотко

ужь во всю форму влѣзешь, а сичасъ фразомъ меня удиви.

— Возможно-сь, — отвѣтилъ тотъ, доставая фракъ изъ шкафа и напяливая его на плечи. — Хорошо сидить-сь?

— Хорошо, Архипушка! На воробья только немного схожъ, а то первый сортъ парать; развязности въ тебѣ настоящей нѣту, а то совсѣмъ дворянинъ.

— Какъ вѣту-сь? Сколько угодно-сь, даже хоть отбавляй-сь.

— Вотъ и врешь, у невѣсты за все время мокрой курицей сидѣлъ.

— Нельзя же, маменька, у невѣсты развязку пустить — осудять, я тоже это понимаю. Вотъ нынче на свадьбѣ я развяжусь во всю-сь.

— Развяжись, Архипушка, а то всѣ на тебя ровно на дурака глядятъ, въ танцахъ, главное, себя покажи.

— Покажу, маменька-сь. Эхъ, жаль, что вы не умѣете, а то бы... да вотъ что-сь, хотите, я сичасъ васъ полкѣ обучу?

— Ну, тебя! Куда ужь я гожусь.

— Годитесь, маменька, честное слово, годитесь. Вы не взирайте на то, что у васъ талія на прокатъ у капустной кадунки взята-сь, — и совсѣмъ необъятныя дамы танцуютъ.

— Ты выдумаешь.

— Ей-Богу, маменька, ничего-сь, я васъ въ четверть часа полечкѣ обучу-сь, и такой мы тятенькѣ сюрпризъ на свадьбѣ вашимъ танцемъ поднесемъ, что онъ ротъ разинетъ.

— Ошальство, это вѣрно, — засмѣялась Крутозобова.

— Въ параличъ вгонимъ-съ. Становитесь, маменька, въ позу-съ.

— Ну, тебя, не выучусь!

— Да чего тутъ учиться-то. Правую ногу впередъ-съ; двигайте, маменька, правой-то, а теперича лѣвую къ ней. Не такъ-съ, вы ужь впередъ правой-то не заѣзжайте-съ; не въ горѣлки играете. Къ правой подносите, вотъ такъ-съ, а теперича правую отставьте-съ.

— Постои, дай я сама, такъ?

— Да нѣтъ-съ, дайте я вамъ руками буду ноги направлять.

— Смотри, Архипъ, гардарахнешь ты мать-то объ уголь.

— А вы держитесь.

— За что держаться-то? Ну, тебя...

— Балансе дѣлайте, балансе-съ; отставляйте правую-съ. Такъ-съ, чудесно-съ, только вы не поднимайте ногу-то, не черезъ канавы, чай, прыгать станете, а по паркету вы шмыгать должны.

— Съ вашимъ шмыганьемъ и на вечеръ башмаковъ не хватитъ.

— Сынъ родной женится, а вы башмаковъ жалѣете. Богъ съ вами, маменька-съ.

— Ну, ну, учи ужь... Такъ?

— Такъ-съ, теперича лѣвую... Чудесно-съ. Правую-то откиньте, правую-то, маменька...

— Такъ, что-ль?

— Въ аккуратъ-съ. Вотъ и вся музыка!

— Ужли вся?

— Вся-съ. А потомъ, какъ кавалеръ нач-

ветъ крутить, вы ногами все и перебирайте, все и перебирайте.

— А вдругъ собьешься?

— Ничего-съ... Главное, чтобы съ кавалеромъ въ тактъ попасть, а тамъ и качай хоть до завтрашняго. Подъ музыку потрафляйте-съ.

— Охъ, не потрафлю, Архипушка!

— Потрафите-съ! Господи! Ужъ ежели тятенькѣ во время потрафляете, такъ музыка для васъ чистые пустяки. Практикуйтесь, маменька, по комнатѣ-то.

— Такъ?

— Такъ, а сичасъ повернитесь. Вотъ такъ-съ. У васъ даже легкость есть...

— На тощакъ-то, Архипушка, я ничего, а вотъ какъ наѣмся, ну, ужъ тутъ съ меня не взыскивай; смотрѣть ни на что не хочется.

— А вы до балу воздержитесь отъ ѣды-то. За ужиномъ съ процентами за все взыщете.

— Не утерпишь. Разставятъ закуски-то, ну и соблазнишься. До польки то твоей я еще потерплю, а послѣ ты ужъ меня не задерживай. Такъ я ноги-то переставляю? — спрашивала Крутозобова.

— Такъ, маменька, только вы не топайте-съ, а шмыгайте.

— Это ужъ я уже шмыгать-то буду, а сичасъ чего ради зря башмаки портить?

— Не научитесь безъ шмыганья-съ. Теперича можете и со мной.. Одной рукой я беру васъ за талию.

— Руки-то у тебя чистыя?

— Недавно умывался, какъ же не чистыя то-съ? А то могу и перчатки натянуть-съ.

— Къ вечеру береги, не надо. Ну?...

— Ну, а теперича пожалуйста вашу руку ко мнѣ на плечо-сь.

— На которое? На это?

— Да нѣтъ-сь, на правое. И не правую руку, а лѣвую кладите.

— Поняла, Архипушка.

— Тѣфу! То-есть ни шиша даже не поняли! Ужли вы не видали, какъ люди танцами себя изнуряютъ?

— Извѣстно видѣла, танцуютъ, только и всего.

— А руки-то какъ кладутъ видѣли?

— Вотъ ужъ этого не замѣтила. Такъ, кажется?

— Для какого же лѣшаго вы меня за шею-то ухватили? Чай, не на «Арабчикѣ» верхомъ ѣдете, а съ кавалеромъ польку танцуете. На плечо кладите.

— Таѣъ?

— Вотъ-сь это настоящая грація-сь. Лѣвую руку пожалте-сь.

— Тоже тебѣ на плечо?

— Не на плечо, а въ руку-сь, я ее своей рукой держать буду.

— Крѣпче держаться то, Архипушка?

— Никакъ не держитесь, я самъ ее буду держать, а то могу даже къ своему сердцу прижать.

— Ну, мою то прижимать не для чего, ты невѣстину ужъ прижимай.

— Будьте покойны, прижму-сь. Ну-сь, маменька, тебѣ качайте-сь! Разъ, два, три.

— Постой, ты не торопи, глупый... не приготовилась я, а ты ужь и зашмыгалъ.

— А вы старайтесь въ такту.

— Ну?

— Разъ, два, три... такъ-съ... разъ, два, три... ловко, маменька-съ!.. Теперь вертуна зададимъ... вотъ съ... еще-съ... Стойте-съ!

— А ты шмыгай ужь, видишь, разошлась.

— Во-первыхъ, маменька, вы не прыгайте-съ, а спокойно дѣйствуйте, а во-вторыхъ, за воротъ кавалера не хватайте-съ.

— Рази я тебя схватила?

— Вотъ видите, до чего вы увлеклись, что даже не замѣчаете ручнаго дѣйствія... хорошо я родной кавалеръ и съ васъ не взыщу, а вѣдь чужаго такимъ манеромъ вы ни за что, ни прочто и удавить можете-съ.

— Ну, ужь ты скажешь!

— Чего тутъ говорить, ежели у меня даже дыханіе сперло, какъ вы воротъ-то захватили... нехорошо, маменька-съ, кавалеръ вамъ удовольствіе доставляетъ, а вы его въ удавленники норовите... вы наблюдайте за своею ручкой, чтобы она къ чужому горлу не тянулась.

— Да ужь буду... это я такъ, съ непривычки... и удивится же отецъ, Архипушка, какъ увидить, въ какую я образованность пустилась.

— По моему взгляду, маменька, онъ съ вашей образованности запить долженъ-съ.

— Тивунъ тебѣ на языкъ... славу Богу, третій годъ запою не было.

— А со свадьбы моей, вотъ помяните мое слово, запѣть.

— Новаго родства постѣснится.

— Тятенька-съ? Вотъ ужъ, кажется, чело-вѣкъ безъ всякаго стѣсненія... Ну, маменька, повертимся немного для вашей пользы, да я на свою квартиру побѣгу поглядѣть, не привезли-ли приданое.

— Пришли-бы сказать... Я ужъ куфаркѣ твоей наказывала: какъ привезутъ, такъ лети сломя голову.

— Баба она словно расторопная, маменька.

— Бойкая бабочка и кушаньемъ хвалится, всякую ближешанжею умѣетъ.

— Одно только непрятно, маменька, что съ солдатомъ она.

— Солдатъ ничего... онъ въ кульерахъ служить и бѣгать часто не станетъ... безъ поро-ху, Архипушка, нонѣ ни одной стряпухи не найдешь.

— Народъ ужъ очинно обстрѣлянный, отъ этого-съ... Ну-съ, разъ, два, три...

— Постой, я не приготовилась.

— Подъ музыку легче, маменька... тра та-та, тра та-та... да вы чего же мнѣ въ ротъ глядите? Вы танцуйте-съ.

— Такъ ты для танцевъ это? Сичасъ... постой, не той ногой стала... а кадсель, Архипушка, я могу?

— Не можете-съ... куда ужъ вамъ, маменька, въ кадсель лѣзть... танцуйте больше поль-ку.

— Авось ужъ я не непонятная какая...

не глупѣе другихъ бабъ, что на балахъ-то скачутъ.

— Не глупѣе, это точно-съ, но безпамятнѣе: въ кадрили, понимаете, фигурокъ много, такъ что вы съ удовольствіемъ всѣ перепутаете.

— А можетъ, не перепутаю?

— Перепутаете, маменька... знаю я вашъ характеръ: не первый годъ, чай, вы мнѣ родительницей приходитесь, пора васъ разобрать... Не хватить у васъ ума на кадсель-съ, на польку хватить, а на кадсель нѣтъ.

— Мнѣ почему кадсель нравится, я тебѣ скажу: пропрыгаютъ тамъ положеніе и сейчасъ отдыхъ... а кавалеръ сейчасъ дамѣ въ ухо всякую пріятность.

— И въ полькѣ кавалеръ все можетъ.

— Гдѣ ужъ кавалеру въ полькѣ, только вертись знай.

— Въ вертунахъ то, маменька, скорѣе все сойdetъ... что и не такъ ляпнешь, все хорошо, потому головокруженіе-съ, а съ головокруженіемъ я ни за что не отвѣтствую... Я вонъ когда обучался у учителя танцевъ, такъ какое слоно своей дамѣ въ теченіе польки загвоздилъ, самъ чуть со страху не померъ, а она ничего-съ... глухая оказалась, а то прямо бы горсточкой въ морду-съ.

— Какъ же ты это такъ, Архипушка?

— Коньяку съ учителемъ дернули передъ урокомъ, ну и... пустилъ своей дамѣ салютъ-съ.

— А ты матери скверныхъ словъ не говори; во-первыхъ, я не глухая, а потомъ все таки тебѣ мать родная.

— Какія же я вамъ слова, маменька?

— А этоть... сказали что вичась

— Салютъ-сь? Такъ это что же съ?... Это слово хорошее-сь... бабышнѣ глухой я совсѣмъ другое слово-сь... Маменька, начнемъ полечку съ... Талія у васъ какъ будто для польки несообразная, но плясать можно съ... Главное, твердость по моему вотъ въ этой рукѣ должна быть, потому танцоры назадъ больше падаютъ, такъ надо за руку напередъ тянуть... а сзади рука никакой подмоги... все равно, что въ фотографіи подпорка, чтобъ не шевелиться зря-сь...

— Боюсь я одного, Архипушка, засалить мое платье пальцами танцоры... я только съ тобой лучше спляшу.

— Не засалить-сь... Главное, не ходите только съ тѣмъ кавалеромъ, у котораго перчатокъ нѣтъ... а у котораго есть, сдѣлайте милость, никакого вамъ пятна не сдѣлаютъ.

— А не обидятся.

— Безперчаточные то? А наплевать. Пуцдай обижаются Всякому свое доброе жаль... ему безперчаточному то, перчатки жаль, а вамъ платья-сь... прямо въ зубы-сь, то бишь въ шею-сь... Да вы не безпокойтесь, маменька, не всякій тоже къ вамъ подступитъ... нешто ужъ который выпимшій.

— Да что-жь я вѣдьма, что-ль, съ Лысой горы?

— Не вѣдьма-сь... Зачѣмъ такія кievскія слова?... А ужъ очень вы, маменька, устрашительны на счетъ вмѣстимости-сь.

— Ужли я такая толстая?

— Да какъ вамъ сказать, по совѣсти, маменька? Овощная лавка въ васъ не влѣзетъ, но табачная лавченка со всей Гаванной влѣзетъ безъ остатку-съ...

— Тьфу! Тьфу тебѣ! Сглазишь еще, пожалуй!

— У меня глазъ хорошій... Лизочка вчера и то говорить: ужли, говорить: я такъ же расплзусь, какъ ваша маменька?

— Расплзется, Архипушка, будь покоенъ! У ей всѣ къ этому расположенія есть.

— Надѣюсь, что Богъ не безъ милости, маменька... а то это что же-съ!... въ споконной жизни и вдругъ на манеръ шведской спички.. Коробка цѣльная — дѣло десятое, а спичка одна — не хорошо-съ... всѣ даже осудать-съ... скажутъ, мужъ либо не кормить, либо бьетъ... вы ужъ, маменька, на счетъ Лизочкиной полноты то постарайтесь.

— Ты старайся, а я то что-жь?... Пирогамъ ее корми, думъ чтобъ у ей въ головѣ никакихъ не было.

— Я думы изгоню-съ... Какія у женщины думы должны быть? Ышь, пей, спи и мужа ублажай... Правильно, маменька?

— Да ужъ наше бабье-дѣло такое... хозяйственное, Архипушка.

— Именно, маменька, хозяйственное... вы въ такомъ духѣ и Лизочку поставьте-съ... а то у ей сичасъ какія мечты: верхомъ въ амазонкахъ прогуляться... въ кятры для наслажденія... а мнѣ въ шесть часовъ въ магазинъ надо-съ... вы наставьте!

— Наставлю. Въ нашихъ рукахъ будетъ.

— Только вы, маменька, помягче-сь, чтобы безъ слезъ-сь, а то пустять онѣ эту Ніагару, платковъ не наготовишься.

— И поплачетъ—не бѣда... Я тоже смолоду то не однажды плакивала.

— Ну, вотъ видите, меменька, стало быть, вы можете правильно ее на путь наставить. Кладите ручку на плечо... такъ-сь... ножку впередъ-сь... такъ-сь... ручка въ ручку-сь... безподобно-сь... Теперича слушайте команды... разъ-два, три, разъ, два-три... турманомъ, маменька, турманомъ.

Крутозобова завертѣлась съ сыномъ по комнатѣ и, сдѣлавши нѣсколько «турмановъ» навалилась всею тяжестью на Архипа.

Женихъ не спохватился во-время и, сдѣлавъ невольную подножку матери, рухнулъ на этажерку, увлекая за собою Крутозобову, оравшую неистовымъ голосомъ: «Архипушка, держи... убьюсь до смерти!»

Этажерка зашаталась, какъ пьяная, и сбросила съ себя чайную посуду прямо на неудачныхъ танцоровъ.

По полу полетѣли черепки.

— Второй севризъ въ одни сутки! — пробормоталъ женихъ, пыхтя подъ навалившеюся на него родительницей, — двадцати тыщъ не хватитъ!

На порогъ стояла сваха, разиня ротъ и всплескивая руками.

XXXII.

— Да вы никакъ опалѣли, мраморные! — напутствовала сваха валявшихся на полу жениха съ матерью, — ни свѣтъ, ни заря въ та-нецъ сокрушительный пустились.

— Савишна! Дай руку! — проговорила сама, сбрасывая съ себя черепки посуды, — не встану никакъ... Ахъ, дуракъ! Вотъ дуракъ-то, мои милые! Видить, мать женщина грузная и вдругъ ее всею запряжкой объ этажерку...

— Маменька-съ... я не виновать-съ! — бормоталъ женихъ, собирая черепки. — Вы отъ танцевальнаго волненія на меня навалились, а я посклизнулся и полетѣлъ-съ... Вы этакъ всякаго кавалера испортить можете... рази можно въ танцахъ кавалера грузить-съ? Не вагонъ онъ, чай, а тоже человѣкъ-съ. Ужъ ежели меня съ позиціи сбили, такъ другого то вы на смерть задавить можете-съ... не хорошо, маменька... коли танцуете, такъ должны соблюдать баланцъ.

— И не наваливалась я на тебя, все ты врешь.

— Ей-Богу навалились. Съ мѣста не сойти, провалиться скрозь землю! — божился женихъ, крестясь на образа. — Конечно, ежели бы я зналъ, что съ вашей стороны такое свинство произойдетъ, осторожность бы имѣлъ... уперся бы во-время, на манеръ контрафорсу.

— Это что еще за слово такое?

— А это столбы, маменька, откосы соб-

ственно, которыми ненадежныя стѣны подпирають-сь... Такъ нельзя-сь... и себѣ нутро можете отъ паденія повредить, и кавалера либо на смерть, либо въ чахотку вгоните-сь.. вѣдь въ васъ восемь пудовъ тридцать два фунта-сь.

— Ничего это не значить, коли у меня нога легка.

— А нога легка, остерегайтесь чужихъ народовъ давить-сь... Вы сообразите, маменька, ежели вы на трехпудоваго танцора навалитесь отъ души-сь, безо всякаго стѣсненія, такъ вѣдь отъ него одинъ фракъ останется, а живности никакой.

— Не стану, коли такъ, я на твоей свадьбѣ польку производить.

— Отчего же-сь? Только вы съ опаской маленько, безъ уцербу чужому тѣлу-сь.

— И Куда тебѣ плясать,—замѣтила сваха, садясь.—Ни лѣта, ни тѣлосложеніе этого не дозволяютъ.

— Да все онъ, Савишна,—оправдывалась сама, подбирая тоже черепки,—выучись, маменька, да выучись.

— Ему что, онъ человѣкъ молодой, ему всякое тѣлодвиженіе на пользу, а мы съ тобой куда годимся?

— Ну, вотъ! Не перестарокъ я какой!

— Сынъ женится, а ты въ танцы лѣзешь. На кладбище намъ съ тобой собираться пора, а не въ танцы.

— Ну, ты скажешь тоже, Савишна... у тебя всякое лыко въ строку.

— А ты козой прыгаешь при такихъ лѣтахъ, да при девяти пудахъ... не хорошо!

— Нѣтъ, отчего же?—замѣтилъ женихъ, со вздохомъ поглядывая на собранные въ кучу черепки.—Танцы—занятіе пріятное-съ. Хотите, я васъ обучу?

— Ну, тебя. Нуженъ ты мнѣ очень съ своими полками да кадрилими!—отпихнулась отъ жениха сваха.—И ты, себя не по порядку ведешь. Женихъ, а дуракъ.

— Это въ чемъ же дѣло-съ?

— А въ томъ, что никакого у тебя страху передъ брачнымъ торжествомъ нѣту.

— Да чего же мнѣ страшиться то? Невѣста не медвѣдь, шкуру съ меня не сдеретъ.

— Въ страхѣ этотъ день долженъ проводить, а не въ танцахъ да въ гулянкахъ. Другіе женихи то какъ себя содержатъ въ такой монументъ? Въ постѣ да въ молитвѣ. За обѣдную сходятъ, просфору скушаютъ и въ сладостный трепетъ погружаются, а у тебя трепеть то былъ ли?

— Какой ужъ тутъ трепеть, прямо встряску по поводу паденія получилъ-съ. Это даже хуже трепету, а на счетъ ѣды я себя соблюдаю. Чай пилъ, это точно-съ, а что касается до бѣлаго хлѣба, али тамъ булки какой—никакого даже притяженія не чувствую-съ.

— Такъ и соблюдай себя до вѣнца, а перевѣнчаешься, въ ту пору насыщайся сколько влѣзетъ.

— Потерплю-съ.

— Потерпи. Не ты первый женишься, не ты послѣдній, а всѣ терпятъ. На то и бракъ

установленъ, чтобъ женихъ терпѣлъ. А ты съ чего это съ утра то разводы по всей акварели пустила?

— Для просушки, Савишна. Которая часть ежели обвалится, такъ подправить можно.

— Да она у тебя до вечера то окаменѣеть совсѣмъ. Сотри!

— Не желаю. Я и то часа два мучилась, подъ колеръ то себя подгонявши.

— Тьфу! Васъ, вѣдь, чертей, не переучишь. Идолами были, идолами и остались. Самъ то дома?

— самого нѣту. Приданое выручать уѣхалъ.

— Какое приданое?

— Ахъ, Савишна, да ты вѣдь не знаешь, какое происшествіе съ нами случилось. Задержали у насъ приданое то.

— Кто смѣлъ задержать? Да я сейчасъ къ полиціймейстеру.

— Извозникъ, который его перевозилъ. Понимаешь, мы взяли все отъ кондитера, при тебѣ вѣдь эта музыка была?

— При мнѣ, точно, ну?

— Ну, а кондитеръ то, понимаешь, долженъ извознику полтора ста цѣлковыхъ.

Ну?

— Ну, а извозникъ то возьми да наше приданое къ себѣ на дворъ. Заплатите, говоритъ, кондитерскій долгъ и берите приданое.

— Ахъ, мошенникъ! — всплеснула руками сваха.

— Кто, Савишна? Извозникъ?

— Всѣ мошенники: и извозникъ, и кондитеръ, и... такъ и не отдали приданое?

— Самъ поѣхалъ выручать.

— А все вы виноваты, Савишна, — упрекнулъ сваху женихъ, — ежели бы вы поѣхали съ приданымъ, никакой бы задержки не вышло, а то черезъ это меня чуть не подстрѣлили, какъ зайца. Полѣзъ я къ кондитеру ночью, а онъ меня за жулика принялъ и хотѣлъ изъ револьвера смерти придать; посуды у него рублей на двѣсти со страху переколотилъ. Какъ хочешь, а съ тебя пять красныхъ я вычту.

— Да я то причѣмъ тутъ? Что ты бѣлены объѣлся, али отъ маменькинаго придавленія съ ума спятилъ?

— Вы должны были съ приданымъ ѣхать-съ.

— А вы мнѣ говорили, али нѣтъ? Я, вѣдь, мраморный, не посмотрю, что ты женихъ, и за такія слова чѣмъ ни попадя всю твою фizioномію испорчу. Скажите, какія депеши откалываетъ: я, вишь, виновата! Ахъ, черти костромскіе! Связалъ меня сатана съ вами на мое несчастіе!

— Какъ угодно-съ, а только я одинъ терпѣть убытокъ не намѣренъ-съ.

— Возьмите его, идола! — вскочила сваха, — да я съ тобой, искаріотомъ, и говорить больше не желаю! Да ты домъ весь разнесешь и я съ тобой въ долю пойду? Тьфу!

— Домъ зачѣмъ-же-съ, домъ одному невозможно, а насчетъ посуды, — изъ-за васъ все; доставили бы приданое и никакого бы сервировочнаго раздробленія не произошло-съ. Между прочимъ, все отъ тятеньки зависящее-съ, мнѣ что-же-съ, какъ они, такъ и я.

— Я съ тобой, съ балбесомъ, больше и разговаривать не стану. А ежели вы не рассчитаетесь со мной по совѣсти, я васъ подведу. Съ мѣста не сойти, подведу. На свиней я сама свинья, съ благородными людьми я сама благородна...

— Да будетъ тебѣ, Савишна, по чести рассчитаемся, — успокоила сваху сама, — не обращай ты на Архипа вниманія, съ огорченія это онъ бормочетъ: и приданого нѣтъ, и кондитеръ обремизилъ, и мать съ ногъ свалилъ.

— Да этакая дубина и невѣсту въ церкви свалить! Ростили вы, растили дурака, а разумомъ не налихали. Положимъ, его и вамъ взять не изъ чего, а все-таки отполировать для будущей жизни то должны были.

— Тятенька-съ! — крикнулъ женихъ, выбѣгая въ переднюю. — Привезли приданое-съ?

— Привезъ. Выкупилъ.

— Ну, слава Тебѣ, Господи! Замки всѣ цѣлы-съ?

— Всѣ. Они у извозчика то подъ замкомъ тоже стояли. Парень не дуракъ.

— Я побѣгу-съ разгружать.

— Бѣги.

Женихъ убѣжалъ. Самъ покосился на жену и раскланялся со свахой.

— Какая исторія то вышла! — заговорила сваха, подавая руку самому.

— Нда-съ, исторія непріятная-съ, положимъ, что я съ кондитера вычту, а все таки. Что сейчасъ на дворѣ скажутъ, какъ узнаютъ, что приданое у извозчика ночевало?

— А кому какое дѣло, что кума у кума сидѣла? На пустую брехню и вниманія обращать не подобаетъ.

— Такъ-то такъ, а все таки, — вздохнулъ самъ и полѣзъ за пазуху за бумажникомъ. — Модели-то настоящей и нѣтъ!

— И безъ модели вѣкъ проживешь! — улыбнулась сваха, съ лаской смотря на засаленный бумажникъ Крутозובה.

— На, получи сотельную! — вынулъ тотъ изъ бумажника деньги. — Десять красвыхъ, хоть не считай, такъ вѣрно будетъ.

— Спасибо, мраморный! — расплылась въ улыбку сваха, комкая красненькія и запикивая ихъ проворно въ корманъ. А платье за тобой.

— Да ужъ на счетъ платья будь спокойна, какъ своимъ бабамъ стану покупать, такъ первымъ долгомъ тебя вспомню. Поцѣлуемся, Савишна, — привсталъ Крутозобовъ. — Дай Богъ, чтобъ молодые въ лучшемъ видѣ жили.

— Дай Богъ, — поцѣловалась троекратно сваха съ хозяиномъ, — ахъ, только и жулики же вы, ахъ какіе жулики, сулили триста и вдругъ на сто съѣхали!

— А ты знаешь, Савишна, пословицу: не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки, а я тебѣ замѣсто журавля-то не токмо-что синицу, а перепела даже.

— Покорно благодаримъ, — покловилась въ поясъ сваха Крутозобову, — конечно, трудовъ не мало было и какъ быдто обидно такое вознагражденіе, ну, да ужъ Богъ съ вами,

авось еще на что потребуюсь, али рекомендацію дадите.

— Во всѣ концы рекомендовать стану... ужь на этотъ счетъ будь покойна.

— Хоть и обкургузили вы меня, проѣхались на моей простотѣ, а дѣло съ вами имѣть пріятно... хоть сотню, да наличными отдали.

— Вотъ то-то и есть, Савишна! Сгоряча, извѣстно, всякаго человѣка обругать можно, а ты подумай хорошенько и выйдетъ, что мы по благородному... другой бы и сотни за это не далъ, а еслибъ и далъ, такъ трешниками лѣтъ десять уплачивалъ, а я на чистоганъ... получи, Савишна, и прославляй!

— И буду. Хоть и жулики вы, но довольно благородные жулики. А такихъ я уважаю. Что хотѣлъ, то и далъ, а другіе...

— А другіе и хотятъ, да не отдадутъ.

— Со мной и это бывало. Съ одного хлѣбника я три года свой кутражъ отрубями да ведряной мукой получала. Нѣту, говорить, денегъ: бери либо ведряную, либо отруби! Просто хотъ коровъ да хлѣбопекарни заводи!

— Жуликоватѣе, стало быть, насъ на свѣтѣ есть.

— Да какой дряни на свѣтѣ нѣтъ, мраморный, всякая есть... а меня, словно на грѣхъ, на такую дрянъ сплошь да рядомъ и наносить!

— Счастье, значить, твое такое, Савишна,—вздыхнула сама.

— Никому я такого счастья не желаю. И хлопотъ, и непріятностей, и синяковъ, реберъ даже не жалѣешь, а въ благодарность, либо

мякина, либо отруби... Кондитера-то нонче видѣль? Все ли у него готово?

— Не видалъ еще.

— Смотри, посадить онъ тебя на мель. Ужъ ежели приданое извозникъ изъ-за него продержалъ, большую неприятность онъ можетъ тебѣ преподнести. Сходи!

— Сейчасъ схожу.

— Главное, чтобъ экипажами не задержалъ. Ежели онъ у этого извозника экипажъ взялъ, ни за что не пришлетъ. Придется невѣстѣ на простомъ извозникѣ ѣхать...

— Ну, какъ же это такъ!

— Очень просто. Необстоятельнаго кондитера взялъ. Возьми настоящаго, съ совѣстью, и всякое тебѣ удовольствіе доставить... Карету-то вѣнчальную золотую договаривался?

— Золотую.

— Ну, вотъ, увидишь, подсунетъ онъ тебѣ маргариновую.

— Сейчасъ поѣду, а то и всамдѣлѣ острамить!—встревожился Крутозобовъ.

— Иди, да накажи, чтобъ къ пяти часамъ у тебя и вѣнчальные, и всякіе другіе экипажи были. Слышишь?

— Да ужъ это, конечно, чтобъ пораньше.

— Къ пяти часамъ и шаферъ къ намъ пріѣдетъ.

— Смотри, надежный-ли шаферъ-то, Савишна? — усомнилась Крутозобова. — Невѣроятный онъ какой-то...

— Ну, вотъ!—махнула рукой сваха авторитетно,—а я то на что? Да я изъ него всю душу вытрясу, ежели онъ супротивъ меня

что нибудь дозволить... Деньги ему заплачены, одѣяніе взято — какого ему еще рожна, прости, Господи!

— Такъ-то такъ, а сумнителенъ онъ.

— Жизни неаккуратной, оттого въ глаза и бросается. Да я его сама приведу въ чистотѣ. Можетъ, подъ конецъ балу и испортится до червя, а для перемонъ годится вполне.

Крутозобовъ отправился къ кондитеру и полчаса спустя вернулся обратно.

— Говорить все произойдетъ въ аккуратъ, — доложилъ онъ женѣ и свахѣ, — и балъ, и экипажи во-время.

— Смотри, не очень такому человѣку довѣрай.

— Говорить: на счетъ экипажейъ я спокоенъ, — у другого взялъ.

— У другаго? Ну, значить, пришлетъ.

— Какъ не прислать! Который не ученый — завсегда пришлетъ.

— А оркестръ какой взялъ? Не спрашивалъ?

— Шестнадцать человѣкъ, говорить, приобрѣлъ, изъ коихъ четырнадцать жидовъ. Ты какъ, Зарядье-то одобряешь?

— Жиды, ничего. Жидъ въ музыкѣ, по моему, даже лучше, вичѣмъ православный, потому нашъ сейчасъ первымъ дѣломъ замѣсто ноты водку своимъ проклятуцимъ беззубымъ смычкомъ потянетъ, а жидъ антрахту знаетъ. Какъ антрахта, такъ онъ и клонетъ... и жиду хорошо, и музыка черезъ это правильнѣе.

— А я было ругать его за эти зарядскіе романцы началъ.

— Напрасно. Чего не понимаешь, меня спроси. Вотъ ежели жидъ въ распорядители танцевъ пустить—сопротивленіе оказывай, потому такой распорядитель всю залу и даже барышневъ можетъ насквозь чеснокомъ пропитать, а за музыканта спасибо скажи,—съ жидомъ балъ дотянешь, а съ православнымъ ни за что.

— Такъ, значить, я напрасно кондитера-то распушилъ?

— Совсѣмъ напрасно, мраморный.

— Ну, впередъ ему зачтется. Что не такъ на балу сварганить, спущу.

— Спусти. А то обозлишь челоуѣка, возметь, да тебѣ и напакостить... Ну, а вы всѣ приуготовлены къ торжеству-то?

— Да что-жь намъ? Надѣну я сюртукъ и готовъ... Архипъ фракъ напялить, а жена, вонъ, гляди, съ утра себя подъ малиновый цвѣтъ подогнала.

— И чудесно. Такъ вы къ пяти часамъ будьте готовы, а я заѣду сейчасъ на минутку къ невѣстѣ, обгляжу ихнія обстоятельства, и домой для парату. Припаратюсь, заѣду за шаферомъ своимъ каторжнымъ и прямо къ вамъ.

— Вотъ, вотъ! А мы сейчасъ у молодыхъ хозяйство покуда устроимъ.

— Устраивайте, это дѣло доброе. Архипъ вашъ хоть парень и добрый, но дуракъ. Игдѣ ему все сообразить и въ надлежащую картину привести? Онъ безъ руководства такого лѣшаго нагородить, что невѣсту въ слезы

введетъ... Ну, до свиданія! Хоть и обидѣли вы меня, но я на васъ не сержусь.

— И мы на тебя не сердимся, Савишна, — проговорили Крутозобовы, провожая сваху, — Богъ съ тобой.

— И съ вами Богъ, мраморные!

— Вотъ за это спасибо! Намъ безъ Бога никакъ невозможно! Такъ въ пять часовъ, стало быть? До пріятнаго-съ!

Сваха сунула руку хозяевамъ и, качнувъ головой, исчезла.

Крутозобовы посмотрѣли другъ на друга и усмѣхнулись.

— Глупая женщина! — проговорила сама.

— Баба! — философски замѣтилъ Крутозобовъ, надвигая на уши картузь, — что съ нее взыщешь-то? Ничего!... Пойдемъ къ Архипу.

Старики вздохнули еще разъ и отправились въ квартиру своего сына.

XXXIII.

Савишна первымъ дѣломъ залетѣла къ не-
вѣстѣ и застала всѣхъ въ сборѣ за само-
варомъ.

— Здравствуйте, мраморные, мельѣнь лѣтъ
вамъ здравствовать! — чмокнула она на ходу
хозяйку, потрясла руку хозяина и впиалась въ
пухлыя щеки невесты, кушавшей просфору. —
Здравствуй, красавица моя бѣлоснѣжная, здрав-
ствуй... ну, какъ послѣднюю ночку подъ ро-
дительскимъ крылышкомъ почивала?

— Какой ужь сонъ, Савишна!—заморгала та вѣками.

— А ты не раздражай ужь ея сердца-то,—остановила сваху хозяйка, вытирая красные глаза,—и такъ мы съ ней съ семи часовъ утра плачемъ.

— Глупость одна!—махнулъ на бабъ отецъ невѣсты,—плачутъ, сами не зная для чего. Я Лизу не неволилъ, сама идетъ...

— Да вѣдь тяжело, чай, съ роднымъ гнѣздомъ разставаться, ты пойми...

— Ну, что такого особеннаго?—резонировалъ хозяинъ.—Переѣдетъ съ одного мѣста на другое—только и всего.

— Да ужь это ты точно опредѣлилъ,—поддержала хозяина сваха, замѣтивъ, что невѣста, глядя на мать, начинаетъ кукситься,—разницы большой нѣту... не вѣкъ же и въ дѣвкахъ сидѣть, пора и законъ исполнить.

— Грустно все таки, Савишна... все жила съ родителями и вдругъ съ му-му-ужемъ,—всхлипнула невѣста.

— Съ мужемъ-то много пріятнѣе, мраморная! Мужъ-то тебѣ всякую ласку предоставитъ, а родители что?

— Какой тоже мужъ попадется.

— Архипъ Семенычъ—парень доброты необыкновеннѣйшей... онъ и сичасъ мнѣ,—отъ нихъ я прямо,—онъ и сичасъ взялъ меня вотъ этакъ за руку и говоритъ: «Кланяйся, говоритъ, Савишна, Лизочкѣ, андичку моему драгоцѣнному, и скажи ей чтобы не очень пужалась, потому я ее до гроба любить на-мѣренъ».

— Такъ и сказалъ, Савишна?—улыбнулась невеста, отирая глаза.

— Съ мѣста не сойти, коли вру! Рехнулся даже отъ любви къ тебѣ... Замѣсто своей квартиры-то зашелъ къ кондитеру и всю посуду у него перебилъ... «Въ затмѣніи, говоритъ, чувствъ былъ, Савишна»... Радоваться должна, что за такого молодца идешь, а ты плачешь... ну, что хорошаго? И сердце свое растревожишь, и глаза наводдыряешь... хорошіе гости на балу будутъ и вдругъ у тебя подъ глазами волдыри.

— Да я такъ это, Савишна, грустно тоже. Цѣльный вѣкъ жила, жила у папашы съ мамей.

— Ну, какой это вѣкъ? Съ мужемъ такъ это точно придется вѣкъ жить, а у батюшки съ матушкой всегда дѣвки въ гостяхъ гостятъ.

— Садись, Савишна, — предложила хозяйка, — извини, совсѣмъ изъ головы вонъ.

— Э, мраморная, нашла тоже время извиняться! Сама понимаю, что не легко съ дочкой разставаться, да ау! Ничего не подѣлаешь, дѣвки товаръ такой ходовой: кажинный покупатель на него глаза пялить... Ну, у васъ все готово?

— Кажется, все, — отвѣтилъ хозяинъ, — а у жениха нашего какъ?

— Все въ порядкѣ. Свою квартиру обставляется; говорюпосиди! Куда! «Надо говорить, Савишна, такъ, все устроить, чтобъ Лизочкѣ пондравилось...»

— Онъ парень добрый, — подтвердилъ хо-

заяинъ,—робокъ только какъ будто, не развя-
зень, ну, да это пройдетъ... женится и раз-
вернется.

— Развернется! Сейчас онъ вѣдь изъ рукъ
родителей глядитъ, а какъ женится—совсѣмъ
другой узоръ пойдетъ... Ну, я поѣхала!

— Постой, Савишна, посиди, выпей чайку.

— До зарѣзу дѣловъ! — махнула себя по
горлу пальцемъ сваха,—нешто съ вишневымъ
чашечку?

— Съ вишневымъ выпей.

— Рази ужъ только одну! Уговорили, мраморные? И откуда у васъ только слова находятъ? Уговорять и уговорять! А ты, красавица, просвирочку вкушаешь?

— Нельзя, Савишна, день такой, — отвѣтила за невѣсту мать, — пятую она сейчасъ кушаетъ...

— Что вы, мамаша? Четвертую только...

— А ты кушай безъ счету во спасеніе... просвира не хлѣбъ, грѣха въ ней никакого нѣтъ... женихъ тоже нонче говѣеть... даже съ лица какъ будто бы спалъ.

— Савишна, карету-то онъ за мной при-
шлетъ?

— А какъ же, красавица, съ шаферомъ
зашлетъ... возьметъ тебя шаферъ и отвезетъ
подъ законъ.

— Хорошій у него шаферъ-то, Савишна?

— Полковникъ изъ артилеріи. Изъ какого
хочешь орудія палить можетъ. Изъ царь-
пушки, и то выпалить.

— Въ мундиръ?

— Палилъ-то въ мундирѣ, а на балъ во фракѣ прїѣдетъ.

— Ахъ, какая досада! Въ мундирѣ гораздо красивѣе...

— Не можетъ онъ въ мундирѣ, потому мундиръ военный духъ въ себѣ содержитъ, а свадьба у насъ сичасъ гражданская... не подъ кадрель... да онъ, красавица, и безъ мундиру довольно устрашительнъ: усищи — вотъ! Глазищи — вотъ! Носище что твой банникъ, хоть сичасъ имъ пушку заряжай...

— Ухъ, какой страшный!

— Не страшный, а устрашительный... который ежели изъ гостей на балу до скандалу долижется, такъ онъ его однимъ взглядомъ въ землю закопаетъ.

— Еще чашечку, Савишна.

— Съ абрикосовымъ нешто? Грѣшница, люблю я абрикосовое...

— А Архипъ Семенычъ не опоздаетъ въ церковь? Ты бы, Савишна, ему сказала, чтобъ онъ аккуратно прїѣхалъ къ назначенному времени.

— Да ужъ будь покойна, не опоздаетъ... раньше за часъ прилетитъ, потому онъ теперь въ большемъ обожаніи находится, только вотъ что еще я хотѣла тебѣ сказать, мраморная: не зови ты его по имю и отчеству... съ нѣжностью апосля вѣнчанія зови; онъ и то мнѣ сколько разъ говорилъ: «Что это, говоритъ, Савишна, за мода у Лизочки такая? Я ее все Лизочка, да Лизочка, а она меня все Архипъ Семенычъ, да Архипъ Семенычъ».

— Обижается развѣ?

— Извѣстно обижается. Человѣкъ къ тебѣ со всею любовью лѣзетъ, а ты его вдругъ по батюшкѣ...

— Да какъ же его звать-то, я право не знаю.

— Какъ! Зови Архипушкой, вотъ тебѣ и вся недолга.

— Архипушка! Это очень некрасиво!

— Покрасивѣй выдумай. Дѣвки на прозвища мастерицы: зови Хихочкой или Хипушей.

— Ужасно некрасиво... что такое Хипуша? Что то вродѣ Хрипуши... Я лучше его Пухочкой стану звать...

— Пухочкой, такъ Пухочкой Онъ и похожъ даже на Пухочку, потому пухлый этакій, да сдобный, это хорошо ты придумала... Пухочка, поцѣлуй меня, мраморный!>

— Вотъ ужъ этого я никогда не скажу.

— Скажешь, ахъ, какъ скажешь! Извѣстно, при чужихъ такую сладость не скажешь, а съ глазу на глазъ безъ всякой церемоніи пустишь... Ну, теперь я поѣхала!

— Еще чашечку.. одну.

Не могу. Меліёнъ дѣловъ, а время нѣту... и не держите вы меня, и не соблазняйте... До пріятнаго свиданія!

— Прощай, Савишна,—поднялись хозяева.

— Давай Богъ часъ добрый! Карета-то къ семи пріѣдетъ?

— Безпремѣнно, мраморные.

— А парикмахеръ когда?—справилась невѣста.

— Паликмахеръ? Отцы мои! — опустила

сваха на стулъ.— Паликмахера-то мы изъ головы упустили! Ахъ, я дура!

— Они сами, вѣроятно, распорядятся прислать.

— Гдѣ имъ догадаться, и въ лобъ этимъ лѣшимъ паликмахеръ не влетитъ... Я сейчасъ къ нимъ поѣду.

— Да что-жъ тебѣ беспокоиться-то, Савишна?

— Какъ не беспокоиться? Ахъ, я дура полоумная! Завертѣли они меня и изъ ума вонъ чесателя выпустила... Я сейчасъ къ нимъ... До пріятнаго...

Сваха выскочила какъ угорѣлая отъ невѣсты и полетѣла къ Крутозобовымъ.

— Ахъ, идола! Никакого у нихъ понятія объ паликмахерѣ! — ругалась сваха, торопя извозчика.— Все на Савишну взвалили: и туда Савишна, и сюда Савишна, во всѣ концы Савишна... Да что я лошадь, что-ли, почтовая? Тьфу!

Крутозобовы еще возились на квартирѣ молодого, когда къ нимъ влетѣла сваха.

— Савишна! — удивился самъ. — Ахъ что случилось?

— А паликмахера-то вы и забыли къ невѣстѣ послать, а? — накинулась та на нихъ.

— Какого паликмахера? Да что они адреса, что-ль, паликмахерскаго не знаютъ?

— Да вѣдь отъ васъ долженъ паликмахеръ быть, ахъ нѣтъ?

— Это, то-есть, почему же-съ? — справился женихъ, вытирая потный лобъ ладонью. —

Контракту у насъ насчетъ паликмахеру не было-сь.

— А ты молчи, съ тобой я не говорю, съ отцомъ твоимъ слова теряю. Споконъ вѣку заведено, чтобы невѣсту чесать женихъ паликмахера посылалъ.

— Да я что же-сь, я, тягенька, пошлю-сь, но только деньги пушай они платять.

— Тьфу! Да дуракъ ты этакій, гдѣ-же это видано, чтобы невѣста паликмахеру платила? Женихъ платить обязанъ.

— Уговору не было-сь. Мало-ли что они тамъ захотять, за все я и плати?

— Тьфу! Мнѣ плевать на васъ, черти! Не мало я изъ-за вашего идола муки приняла, а сичасъ и знать васъ не хочу...

— Постой, Савишна, чего ты горячишь-ся? — остановилъ сваху хозяйинъ. — Ращеть тутъ, мать, по-моему, небольшой.

— Извѣстно, не ахти что, — согласилась сама, — Рупь возьмутъ съ удовольствіемъ.

— Что-о? Да какой же это дуракъ поѣдетъ вамъ за рупь невѣсту съ матерью чесать?

— Какъ? и тещу въ томъ числѣ-сь? Тягенька, я тещу не намѣренъ-сь... Ну, Лизочку, еще туда-сюда, и не желаю я Лизочку огорчить... А тещу вдругъ за что-же я долженъ чесать-сь?

— Не ты чесать станешь, а паликмахеръ.

— Отлично я это все понимаю-сь, а платитъ кто паликмахеру станеть? Все я же-сь?

— Никакого тутъ ращету яѣтъ, пойми ты, идолъ чумазый! Вездѣ такая музыка заведена. Коли ты женишься, такъ долженъ не токмо

что невѣстѣ, а всей ея роднѣ уваженіе доказать.

— Было-бы за что-съ... Хорошо, коли они завтрашняго числа намъ за визитъ серебряный самоваръ поднесутъ, а вдругъ мѣдный-съ...

— Чумичку тебѣ деревянную слѣдуетъ подарить апосля твоихъ словъ... Тьфу!

— Надо послать, коли такая прокламація заведена,—проговорить самъ.—Ничего не подѣлаешь.

— Тятенька-съ, вы тамъ какъ хотите, а теща пойдетъ на вашъ счетъ-съ... У ей и волосъ-то настоящихъ нѣту, такъ можете себѣ вообразить, что паликмахеръ слушать за мученіе-съ?

— Жадность-то у идола какая!—всплеснула руками сваха.—Ну, коли бы я знала, да вѣдала, какъ ушей своихъ не видать бы тебѣ этой невѣсты.

— Погоди, Савишна!...

— Мнѣ какъ хотите... пуцай вашъ дуракъ на нечесаной невѣстѣ женится. Ему срамota, а не мнѣ.

— Отлично-съ... до этого мы себя не допустимъ... Я васъ покорнѣйше прошу заѣхать сичахъ къ паликмахеру и отрядить его для операций.

— Заѣду. Хоть бы ты у отца вѣжливости научился.

— Да тятенькѣ что же? Имъ чужихъ денегъ не жалко,—пробормоталъ женихъ, принимаясь за передвижанье мебели.

— Поѣзжай, Савишна, и все устрой, — хлопнулъ Крутозобовъ сваху по плечу.

— Да ужь будь покоенъ, Савишна ни одного дѣла не испортить... Ну, до свиданія, мраморный! Къ пяти часамъ я буду... гляди, чтобъ экипажи не запоздали.

— Сказалъ, чтобъ къ пяти безпремѣнно.. божился даже.

— Я въ кондитерскую божбу не вѣрю... илюминацію онъ тебѣ въ глаза пуцаетъ, только всего.

— Ну, вотъ! Какъ же онъ можетъ, ежели онъ у меня въ рукахъ?

— Его надуютъ... Коли ужь приданое задержали, стало быть, человекъ обстоятельный... ну, авось Богъ дастъ все благополучно кончится... До свиданія, мраморный!.. Не держите меня. Меліенъ дѣловъ въ головѣ, просто до зарѣзу некогда... вотъ!

Сваха снова черкнула себя по горлу пальцемъ и полетѣла къ парикмахеру.

XXXV.

Отправивъ при себѣ «чесателя» къ невѣстѣ и причесавшись сама за тотъ же счетъ, она поѣхала домой, гдѣ ее ожидалъ непріятный сюрпризъ.

— А давича, — доложила ей кривая и кривобокая кухарка, отпирая дверь, — какъ ты уѣхала, письмо къ тебѣ принесли.

У Савишны екнуло сердце.

— Письмо? Отъ кого, мраморная?

— Да отъ крестника твоего, изъ номеровъ... на столѣ оно лежитъ.

Савишна такъ и сѣла.

— Это насчетъ шаферу, — простонала она.—Ахъ, мошенникъ!

Сваха бросилась къ столу и развернула письмо дрожавшими отъ волненія руками.

«Милая крестная,—писаль ей крестникъ.— Спѣшу васъ увѣдомить, что Валерка не почеваль дома и до сихъ поръ не являлся. Боюсь, какъ бы онъ вамъ не надѣлалъ неприятностей. Иду сейчасъ на службу. Можетъ быть, и вернется, но во всякомъ случаѣ счелъ долгомъ васъ объ этомъ извѣстить. Цѣлую ваши ручки и остаюсь любящимъ крестникомъ Павломъ».

— Разбойникъ! Душегубъ несчастный! Мраморные, да что же это теперь со мной будетъ? Ахъ, иродъ! Ахъ, усы дурацкіе! Батюшки мои, гдѣ-жъ я сичасъ шафера куплю? Осрамилъ, пропивущій, на все Замоскворѣчье осрамилъ! Всю мою депутацію испортилъ! Ну, попадись онъ мнѣ теперь, всѣ усы ему оборву!... И думала я запереть его въ чуланъ до бракосочетанія и кормить изъ рукъ, какъ блудливую кошку, чувствовала, что подведетъ онъ меня, и подвелъ, усачъ проклятуцій!... Куда мнѣ теперь за шаферомъ кинуться и не придумаю. Павлушку взять? Ростомъ къ фраку не подойдетъ... панталоны-то еще подшить можно, потому длинны, а фракъ не напялить, охъ, не напялить, на двадцать частей, каторжный, разлетится!... Надо искать усача... Вотъ не было печали, такъ черти накачали! И дернула меня нечистая сила за шаферскую поставку взяться, пущай бы сами брали, какъ хотѣли, нѣтъ, нужно было влѣзть, показать

мужикамъ, что Савишна лучше ихъяго все оборудуетъ, вотъ тебѣ и оборудовала! Хоть сама надъ этими балбесами вѣнецъ держи! Тѣфу!

Сваха быстро «припаратилась» и полетѣла въ номера, гдѣ жилъ ея крестникъ съ шаферомъ.

— Мраморный,—бросилась она къ швейцару, — Павлуша еще не возвращался со службы?

— Никакъ нѣтъ-съ,—раскланялся тотъ со свахой

— А сожигатель его, съ усищами этакими?

— Господинъ Каплевъ-съ? Часа два тому назадъ пришелъ-съ.

— Пришелъ? Слава тебѣ Господи!—вскринула сваха отъ радости.—Явился таки, губка грецкая!

Сваха полетѣла въ номеръ крестника, распахивая въ разные стороны попадавшихъ ей на встрѣчу жильцовъ.

«Господинъ» Каплевъ, развалившись на диванѣ въ самой ухарской позѣ, храпѣлъ, какъ говорится, во всѣ носовыя завертки. Такимъ крѣпкимъ сномъ, вѣроятно, спятъ великіе полководцы наканунѣ серьезнаго сраженія.

Сваха подкатилась къ почивавшему полководцу и безъ дальнихъ церемоній такъ его встряхнула за плечи, что голова его какъ маятникъ заболталась во всѣ стороны.

Каплевъ открылъ глаза, посмотрѣлъ серьезно на сваху и сплюнулъ.

— Тѣфу! Ахъ, морда мраморная, прямо въ

бантъ угодили! — закипѣла сваха и дернула усача за руку. — Вставай, идолъ! Слышишь?

— *Assez, Assez!* — бормоталъ тотъ, — *je vous prie!*

— Ну, вотъ я тебя, мраморный, сичасъ съ дивана и попру! — проговарила сваха въ отвѣтъ и сдернула за ноги шафера на полъ.

Средство оказалось дѣйствительнымъ. Шаферъ, треснувшись о полъ, мигомъ вскочилъ на ноги и, уставившись съ испугомъ на Савишну, стыдливо потупилъ красные, запухшіе глаза.

— Ахъ, *madame...* *c'est vous...* *milles pardons...* я, кажется, безъ галстука!

— Пятерку взялъ, фракъ взялъ, а морда шаферская гдѣ? Подай мнѣ натуральную рожу, коли ты благородный человѣкъ, — наступала на него сваха.

Злосчастный шаферъ попятился и полетѣлъ на диванъ.

— Гдѣ твоя натуральная морда, я тебѣ спрашиваю? А? — съ вѣной у рта лѣзла Савишна на злосчастнаго шафера. — Пропилъ морду?

Pardon, madame! — отпихивался отъ нея тотъ и руками, и ногами. — Это такъ неожиданно.

— Да пойми ты, антилерія растрепанная, какъ я тебя съ такою рожей на свадьбу повезу? Вѣдь съ такою фотографіей, только на ваторгу ссылають... Тьфу, свинья ты сахалинская!

— Вы насчетъ рожея? Пустяки... уно

момента и я въ натурѣ... тазъ холодной воды и красавецъ.

— Бочку вылей на свои мордасы проклятыя, только чтобъ публика тебя не страшилась.. Да гдѣ! Синяковъ-то, синяковъ-то... мраморные мои! Зебра, а не шаферъ!

— Синяковъ никакихъ... это... меня наксой... купецъ одинъ... пьяный, конечно... и *voilà tout!*

— Врешь?

— Честное, благородное слово! Неужели я позволю, въ виду торжества, такой грандіозный пассажъ? Купецъ пьяный, но добрый. Я пилъ, а онъ... мазалъ.. Конечно, глупъ... но на извозчика десять цѣлковыхъ дать... Я тутъ квитъ, мадамъ... уно моменто!

— Полощись скорѣй, сердце у меня не на мѣстѣ...

— Въ мгновеніе ока... Синяки! Просто вакса! Неужели я позволю въ морду накануне свадьбы? Жаме! Меня въ морду, и я въ морду!

— Полощись, говорю тебѣ!

— Сію минуту!

— А не пьянъ?

— Я?

— Ты. Прямо говори, сичасъ за зельтерской пошлю..

— Былъ, но въ данный моментъ трезвъ, какъ новорожденный младенецъ.

— Не могъ таки вытерпѣть, вакса купеческая! Поговѣлъ-бы до балу, а тамъ трескай, сколько влѣзетъ... Ну, какъ я тебя съ похмѣльной рожей на свадьбу повезу, а? Пять

цѣлковыхъ съ меня взялъ, а совѣсти ни на грошъ... Полощись!

— Немедленно-съ!

Шаферъ повернулся на каблучкахъ и исчезъ за перегородкой, откуда и явился, минуты двѣ спустя, съ полотенцемъ въ рукахъ.

— Никакихъ синяковъ, madame.

— А ты три рожу-то, три... теперь показывай!

— Извольте-съ.

— Синяковъ нѣту, но на лбу царапина.

— Это пустяки... у парикмахера задѣлають всѣ трещины-съ.

— И напугалъ же ты меня, мраморный,—успокоилась сваха,—присылаетъ вдругъ Павлушка письмо, что тебя дома нѣтъ,—у меня даже ноги подкосились.

— Съ благородными людьми дѣла не имѣли, оттого и сомнѣваетесь,—гордо замѣтилъ шаферъ, тараща глаза въ зеркало.

— Да какое ужъ у пьющаго человѣка благородство можетъ быть? Свинство одно.

— Я не такой-съ... Я, madame...

— А ты, мусью, одѣвайся лучше попроворнѣе. Завезу я тебя къ паликмахеру раздѣлать подъ орѣхъ, а потомъ къ жениху прямо.

— Слушаю-съ. Значить, надѣвать фракную пару и marchons!

— Никакихъ маршоновъ твоихъ надѣвать не надо. Бельную сорочку надѣнь съ перчатками, да фракъ съ шкиблетами.

— Вы меня не поняли.

— Оттого и не поймешь, что голова еще

у тебя купца никакъ забыть не можетъ...
Парадсья!

Шаферъ исчезъ снова за перегородку и, четверть часа спустя, вышелъ оттуда такимъ франтомъ, что сваха даже руками всплеснула.

— Чистый ты графъ, ей-Богу! Да еще ежели паликмахеръ морду съ башкой обдѣлаетъ по столичному—всю женскую націю на балу покоришь.

— Хорошо-съ? — повернулся тотъ передъ зеркаломъ.

— Отъ каблуковъ до головы хорошъ.

— Голову обрабатываютъ...

— Главное, насчетъ усовъ накажи, чтобъ убивцами ихъ паликмахеръ сдѣлалъ.

— Усы и такъ великолѣпны.

— Мятые, ничего хорошаго нѣту... Подмочилъ ихъ анчерашняго числа, а не проутюжилъ, вотъ ихъ всѣхъ, ровно бѣлье, кот .ое высохши, и покорибило.

— Подовьемъ-съ. Невѣста-то, madame, хорошенькая?

— Амуръ! Да тебѣ какое дѣло до невѣсты?

— Такъ-съ... вообще.

— Жуликъ ты, я вижу, вобще, но только ты долженъ вдову смущать, а не невѣсту. Невѣста не для тебя писана.

— Я ничего-съ... Я изъ любопытства спросилъ... Жениха я видѣлъ, а невѣсту нѣтъ.

— И невѣсту увидишь... А вдова, про которую я тебѣ говорила, на балу будетъ и очинно тобой интересуется... Какъ стала я ей про твои качества докладывать, такъ у ей по всему лицу-то вдругъ пятна пошли.

— Это хорошо-съ!

— Да ужь чего лучше, коли за глаза твой патреть въ трепеть приводить!

— Очень хорошо-съ.

— Стрѣляй только въ нее глазами почаще... вагнись этакъ въ разговоръ, закрути усищи, да прямо въ нее и пулай... сразу въ полонъ возьмешь, съ мѣста не сойти!

— Вы думаете, madame?

— Коли-бъ не знала, такъ и не говорила. Я сроду голоднаго челонѣка хлѣбомъ не дразнила, — грѣхъ большой! Понялъ?

— Понялъ-съ. Но при этомъ я долженъ вамъ замѣтить, что если она не дастъ мнѣ капиталъ въ руки, я не женюсь-съ.

— Да какой тебѣ капиталъ въ руки то дать? Ничего ты въ капиталъ не согласишь, а руки протягиваешь... Одѣвать тебя, какъ картинку станеть, кормить на убой, всякія удовольствія предоставить... Какого тебѣ еще рожна, оголтѣлому?

— Все изъ чужихъ рукъ смотрѣть, — это несогласно съ моими взглядами.

— А за взгляды она тебѣ по праздникамъ сюрпризы начнетъ презентовать: то синенькую, то красную, а то, гляди, и четвертную отсыплетъ, коли взглядомъ угодишь... Она добрая... ахъ, добрая, мраморный! Я сейчасъ къ ей приду, такъ не знаетъ, куда посадить, чѣмъ угостить... Разорваться на триста частей для хорошаго челоуѣка готова... А ты ей угодишь, чувствую, что угодишь, потому, во-первыхъ, дуракъ...

— То-есть какъ это-съ?

— Да такъ, дуракъ, и больше ничего! Ежели бы ты умный человѣкъ былъ, такъ изъ прокату себя въ шафера бы не пуцалъ, а самъ бы для такой операціи другихъ нанималъ. Ты и не сѣорь: дуракъ, дуракъ и есть, а хорошій дуракъ моей вдовѣ завсегда угодить можетъ, потому у тебя, хоша въ головѣ замѣсто мозговъ одна наливка, но почтительность къ дамскому полу есть.

— Я дамъ уважаю-сь.

— А ежели бы ты былъ безъ уваженія, такъ я бы тебѣ и вдову сватать не стала. Уваженіемъ да лаской ты изъ нея какія хочешь веревки вить можешь. Разнѣжится она, а ты сичасъ къ ей въ карманъ... Наша сестра, вѣдь, глупа за каждую ласку готова нашему брату, жулику, сторицею заплатитъ... Ты ей пустилъ «андила», да чмокнулъ при такомъ словѣ для крѣпости а она сичасъ въ карманъ, глядь, и полѣзла: «Денегъ, дескать тебѣ, Валерьяша, не надо ли?»

— Мнѣ-сь? Очень даже-сь... если бы вы были такъ любезны, madame, и дали бы займы нѣкоторую сумму...

— Нѣкоторый шишъ я тебѣ дамъ. Я про вдову тебѣ говорю, а ты вдругъ на меня расположился. Дуракъ, дуракъ и есть...

— Pardon! Это у меня еще отъ вчерашняго всѣ мысли въ разбродѣ.

— А за деньгой лѣзешь. Вотъ, какъ у васъ дѣло со вдовой сладится, въ тѣ поры, мраморный, я тебя одолжить могу... Подъ вексель только, потому вашъ братъ меня не разъ тоже надувалъ... При токе много кровь-то.

— Я? Никогда!... За рубль два... мало—три заплачу.

— И пять отдашь, коли такую богачку подцѣпишь!

— Для васъ и пяти не ^{пожалѣю}... Конечно, если капиталъ въ руки.

— Капиталу не дастъ, а долги за тебя заплатить. Она мнѣ не разъ говорила,—ежели, говорить, и прохвость попадетъ, да мнѣ въ совѣсть, ото всѣхъ его тюремныхъ непріятностейъ освобожу.

— Долговъ у меня нѣтъ... и сдѣлалъ бы, да никто не вѣрить... Ужасные люди, madame!

— Ну, я тебя научу, какъ сдѣлать, только это не теперь, а послѣ, а сейчасъ намъ отправляться пора... Все на себя надѣлъ? Ничего не забылъ?

— Кажется, все-съ.

— То-то, смотри, какъ бы какую нужную вещь не забыть. У меня разъ женихъ пріѣхалъ въ церковь вѣнчаться безъ галстука, а другой въ разной обуви,—одна нога въ лаковой штиблетѣ, а другая въ сапогѣ... Затормошишься и не замѣтишь въ себѣ изъяну... Платокъ взялъ?

— Во фракѣ-съ.

— Душный?

— У Палли духи заимствовалъ.

— Мнѣ все одно, хотя у Маши, только чтобъ въ порядкѣ всякая статья была... Галстукъ на тебѣ есть... цѣпочка вотъ часовая не казиста.

— У швейцара взялъ...

— Ты-бы у Павлуши попросилъ... все у него цѣпочка лучше, ничѣмъ швейцаровская.

— Нельзя-съ.

— Почему нельзя? Я, чай, съ тобой ѣду, могъ-бы, кажется, крестной-то довѣрить.

— Довѣрять то нечего-съ: давно заложена-съ.

— Тьфу! Безперечь у меня подкрѣпленія беретъ и все закладываетъ... непутевый вы народецъ! А часы у кого взять?

— Часы? Зачѣмъ-же часы-съ? Это совершенно лишній багажъ... цѣпочка болтается на виду, а часы... вообще инкогнито.

— Пришилъ, стало быть, цѣпочку къ карману-то?

— Пришилъ-съ... вы не бойтесь, madame, пришилъ крючокъ, не выскочить.

— То-то, смотри, не острами ты меня. Выдаю я тебя за полковника и вдругъ замѣсто часовъ бѣлыя нитки.

— О, будьте покойны!

— Мнѣ, главное, чтобъ ты передъ вдовой не оконфузился... придетъ ей фантазія спросить у тебя, который часъ, ну и... справляйся у сосѣда.

— Зачѣмъ? Я не такъ еще глупъ, какъ вы воображаете, madame! Скажу ей: «счастливые часовъ не наблюдаютъ», ну, она и отстанетъ.

— То-то, ты ужъ словъ не жалѣй, лишь бы въ просакъ не попасть... Все на тебѣ? И днижмое, и недвижимое?

— Все-съ.

— Надѣвай попону и поѣдемъ... Уфъ, отъ

сердца отлегло! А то просто хоть ложись, да помирай... Шляпу-то раздвижную надѣнь.

— Готово-съ!

— Повернись! Чистый болдыханъ китайскій! Поѣдемъ!

Сваха, подхвативъ для «крѣпости» шафера подъ ручку, дабы не сбѣжалъ дорогой, вышла изъ номеровъ и покатила къ парикмахеру.

XXXVI.

Въ парикмахерской шафера дѣйствительно раздѣляли подъ орѣхъ. Когда онъ вышелъ къ свахѣ, дожидавшейся его на извозикѣ, Савишна отъ удовольствія даже сплюнула.

— Любому иниралу своей мордой носъ можешь утереть! — похвалила она своего протеже и толкнула въ спину извозчика. — Лупи, желтоглазый!

У жениха все было готово, когда сваха съ шаферомъ ввалилась въ квартиру Крутозобовыхъ. И женихъ, и родители были уже въ полномъ «паратѣ» и ждали только сваху и экипажей. Женихъ вертѣлся передъ зеркаломъ и жаловался родительницѣ на сорочку, которая, по его мнѣнію, въ воротѣ стѣсняла ему дыханіе.

— А ты распяль, растяни, — совѣтовала та, сидя въ креслахъ на подобіе мраморной статуи безъ малѣйшаго движенія.

— Растягиваль-съ, а все-таки стѣсняетъ. Маменька-съ, вы бы сами попробовали.

— Не могу, Архипушка, я застыла. Какъ повернешься, какая нибудь штука въ тувалетѣ и испортится.

— А меня душить-съ... Это что-съ? Даже краснота въ лицо прошибла.

— Терпи. Съ краснотой-то, Архипушка, человѣкъ много красивѣе... всякій въ церкви скажетъ: женихъ-то—кровь съ молокомъ.

— Какое ужъ тутъ молоко, ежели, никакого дыханія-съ... фу-у! Говорилъ я магазинщику, что воротъ малъ, забожился даже, что въ пору будетъ... вотъ тебѣ и въ пору... удавить меня рубашка до вѣнчанія и выйдетъ ка-рамель.

— А ты вытягивай шею кверху и давить не станетъ.

— И то на манеръ гуся тяну, а душить-съ... Примѣрить бы надо, а я сдуру на его слова расположился.

— Терпи. Я сама терплю... Такъ меня корсетищемъ все ущемило, что того гляди душа вонъ выскочить... Какъ я ѣсть-то на балу стану?

— Корсетъ, маменька, что, пріѣхали на балъ и сняли его... вы пожилыя особы-съ, васъ никто не осудить.

— И ты, какъ пріѣдешь на балъ, сорочку сыми.

— Очень хорошо-съ... Какъ же это я безъ рубашки-то вдругъ?

— Другую возьми съ собой.

— Не годятся мои подъ фрачный парать-съ... фу!... И какъ вѣдь божился-то, под-

лая душа. Душить-съ горло-то, словно кто руками для задушенія ухватился.

— Пуговицу не переставить-ли?

— Да куда ее переставить, маменька-съ, когда, можетъ, шея вершка на два воротника шире?... Тятенька-съ, какъ же быть?

— Терпи, — отозвался тотъ, расчесывая бородку. — Кто виновать? Самъ покупалъ, ну, самъ теперича и казись... Гдѣ же теперь другую взять, сичасъ ѣхать къ вѣнцу надо... Всегда вы вотъ съ матерью такъ: то не додѣлаете, то передѣлаете... Черти!

— Ну, вотъ и мы, мраморные! — доложила въ это время сваха, входя. — Готовы?

— Какъ слѣдуетъ-съ.

— Встрѣчай полковника-то, — пихнула она хозяина въ переднюю, гдѣ съ шафера мальчишка стягивалъ пальто.

— Очень пріятно - съ... милости просимъ, — бросился хозяинъ къ шаферу.

Шаферъ вошелъ, поздоровался съ хозяевами и хлопнулъ по плечу жениха.

— Ну, какъ, Архипъ Семенычъ, себя чувствуете? И въ жаръ, и въ ознобъ, я думаю, бросаетъ.

— Въ жаръ больше-съ, — отвѣтилъ тотъ, растягивая воротъ сорочки, — потому душить-съ!

— А экипажевъ - то, нѣту? — справилась сваха.

— Не пріѣзжали еще.

— Смотри, надуютъ! Поѣдете вы съ невестой на извозикъ... Справился бы лучше у кондитера-то своего.

— Ужь я и то хотѣлъ, да онъ уѣхалъ въ домъ, гдѣ балъ нашъ будетъ...

— Самъ-бы дослалъ кого до извозчика.

— Не знаю, у кого онъ икипажи нанялъ-сь.

— Ну, вотъ! Осрамите вы меня, ей-Богу, осрамите! Какъ же это такъ не знать, у какого извозчика взяли? Ахъ, идолы! То-ись минуты покою съ вами не вижу.

— Авось подѣдутъ.

— Ну, вотъ и поѣдешь ты на авоськѣ сына женить... Тьфу!

— Я самъ думаю, тятенька, что не пріѣдутъ-сь, замѣтилъ женихъ,—потому на кондитера положиться нельзя-сь: жуликъ-сь... посуду вдругъ на полу разставилъ... для чего-сь?

— Подождемъ немного,—рѣшилъ самъ,—а тамъ увидимъ.

— Ой, не пріѣдутъ! Чтò-жь въ такомъ случаѣ дѣлать-то, а?

— Чтò-же-сь? Возьмемъ съ перваго двора кареты, только и всего... Господинъ полковникъ, покуда въ ожиданіи-то не выкупате-ли чего... мадерки, напимѣръ?

— Avec plaisir!—шаркнулъ тотъ.

— Не портъ ты моего полковника до вечера... и такъ поскучаетъ!

— Одною рюмкой военнаго человѣка не испортишь, Савишна.

— Какой военный! Онъ и отъ войны-то давно отвыкъ, а ты его мадерой неволишь... А вонъ и экипажи пріѣхали! Слава тебѣ Господи... благословляйте покуда своего дурака-то, а я съ шаферомъ къ невѣстѣ ударюсь.

— Да рази ты не съ нами поѣдешь, Савишна?

— И поѣхала-бы, да... шаферъ у меня, человекъ иногородній и дороги, пожалуй, не найдетъ, запутается.

— Не безпокойтесь, найду-съ, — проговорилъ шаферъ.

— Хотя и найдешь, а безъ моего конвою въ церковь не попадешь... Ну вы, какъ кончите все, такъ въ церковь, а мы за невѣстой... полковникъ присядь!

— Я ничего... постою-съ...

— Присядь! Тьфу! Порядковъ не знаетъ, а въ шафера идетъ.. ну, теперь вставай... сдѣлай всѣмъ ручкой бонжуръ и тащись за мной. До свиданія, мраморные!

Сваха выскочила съ шаферомъ на улицу и, приказавъ парадной каретѣ слѣдовать за собой, впрыгнула въ коляску, таща за руку шафера. Экипажи покатались. Сваха крестилась на всѣ четыре стороны.

XXXVII.

Невѣста еще «чесалась», когда пріѣхала сваха съ шаферомъ.

— Поскорѣе, мраморные,—заторопила она отца невѣсты, встрѣтившаго ихъ въ передней, — женихъ сичасъ какъ облупленное яичко готовъ, а вы все чешетесь... Вѣдь онъ обопрѣтъ весь въ церкви, невѣсту-то ждавши.

— Фасонъ, стало быть, такой продолжительный,—отвѣтилъ тотъ, здороваясь съ шафе-

ромъ,—невѣсту тоже зря, кое-какъ причесать нельзя...

— Это точно, но подогнать паликмахера все таки слѣдуетъ, чтобъ онъ не очинно ужъ щипцами-то своими финтиль... подгони!

— Подогвать отчего-же, это завсегда можно.

— А сама-то чесалась?

— Лиза мать на пробу пустила: «Я, говоритъ, посмотрю сперва, какъ онъ мамашу прифасопить»...

— Умница! И пословица говорится: впередъ родителей въ петлю не суйся... Гдѣ же она?

— Да иди къ ней въ спальню, она тамъ, гляди, одѣвается.

— Иду, а шафера своего я на твое изживеніе покада оставляю.

— Хорошо. А ты иди и сама ихъ подгони.

Савишна скрылась. Хозяинъ поклонился вертѣвшему передъ нимъ шляпу шаферу и проговорилъ:

— Покорнѣйше прошу пройти въ столовую... вы ужъ извините, что у насъ сичасъ безпорядокъ такой.

— Помилуйте,—пробормоталъ тотъ, — напротивъ... мнѣ кажется... вообще все прекрасно!

— Моментъ такой торжественный... Ростили, растили дочку и вдругъ пробилъ часъ разлуки... Полѣвъе въ дверь-съ... вотъ-съ...

Шаферъ съ хозяиномъ вошли въ столовую. На столѣ стояло нѣсколько бутылокъ съ виномъ и тарелки съ разными закусками.

— Просту присѣсть. А въ ожиданіи не откажите поздравить меня.

— Avec plaisir, monsieur! — поторопился тотъ и оглянулся на дверь.

— Чѣмъ угощать прикажете? Мадера, хересъ, коньякъ.

— Что вамъ угодно.

— Я выпью рюмочку мадеры. Вѣрите ли, съ утра ранняго на ногахъ... усталъ.

— Я тоже-съ... Какъ всталъ, такъ и... попрошу коньяку!

— Для фундаменту? Вы изъ военныхъ, видно?

— Да-съ, изъ военныхъ... Положимъ, давно ужъ въ отставкѣ.

— Но жилу военную сохранили. Ваше здорovie-съ!

Хозяинъ съ шаферомъ выпили. Шаферъ понюхалъ бусочекъ лимона и похвалилъ коньякъ.

— Да вы вторую, безъ церемоніи.

— Можно-съ!—отвѣтилъ тотъ и снова понюхалъ лимонъ.

— Вы чѣмъ-же сейчасъ изволите заниматься?—спросилъ у него хозяинъ.

— Я-съ? Да... всѣмъ-съ...

— Всѣмъ.

— Всѣмъ! Я все могу... Въ стуколку играете?

— Нѣтъ, не играю.

— Напрасно, а то бы мы съ вами сейчасъ перекинулись... а propos, я выпью-съ!

— Покорнѣйше прошу-съ... будьте какъ дома... я очень даже радъ...

— И я-съ... вы мнѣ нравитесь... parole d'honneur! И лицо у васъ, и... домъ... и все такое... à votre santé!

Шаферъ выпилъ, лизнулъ лимонъ и усталъ на хозяина.

— Какая досада! Заторопился я къ жениху и забылъ дома деньги.

— День такой,—согласился съ нимъ хозяинъ,—я тоже давеча...

— Да вы что! Нѣтъ, каково мнѣ... глупое положеніе... Могу у васъ просить до завтра нѣкоторую сумму?

— Съ удовольствіемъ-съ... Сколько прикажете-съ?

— Дайте какіе-нибудь пустяки, рублей пятьдесятъ, что-ли, или шестьдесятъ.

— Сію минуту,—полѣзъ тотъ за бумажникомъ.

— Мерси!... Такой глупый случай, а приходится поневолѣ одолжаться. Только я васъ попрошу ничего не говорить свахѣ... Грубая, невѣжественная женщина... наговорить колкостей, а согласитесь сами, каково ихъ выслушивать благородному человѣку?

— Зачѣмъ-же говорить... Пожалуйте...

— *Mille remerciements!*—вскочилъ тотъ со стула и съ жаромъ пожалъ руку хозяину.— Завтра, или послѣ завтра, вообще на дняхъ, сочту своимъ священнымъ долгомъ возратить съ благодарностью.

— Такіе пустяки... не стоитъ благодарности.

— Да-съ... это со мной часто... то-есть рѣдко бываетъ... Ёду, понимаете, хлопъ по карману—ничего! Глупое положеніе! Положимъ, можетъ быть, и не понадобятся деньги, а вдругъ... ужасное положеніе! Благородный че-

ловѣкъ и ни копѣйки въ карманѣ! Вы выпьете?

— Съ вами рюмку мадеры пожалуй.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь... а я коньячку... коньякъ великолѣпенъ, прямо вамъ говорю! Вы куда-же?

— А посмотрѣть, скоро-ли кончить парикмахеръ Лизу чесать.

— Оставьте... Помните правило: не совать свой носъ туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ! Пускай парикмахеръ дѣлаетъ свое дѣло, а мы... Выпьемъ!.. У парикмахера свое дѣло, у насъ свое... Папаша, вы мнѣ нравитесь, клянусь Марсомъ!

— Очень радъ-съ... я люблю благородныхъ людей... но только все-таки поторопить надо... Женихъ, поди, дожидается ужъ въ церкви.

— Женихъ? Чортъ съ нимъ, папаша! На то онъ и женихъ, чтобъ ждать... Клянусь честью! Онъ подождетъ, а мы выпьемъ... За здоровье вашей прелестной дочери, mon cher rара!

— Премного благодаренъ - съ... Такъ не надо, вы думаете, торопить?

— Жамъ! Всю прическу можете испортить. Я вынюю, папаша!

Пріѣхали поѣзжане, все больше родственники невѣсты, и хозяинъ пошелъ ихъ встрѣчать. Шаферъ остался одинъ.

— Благородный человѣкъ! — проговорилъ онъ, наливая рюмку. — Это совсѣмъ не то, что женихъ... хавочникъ! Пейзанъ! За здоровье благородныхъ людей!

— Да ты что же это, щучья твоя голова,

тутъ дѣлаешь?—появилась неожиданно сваха въ столовой.

Шаферъ поперхнулся коньякомъ и вскочилъ со стула.

— Madame! Pardon!

— Я тебя спрашиваю, али нѣтъ? Кто тебѣ безъ время дозволилъ носъ-то сандалить, а?

— Хозяинъ... гостепріимство... радушіе... благородный челевѣкъ!—бормоталъ тотъ, запихивая въ ротъ кусокъ лимона.

— И хозяинъ дуракъ, и ты тоже! Пройдись!

— Какъ-съ?

— Пройдись, насосъ, по комнатѣ.

— Но, madame... пуркуа?

— Тьфу! Иди, тебѣ говорятъ... Въ уголъ иди... въ уголъ, дуракъ мраморный!

— Странная фантазія... Извольте-съ... чтобъ сдѣлать удовольствіе, я готовъ съ удовольствіемъ...

— Пьянъ! — всплеснула сваха руками,— сичасъ провалиться, назюзился! Въ одну минуту себя испортилъ...

— Я пьянъ? Жамэ!

— Ей-ей пьянъ! Батюшки мои, да что-же это за идолъ такой навязался на меня? На минуту и одного оставить нельзя.. Пройдись еще... въ уголъ иди, морда пунцовая!

— Извольте... если вамъ нравится моя походка, извольте...

— Шатается! Пей воду... сичасъ пей!

— Но я никакой жажды, madame, не чувствую... я воду при жаждѣ...

— Пей, а то я весь графинъ въ твою

глотку опрокину, со стекломъ у меня проглотишь....

— Могу.

— Еще пей! Осрамишь, право, осрамишь! И дернула меня нелегкая его хозяину препоручить... Пей еще!

— Третій стаканъ? *Assez, madame!*

— Я тебѣ такую осу покажу, вѣкъ не забудешь... пей... чтобы весь графинъ у меня вылокать... Я тебѣ покажу, какъ передъ вѣнчаньемъ шафера портить... пей!

— Пью-съ, пью-съ... зачѣмъ кричать... вообще это неблагогородно... Хорошій коньякъ и вдругъ водой разбавлять... это фальсификація...

— И фальшификацію пей! Теперь пройдишь!

— Не могу, помилуйте, цѣлый графинъ воды. Одуло-съ!

— Иди, а то я вотъ этимъ графиномъ всю прическу сомну. Иди!

— Извольте-съ. Станный у васъ взглядъ на... коньякъ...

— Фу! Какъ будто лучше походка стала. Иди теперь въ залу.

— Я здѣсь останусь. Хозяинъ сказалъ: сиди!

— А я тебѣ говорю: иди! Ахъ, проклятые, не догляди только, живую тебя въ землю закопаютъ!

— Сваха выпроводила шафера въ залу, гдѣ, въ ожиданіи появленія неvěсты, сидѣли поѣзжане, а сама бросилась къ неvěстѣ, которой парикмахеръ прикалывалъ вуаль.

— Скоро, что-ли, мраморные? Проманежите вы моего жениха.

— Сейчасъ, сейчасъ, Савишна, — отозвалась хозяйка, хлопотавшая около дочери. — Ну, теперь, кажется, все, иди, Лизочка, въ залу... Постой, оборочка не на мѣстѣ.

— Отпущайте вы ее скорѣй, — торопила сваха. — Женихъ мозоли въ церкви настоять, а вы съ оборочками пугаетесь. Батюшки, какъ бы мой идолъ-то опять въ столовую не улизнулъ!

— Сваха побѣжала въ залу, куда вслѣдъ за ней вышла и невѣста съ родителями.

Шаферъ подлетѣлъ къ невѣстѣ и представилъ ей, а также и шаферамъ невѣсты.

Невѣста плакала.

Спустя пять минутъ всѣ плакали, а во время благословенія поднялся такой вой, что шафера жениха невольно потянуло въ столовую. У самой двери, впрочемъ, онъ былъ пойманъ свахой и водворенъ на стулъ.

— Ну, мраморные, пора, — говорила сваха. — Поплакали и будетъ. Исполнили свою обязанность и достаточно. Ъдемъ въ церковь, у жениха, чай, слезы текутъ отъ вашего прохлажденія.

Наконецъ, церемонія отпуски невѣсты кончилась. Первою вышла на крыльцо невѣста, за нею поспѣшили остальные, и потянулся свадебный поѣздъ по улицѣ, имѣя во главѣ коляску съ шаферомъ жениха.

Невѣсту въ церкви встрѣтилъ хоръ пѣвчихъ концертомъ.

Когда сваха одна изъ послѣднихъ вошла

въ церковь, къ ней подбѣжалъ шаферъ невѣсты и сообщилъ, что жениха нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?—остолбенѣла та.

— Да такъ вотъ нѣтъ и кончено, — отвѣтилъ тотъ съ неудовольствіемъ. — Это свинство съ его стороны, заставлятъ невѣсту ждать себя.

— Не можетъ быть, онъ давно долженъ быть здѣсь.

— Смотрите, гдѣ онъ? Видите, никого, общите-сь.

— Отцы мои, чему же это приписать? Что-нибудь, да съ нимъ, дуракомъ, приключилось, не можетъ онъ шагу ступить безъ приключеніевъ.

— Вамъ лучше знать, но только невѣста и недовольна, и беспокоится.

— Да я сама, можетъ, въ тыщу разъ больше ея беспокоюсь. Ахъ, бревно дурацкое! До послѣдней минуты изъ меня душу выматываетъ, всѣ жилы вытягиваетъ.

— Это ужъ до меня не касается.

— Известно, тебѣ, кургузому, наплевать, а мнѣ какво... Безпремѣнно, его, дубину стоеросовую, либо лошади вывалили, либо икипажемъ переѣхали.

— Какъ же быть? Не съѣздить-ли вамъ лучше за нимъ?—посоветовалъ шаферъ.

— Голова у меня отъ твоихъ словъ закружилась... Куда я поѣду-то?

— Къ жениху на квартиру,—странный вопросъ.

— Для тебя странный, потому, можетъ, ты сроду ни въ какихъ передѣлкахъ не бы-

валъ, а я ужь учена достаточно... А почему ты знаешь, можетъ онъ сичасъ либо въ участкѣ сидитъ, либо въ больницѣ ему ногу сращиваютъ?

— То-есть какъ же это такъ?

— Очинво просто,—не знаешь ты моего жениха, а глупыя слова произносишь; онъ у меня такой ужь уродился, что во всякое время до Окружнаго Суда дойти можетъ.

Шаферъ пожалъ плечами и побѣждалъ къ невѣстѣ.

Хоръ пропѣлъ концертъ и замолчалъ. Невѣсту со всѣхъ сторонъ обступила толпа зѣвакъ, преимущественно женскаго пола.

Сваха вышла на паперть и столкнулась съ отцемъ невѣсты, который, очевидно, искалъ ее.

— Стой! вотъ она! — ухватился онъ за плечо Савишны, — ты что-жь это, куриная душа, съ нами дѣлаешь? Гдѣ женихъ?

— Прибудетъ, сичасъ умереть — прибудетъ!—присѣла та

— Какъ прибудетъ? Онъ раньше невѣсты долженъ быть здѣсь. Ты что же это, срамитъ насъ вздумала?

— Мраморный! Пусти плечо, у меня на немъ бородавка неврическая! Прибудетъ, сію минутую прибудетъ! Задержались, ну и того. Это бываетъ, то одно забыто, то другое.

— Смотри, Савишна, я добръ, но ежели женихъ не прибудетъ, я изъ тебя калачъ сдѣлаю.

— Господи! Да какой же мнѣ рацетъ тебѣ врать? Задержались, охъ, задержались... Я сичасъ за ними духомъ летаю.

— Нѣтъ, ужъ извини, я тебя не выпущу, пошли шафера, а ты у меня въ отвѣтъ...

— Да я то приче́мъ? Господи! Можетъ, съ имъ холера вдругъ? За что-жь я за такую пакость отвѣчать-то стану?

— Иди въ церковь и стой... глазъ я съ тебя не спущу... срамъ просто! Невѣста давно въ церкви, а жениха нѣтъ.

— Ума не приложу, что съ имъ, съ каторжнымъ, случилось? Либо холера взяла, либо подъ конку попалъ.

— Съ каретой-то?

— Да онъ съ десятию каретами попадетъ, счастье у него такое проклятущее: какъ куда пошелъ, либо безъ ноги, либо безъ головы домой.

— А ты мнѣ зубы не заговаривай... срамить я себя никому не дозволю.

— И въ умѣ у меня этой музыки не было, а что шалый женихъ попался, въ этомъ родители его виноваты, а сваха ни приче́мъ.

— Ты сама иди впередъ!

— Я пойду, я что-жь... Ахъ ты, батюшки, всего ничего и осталось-то, а подвелъ таки, морда татарская... Только бы вѣнцами накрыть, а тамъ плевать я на нихъ на всѣхъ хотѣла, — бормотала сваха, идя ни жениховскую сторону.

— Ну, что какъ да онъ не пріѣдетъ! Вѣдь отецъ невѣсты - то меня замѣсто языка къ колоколу подвѣситъ, да и начнетъ башкой то трезвонъ выбивать... Что-нибудь, да попритчилось ему, луноглазому: или изъ кареты вывалился, или изъ парату что по шву трес-

нуло, зашивать вернулся... А будетъ мнѣ нонче утюжка, охъ, сердце чувствуетъ, что будетъ!

Стоявшій въ церкви народъ заволновался.

— Женихъ! Женихъ пріѣхалъ! — раздался шепотъ.

— Пріѣхалъ! — встрепенулась пригорюнившаяся сваха. — Ахъ, рожа пудренная, чуть было меня подъ разстрѣлъ не подвелъ!

Хоръ грянулъ концертъ.

Сваха бросилась къ пріѣхавшему жениху и схватила его за руки.

— Да ты что-жь это со мной дѣлаешь, а? Невѣста тебя тутъ цѣльный часъ ждетъ, а ты гдѣ хороводишься?

— Я-съ? — забормоталъ женихъ, отпихивая отъ себя сваху — сорочка-съ, рубашка то-исъ...

— Какая рубашка? Меня невѣстина сторона повѣситъ изъ — за тебя, каторжнаго, хотѣла!

— Рубашка-съ... душить-съ... на вершокъ уже шей-съ.

— Ну?

— Ну и... ѣду-съ... вдругъ удушеніе... «Тя-тенъка, говорю, не могу-съ... замѣсто свадьбы, похороны Александра выдутъ-съ».

— Ну?

— Ну и... заѣхали со всѣмъ поѣздомъ въ галантерейную лавку... рубашку новую купить-съ, пока мѣрили... Пока передѣвался... Жулики-съ.

— Тѣфу!... Вѣнчайся ужъ, статуи деревянный, не клади ты меня въ могилу... Когда я только развяжусь съ имъ для спокойствія!

Началось вѣнчаніе.

Всѣхъ усерднѣе, кажется, молилась сваха. Когда она очнулась, поѣзжане уже поздравляли молодыхъ съ законнымъ бракомъ.

Сваха такъ и не долѣзла до молодыхъ, которые выходили изъ церкви, окруженные родственниками.

Послѣднею вышла изъ церкви Савишна. Она остановилась на паперти, набожно перекрестилась нѣсколько разъ на висѣвшую надъ дверями икону и, проговоривъ: «Ну, вотъ, женила таки дубину! Кончились мои мытарствія!» — ловко прыгнула въ коляску и крикнула кучеру:

— А теперь вези насъ пировать, мраморный! Обсюзила и конецъ! Надо душѣ и праздникъ дать... Подхлესни лѣвую-то, подхлесни, хомутовая душа!

Коляска покатила.

XXXVIII.

Лошади, везшія сваху, оказались не изъ ретивыхъ. Такихъ клячъ извозчики обыкновенно пускаютъ больше подъ похоронныя процессіи, не требующія отъ коней, какъ всѣмъ извѣстно, ни прыти, ни игривости. Именно такіе похоронные россинанты и везли сваху на свадьбу и привезли ее къ дому, въ которомъ долженъ былъ происходить балъ, когда всѣ уже гости были въ сборѣ.

Сваха всю дорогу ругала кучера, клячъ и ихъ хозяина «мошенниками», сулила имъ на

томъ свѣтъ миллионъ самыхъ страшныхъ чертей, грозила полиціей, прокуроромъ и кончила тѣмъ, что плюнула на всѣ четыре стороны и подѣхала къ цѣли своего путешествія въ полномъ огорченіи.

У открытаго подѣзда стоялъ громадный швейцаръ съ булавой и апатично смотрѣлъ на улицу.

Экипажъ остановился. Сваха посмотрѣла на швейцара и замахала ему руками.

— Эй, ты, верзило!—крикнула она ему,—да ты что же это балбесомъ истуканнымъ стоишь? Гвоздями, чтоль, тебя къ порогу то приколотили, а? Вынимай почетную особу!

Швейцаръ выхватилъ изъ экипажа сваху и поставилъ ее на ноги.

— Давно бы такъ! А то стоитъ на манеръ каменнаго быка и на гостей никакого вниманія настоящаго. Чину на тебѣ никакого нѣтъ, а въ статуи лѣзешь!

Сваха, ворча, раздѣлась и вошла въ залу, гдѣ офиціанты уже разносили чай.

— Савишна, гдѣ ты запропала?—встрѣтилъ ее отецъ жениха,—иди скорѣй и жениха съ невѣстой шинпанскимъ проздравь.

— Погоди... дай вздохъ пустить...

— Да шинпанское-то унесутъ... и лакеи допьютъ... проворонишь.

— Свѣжаго подадутъ.

— Разсчитывай! Кондитеръ-то выжигой оказался... на всѣхъ гостей только полдюжины купилъ... больше, говорить, невозможно, себѣ убытокъ.

— Рядился бы какъ слѣдуетъ, а то: все

твое, а что «все твоё» — неизвестно, и лимонною водой заставить молодых поздравлять, и поздравить, потому все «его», чѣмъ хочетъ, тѣмъ тебя и накачаетъ... Гдѣ молодые-то?

— Въ гостиной, Савишна.

— Пойдемъ поздравить для порядку... а шаферъ мой гдѣ?

— Вѣроятно, въ буфетѣ.

— Дорвался, аспидъ, — проворчала сваха, — не успѣлъ ввалиться, какъ забуфетивать началъ... Ну, какъ я ему вдову настоящую сватать стану? Сразу отъ себя буфетнымъ духомъ отшибетъ.

Сваха съ отцомъ жениха поплыла въ гостиную, гдѣ на диванѣ, передъ маленькимъ круглымъ столикомъ, сидѣли, окруженные родственницами, молодые и пили чай.

— Ну, мраморные, — подошла къ новоже-
намъ сваха, — съ законнымъ васъ бракомъ
имѣю честь поздравить. Дай Богъ вамъ со-
вѣтъ да любовь.

— Очень благодаренъ-съ, — отвѣтилъ моло-
дой, привставая, — Лизочка, кивните ей голов-
кой-съ.

— Постой! Гдѣ же шимпанея - то? Хо-
зяинъ! — повернулась сваха къ отцу жениха,
который шептался съ официантомъ, — гдѣ же
примочка къ поздравленію?

— Поздравляй ужъ на сухую, — отвѣтилъ
тотъ, — всю примочку слизали. Чайку лучше
выпей.

— Чаю-то я выпью, но и кондитеру тво-
ему дурака скажу, — бухнулась сваха съ него-

дованіемъ въ кресло, — самое почетное лицо на свадьбѣ и вдругъ даже понюхать шимпанскаго не дали, тьфу!

Женихъ засмѣялся; сваха приняла его смѣхъ на свой счетъ и, побагровѣвъ отъ злости, пошла въ буфетъ, гдѣ мужчины уже дѣйствовали во всю.

— Madame! je vous prie! — подлетѣлъ къ ней шаферъ, подставляя руку калачемъ.

— Лизнулъ ужъ аспидъ, не утерпѣлъ?

— Рюмочку только и са-а-амую маленькую, клянусь честью! Совѣтую апробовать полынную, — и горчить, и смягчить, и боли сердца утоляеть. Но закуска дрянъ.

— И всѣ здѣсь. мраморный, дрянъ.

— Закуски? Вуй! Представьте, взялъ рыбу, красная такая, воняетъ трупомъ. Клянусь честью... На свадьбѣ и вдругъ трупная закуска, числомъ побольше, цѣною подешевле... моветонъ! Я ужъ и не закусываю.

— Такъ пьешь?

— Такъ. Это гораздо безопаснѣе для здоровья... Madame, прошу! Ради будущихъ благъ! Вдову вашу видѣлъ и познакомился.

— Врешь?

— Клянусь честью. Она спрашиваетъ: «Вы шаферъ жениха?» — «Я, говорю, сударыня, клянусь честью». — «Такъ это вы, говоритъ, полковникъ?» — Ну, конечно, я сейчасъ «вуй мадамъ», и рукотрясеніе.

— Прытокъ, охъ, прытокъ!

— Мнѣ, говоритъ, про васъ Савишна говорила, очень одобряла, даже со всѣхъ сто-

ронъ. Ну, понятно, я сейчасъ поклонъ и mille remerciements.

— Покоришь, ей Богу покоришь.

— Между прочимъ, морда... положимъ, красная, но тѣмъ не менѣе мордальонъ безъ всякаго снисхожденія.

— Это вдова-то морда? Это тебя съ полыновки такъ разогорчило... да такой красоты писаной не скоро встрѣтишь. Что ростъ, что полнота, что обхожденіе.

— Дама съ вѣсомъ, но... трезвому очень трудно... такую хариту.

— Такъ выпьемъ, смѣлѣе будешь!

Сваха, почувявъ новое выгодное дѣльце, клюнула съ шаферомъ и побѣжала отыскивать вдову.

Музыканты, между тѣмъ, лупили вальсъ.

Сваха подлетѣла къ молодому, бродившему съ новобрачной по залѣ, и толкнула его въ бокъ.

— Начинай, балъ, мраморный!

— Какъ начинать-съ? Онъ давно ужъ начался-съ?

— Тьфу! Танцы начинай... Пройдись съ женой по залѣ то, а за тобой и другіе поскачутъ.

— Нѣтъ, я лучше подожду-съ... Куда ужъ мнѣ, я погляжу, какъ другіе.

— Ахъ, дерево! Да вѣдь ты хозяинъ то тутъ, али кто другой?

— Пускай лучше полковникъ открываетъ.

— Полковнику сичасъ некогда, у него сурьезный разговоръ въ буфетѣ происходитъ.

— Дѣ я, право, не знаю... Лизочка, какъ вы-съ?

— Какъ вы-сь, Архипъ Семенычъ, такъ и я-сь.—отвѣтила та, обмахиваясь вѣеромъ.

— Да мнѣ что же... мнѣ наплевать-сь... ежели прикажете, такъ я того-сь... покажу всѣмъ дорогу.

— Танцуй, мраморный, танцуй, не стѣсний ты публику то... видишь, у всѣхъ ноги чешутся, а впередъ тебя не дерзаютъ... скачи въ добрый часъ.

— Лучше, по-моему, полковникъ-сь.

— Да плюнь ты на полковника... Полковнику не до танцевъ, говорю, у него сичасъ сурьезы въ башкѣ... Оркестръ то хорошо гудить?

— Какъ будто торопится-сь.

— Такъ я сичасъ дилижеру скажу, чтобы не гналъ своихъ мохнатыхъ трубадуровъ.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше ничего не говорите, можетъ, такъ и надо-сь.

— А коли надо—балъ открывай. Танцамъ обученъ, такъ какого тебѣ еще рожна?... Обхвати свою краля въ охапку и верти до сыта.

— Лизочка, какъ вы располагаете-сь?—справился молодой у жены.

— Ежели вы ничего противъ не имѣете, такъ начнемъ, а то я могу и съ шаферомъ.

— Ну, ужъ это дудки-сь... У шафера для васъ руки коротки... Становитесь, Лизочка, въ позу-сь.

Молодые начали, а слѣдомъ за ними завертѣлись и другіе танцоры.

— Любо дорого смотрѣть на молодежь, —говорила, восторгаясь, сваха отцу жениха, —а закуску твой кондитеръ такую поставилъ, что ѣсть нельзя...

— Попали мы на кондитера, Савишна,—
вдохнулъ самъ,—ежели и ужиномъ такимъ
угостить, осрамить совсѣмъ...

— Ишь какъ вертятся,—любовалась сваха
на танцоровъ,—поту то одного сколько съ
себя стонять... да гдѣ же мой полковникъ
тонконогій? Ужли все буфетить?

Сваха вытащила шафера изъ буфета и под-
толкнула его къ вдовѣ.

— Говори только съ ней осторожнѣе, а то
опротивѣешь ей своею полынью.

— Въ серьезъ, значить, заводить разгово-
ры?

— Извѣстно, въ сурьезъ, она у меня жен-
щина богобоязненная и окромя законнаго
браку ни на какія прельщенія не пойдетъ.

— Значить, надо сперва выпить.

— Тьфу! Да вѣдь ты ужъ пилъ.

— Мало-съ! Для такой хариты нужно боль-
шое забвеніе... Бразильскихъ мартышекъ ви-
дали-съ?

— Это что же за мартышка такая? Мар-
тына Мартыныча я одного знавала, изъ армян-
ской породы онъ.

— А разговариваете! Безъ питья никакой
иллюзіи не выдетъ, клянусь честью!

Сваха махнула рукой на шафера и подбѣ-
жала къ молодымъ, которые, кончивъ вальсъ,
прохаживались по комнатамъ.

— Вы что же это дѣлаете?

— А что-съ? Мы простуживаемся... страсть
какъ запотѣли-съ въ танцѣ.

— Провѣтривайтесь, коли запотѣли, это
настоящее дѣло, а ты о чемъ, мраморный, съ
женой говорилъ-то?

— Мы-съ? Да про разное-съ . . . они вотъ очень мороженое любятъ-съ, а я не совѣтую, потому глотку простудить ничего не стоитъ.

— Ахъ, дуракъ, ахъ, дуракъ! Ну, какой сичасъ разговоръ про мороженое можетъ быть, коли вы объ любви должны? На мороженицѣ тебя женить надо было, а не на розанѣ китайскомъ... про любовь ей напѣвай.

— Да онѣ на счетъ любви неграмотны-съ.

— Тьфу! Рано тебѣ, я вижу, жениться было.

— Вы о чемъ, тамъ, Савишна, шепчетесь?—справилась невѣста.

— Объ домашнихъ дѣлахъ . . . уму-разуму его учу... Кумплименты-то ей запускала?

— Запускалъ-съ.

— Какіе?

— Разные-съ.

— Ну, и что-жъ она?

— Да ничего-съ... дура-съ!

— Это ты дуракъ-то, мраморный, а не она! И кумплиментъ-то, чай, загибалъ безъ разбору.

— Какіе на языкъ попадались-съ. Мнѣ рази жалко-съ? У ней сичасъ сережки хороши, такъ я насчетъ серегъ.

— А она бы тебѣ насчетъ галстука, али цѣпочки... хорошіе кумплименты, нечего сказать, а ты въ чувствительность ударься, чтобъ ей сердце наскрозь пронзило, понялъ?

— Понимаю-съ... въ губы, значить, прямо... только она при народѣ не согласна-съ.

— Не въ губы, а кумплименты хорошіе двинь . . . дескать, какіе у васъ глазки небесные.

— Небесные-то, чай, голубаго цвѣту, а у ей сѣрые-съ.

— Ну, съ тобой, значить, мнѣ больше толковать нечего . . . авось тебя мать научить, какъ съ женой обращаться, а я тебя вразумить не способна. Говори ужъ про сережки, коли про любовь не умѣешь.

Балъ продолжался своимъ чередомъ. Кавалеры танцевали, а въ антрактахъ подкрѣпляли свои силы въ буфетѣ.

Венгерскимъ графомъ кондитеръ тоже надуль.

Сваха не выдержала и, узнавъ отъ отца жениха, что графа схватила холера, полетѣла въ кухню и прищучила кондитера къ стѣнѣ.

— Да ты, что же это!—орала она на всю кухню,—осрамить нашу свадьбу хочешь? Мы тебя, идола, съ графомъ рядили, а ты имъ только по губамъ насъ помазалъ? Подавай сюда Венгрію, а не то я всю твою плѣшь соусами вымажу!

— Боленъ-съ... Я не виновать,—бормоталъ кондитеръ. Главное, климатъ нашъ этакій . . . нездоровый.

— А ты, порсячья башка мнѣ климатомъ-то зубы не заговаривай! Я всякіе климаты лучше тебя знаю, меня ими не проймешь . . . подавай Венгрію, кастрюлька нелуженая!

— Ей-Богу-съ, радъ бы душой... Господи! Да по мнѣ хоть Австрію, али тамъ Болгарію. . захворалъ, ланшигомъ ему подавиться! Да вы не безпокойтесь, онъ хотѣлъ пріятеля прислать... барона итальянскаго-съ . . . по-моему

Италія даже прочнѣе-сь... и пѣть только сандалъ, и на ѣду не жаденъ: пожуеъ макаронку и сытъ.

— Мнѣ хотѣ испанскаго инквизитора, да подай... уговоръ былъ, ну, и долженъ его исполнить... По красненькой съ морды взялъ а понны нѣту... По какой такой полной правѣ, а? Меня сичасъ въ какой икипажъ засадилъ,—вспомнила сваха кстати,—изъ церкви трое сутокъ везли... спрашиваю кучера, почему его лошади пѣшкомъ идутъ, а онъ въ отвѣтъ: прямо съ похоронъ, купца Чернозубова хоронили, такъ подъ вдовой замучились.. Гдѣ же твой баронъ итальянскій, давай его сюда! Балъ давно начался, а понпы никакой нѣтъ... три цѣлковыхъ съ рыла велю за венгерскаго графа скостить.

— Да прїѣдетъ-сь... ей-Богу, прїѣдетъ... сейчасъ посымалъ-сь... рожу брѣть.

— Тьфу! Хорошъ, тоже баронъ, на циркульника двухъ двугривенныхъ нѣту.

Итальянскій баронъ такъ и не прїѣхалъ; свадьба отъ этого, впрочемъ, ровно ничего не потеряла; веселились на ней отъ души, а пили отъ всего сердца.

Шаферъ жениха кричалъ «вивъ ля франсъ» и пытался качать сваху.

Качать она себя не дозволила, потому, по ея словамъ, женскій полъ къ такой чести своими костюмами не приспособленъ, но русскую съ нимъ пошла.

Шаферъ оказался отъявленнымъ плясуномъ русской и выдѣлывалъ такія колѣна, какія и въ умъ не могли придти нанятому плясуну. Похвываяшіе гости пришли въ восторгъ и

— Царство ему небесное! Бези ты теперь Савишну домой... Савишна свое дѣло сдѣлала, а тамъ и безъ нея управятся... Стало быть, прощайте... Волоки Савишнины кости на покой, мраморный!

На подъѣздъ выходили гости и звали своихъ кучеровъ.

К О Н Е Ц Ъ.